

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

НОВОСТИ НАУКИ И БИЗНЕСА

50 лет кафедре предпринимательского права	6
Форсайт-сессия «Финансовый рынок будущего: вызовы и возможности цифровизации»	7

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Парамонова С. П. К вопросу о сущности и признаках правовых презумпций	9
Кожевников О. А., Крысанов А. В. Правовое положение в России лиц без определенного места жительства и отдельные вопросы защиты их прав Конституционным Судом Российской Федерации	14
Руф В. С., Нечкин А. В. Специализированные органы конституционного контроля в России и Казахстане: сравнительный анализ порядка формирования и основ функционирования	19
Севириков Д. В. Влияние цифровой трансформации и развития информационного общества на обеспечение государственного суверенитета	24
Сухоруков А. С. Особенности защиты конкуренции органами региональной конституционной юстиции	30

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Вагина О. В., Гаевская Е. Ю., Герасимов О. А. Стратегия национальной безопасности в механизме взаимодействия реального и финансового секторов экономики	36
Латышев А. Н. Об условности границ субъектов имущественных отношений (продолжение статьи)	41
Куцурубова-Шевченко Е. В., Кутова И. Э. От права хозяйственного к предпринимательскому: опыт Луганской Народной Республики	47
Славич М. А. Правовая природа замены застройщика в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика	52
Слободянюк А. П. Лица, контролирующие корпорацию, и лица, имеющие право на получение прибыли по результатам ее деятельности: сравнительно-правовой анализ	57

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Коваль В. П. Структура правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации по трудовым спорам	61
---	----

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Саввина Л. Я. О некоторых правовых аспектах отнесения земельных участков к особо охраняемым территориям	66
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Хазанов С. Д., Лифанов Д. М. Законодательство об экстраординарных (специальных) правовых режимах государств-участников Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовой анализ (часть 1)	71
Шахновская И. В. Цифровизация в Республике Беларусь: конституционно-правовой аспект	76

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Гайда А. В., Дубичев В. Р. Государство как важнейшая ценность идеологии России	81
--	----

Трибуна молодых ученых

Миндибаева М. Р., Питиримова А. О. «Эксперимент» О. А. Красавчикова	86
Эбергардт С. А. LegalTech в России: текущее состояние и перспективы развития	89
Борисова Н. С. Цифровые технологии в праве: LegalTech	94
Фетисов В. Б. К вопросу о правовой природе возмещения вреда окружающей среде	99

MEMORY

Воспоминания об Учителе. Валентин Карлович Мамутов – выдающийся ученый, экономист-правовед (к 95-летию со дня рождения)	103
Памяти товарища	106

BV CHIEF EDITOR'S COLUMN

BUSINESS AND SCIENCE NEWS

50 th Anniversary of the Business Law Department	6
Foresight session "Financial Market of the Future: Challenges and Opportunities of Digitalization"	7

PUBLIC LAW

Paramonova S. P. On the issue of the essence and characteristics of legal presumptions	9
Kozhevnikov O. A., Krysanov A. V. The legal status in Russia of persons without a fixed place of residence and certain issues of protection of their rights by the Constitutional Court of the Russian Federation	14
Ruf V. S., Nechkin A. V. Specialized bodies of constitutional control in Russia and Kazakhstan: a comparative analysis of the order of formation and the basics of functioning	19
Sevryuk D. V. Impact of digital transformation and information society development on ensuring state sovereignty	24
Suhorukov A. S. Features of the protection of competition by regional constitutional justice bodies	30

CIVIL AND BUSINESS LAW

Vagina O. V., Gaevskaya E. Yu., Gerasimov O. A. National Security Strategy in the Mechanism of Interacting between Real and Financial Sectors of the Economy	36
Latyev A. N. On the conditionality of the boundaries of subjects of property relations (continuation of the article)	41
Kutsurubova-Shevchenko H. V., Kutovaya I. Ed. From economic law to business law: experience of the Lugansk People's Republic	47
Slavich M. A. Legal nature of replacement of the developer in the case of insolvency (bankruptcy) of the developer	52
Slobodyanyuk A. P. Persons controlling a corporation and persons entitled to make a profit on the results of its activity: comparative legal analysis	57

EMPLOYMENT LAW

Koval' V. P. Structure of the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on labor disputes	61
---	----

URBAN PLANNING, LAND, ENVIRONMENTAL LAW

Savvina L. Ya. About some legal aspects of the assignment of land plots to specially protected territories	66
--	----

INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LAW

Khazanov S. D., Lifanov D. M. Legislation on extraordinary (special) legal regimes of the member states of the Commonwealth of Independent States: comparative legal analysis (part 2)	71
Shakhnovskaya I. V. Digitalization in the Republic of Belarus: constitutional and legal aspect	76

INVITATION TO DISCUSSION

Gaida A. V., Dubichev V. R. The state as the most important value of the ideology of Russia	81
---	----

TRIBUNE OF THE YOUNG RESEARCHERS

Mindibaeva M. R., Pitirimova A. O. "Experiment" by O. A. Krasavchikov	86
Ebergardt S. A. LegalTech in Russia: current state and prospects for development	89
Borisova N. S. Digital technologies in law: LegalTech	94
Fetisov V. B. On the question of the legal nature of compensation for environmental damage	99

MEMORY

Memories of the Teacher. Valentin Karlovich Mamutov – outstanding economist and lawyer (to the 95 th anniversary)	103
Commemorating the memory of a colleague	106

.....

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Четвертый номер журнала выходит в свет в конце 2023 г. Поэтому в нем отражены некоторые события уходящего года.

Так, 20–21 октября 2023 г. в Уральском государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева состоялась Международная научно-практическая конференция, приуроченная к 50-летию кафедры предпринимательского права «Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права», с научными докладами на которой выступили представители кафедр разных вузов России и зарубежных государств, системы арбитражных судов и государственных органов.

В ноябре на юридической неделе прошли многочисленные конференции, круглые столы в Москве, в которых принимали участие и члены кафедры предпринимательского права УрГЮУ. Например, по темах «Правовое обеспечение финансового суверенитета и развитие рынка банковских услуг»; «Развитие конкурентного права в современных условиях»; «Энергетика и право: что улучшить на базе правовых исследований». И, конечно, следует особо отметить, что 28 ноября 2023 г. в нашем Университете прошла форсайт-сессия «Финансовый рынок будущего: вызовы и возможности цифровизации», организованная научно-исследовательской лабораторией правового регулирования цифровой экономики и бизнеса УрГЮУ. В форсайт-сессии приняли участие представители финансового рынка (банковского сегмента), бизнеса, органов государственной власти.

Дорогие читатели! В это непростое время редакция журнала «Бизнес, менеджмент и право» желает Вам крепкого здоровья, новых идей, успешных проектов и неиссякаемого жизненного оптимизма!

*С уважением,
главный редактор*

В. С. Белых

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ **ФОНД ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ПРАВОВОЙ СЛУЖБЫ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ – ИНСТИТУТА ПРАВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА УрГЮА «ГАРМОНИЯ И БЛАГОДЕТЕЛЬ»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР **Белых В. С.** – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА **Герасимов О. А.** – доктор юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ВЫПУСК **Вагина О. В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Гаевская Е. Ю. – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ **Бозров В. М.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Винницкий Д. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», директор Института права БРИКС.

Головина С. Ю. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Дойников И. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».

Илюшина М. Н. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Исаков В. Б. – заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Карелина С. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Камышанский В. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права».

Кванина В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».

Козаченко И. Я. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Круглов В. В. – заслуженный юрист РФ, действительный член (академик) Российской экологической академии, доктор юридических наук, профессор кафедры земельного, градостроительного и экологического права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Кузнецова О. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Митин А. Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Нур Джухайда Осман – Университет Саинс Ислам, г. Нилай, Малайзия.

Салиева Р. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан».

Старилов Ю. Н. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Тужилова-Орданская Е. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

У Дунгао – Яньбеньский университет, юридический факультет, г. Яньцзи, Китайская Народная Республика.

Хазанов С. Д. – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», член Научно-консультативного совета Верховного Суда Российской Федерации.

Шевченко Г. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Владивостокского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».

Ярков В. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Силин Я. П. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (председатель совета).

Беседин А. А. – президент Уральской Торгово-промышленной палаты (председатель правления).

Гаджиев Г. А. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Мамонтов Д. М. – министр природных ресурсов и экологии Свердловской области.

Перевалова И. В. – кандидат юридических наук, президент Нотариальной палаты Свердловской области.

Садыкова Н. В. – старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Сидоркин С. В. – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Свердловской области.

Таранов А. Н. – руководитель Уральского управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору.

Тимофеев А. В. – президент Национальной ассоциации участников фондового рынка.

Тужиков Р. С. – руководитель Уральского межрегионального управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования.

Чубаров В. В. – доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ.

Филиппенков А. А. – президент Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области.

Фурдуй С. В. – начальник Службы внутреннего аудита Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Белых Д. В. – заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

50 лет кафедре предпринимательского права

20–21 октября 2023 г. в Уральском государственном юридическом университете им. В. Ф. Яковлева прошла Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права», посвященная 50-летию кафедры предпринимательского права.

Поздравили коллектив кафедры М. В. Гончаров, канд. юрид. наук, доцент, первый проректор УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева; Белых В. С., д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева; Е. П. Губин, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права МГУ им. М. В. Ломоносова; К. П. Беляев, председатель Арбитражного суда Уральского округа; Б. М. Гонгало, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева; Е. М. Тужилова-Орданская, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Башкирского государственного университета; А. Е. Кирпичев, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия; А. В. Михайлов, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического

права Казанского (Приволжского) федерального университета; Е. В. Куцурубова-Шевченко, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского права и арбитражного процесса Луганского государственного университета им. Владимира Даля; О. А. Кузнецова, д-р юрид. наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по науке Пермского государственного национального исследовательского университета; Г. Э. Берсункаев, заместитель Руководителя Администрации Главы и Правительства Чеченской Республики, директор правового департамента; А. А. Ананьева, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия; В. Н. Туманов, д-р юрид. наук, профессор, председатель Арбитражного суда Калужской области; С. В. Запольский, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; Е. Г. Шаблова, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета; Е. А. Абросимова, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой коммерческого права и основ правоведения МГУ им. М. В. Ломоносова; М. Ф. Казанцев, д-р юрид. наук, профессор кафедры предприниматель-

Празднование 50-летия кафедры, 20 октября 2023 г., участники юбилейной конференции: (сидят) Г. Г. Пиликин, С. В. Запольский, В. С. Белых, М. Ф. Казанцев, М. В. Телюкина; (стоят) Е. В. Куцурубова-Шевченко, А. А. Чернухин, Г. Э. Берсункаев, Н. В. Архиреев, Е. П. Губин, В. М. Кукушкин, Т. Л. Воронова, Н. А. С. Панова, А. В. Ефимов, Е. Г. Шаблова, И. Э. Кутюкова, А. Е. Кирпичев, А. В. Михайлов, Н. В. Рубцова, Н. О. А. Герасимов, М. А. Бажина, М. А. Славич, М. С. Федотов, А. Н. Латышев

ского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева; Г. Н. Шевченко, д-р юрид. наук, профессор Дальневосточного федерального университета; Г. Г. Пиликин, д-р юрид. наук, профессор кафедры предпринимательского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева.

С научными докладами выступили представители кафедр из разных вузов не только России, но и зарубежных государств, системы арбитражных судов и государственных органов. Особо надо отметить участие в конференции ученых Луганского государственного университета им. Владимира Даля и Донецкого института экономических исследований. В последнем в тот же день проводилась международная научно-практическая конференция, посвященная 95-летию со дня рождения и 5-летию памяти основателя Донецкой школы хозяйственного права академика В. К. Мамутова.

В ходе конференции обсуждались актуальные проблемы теории и практики правового регулирования предпринимательской деятельности, в том числе в условиях развития цифровизации экономики

и экономических санкций. По ее итогам планируется издание сборника научных статей.

В читальной зале научной библиотеки (учебный корпус на Комсомольской, 21) были организованы выставка и презентация книг, учебников, пособий, монографий кафедры предпринимательского права за юбилейный период.

Кроме того, состоялось выездное заседание участников конференции на базе одного из крупнейших металлургических предприятий России – ЕВРАЗ НТМК, на котором продолжилось обсуждение актуальных вопросов гражданского и предпринимательского права. Ознакомились они и с деятельностью предприятия.

Благодарим всех участников конференции за участие в юбилейных мероприятиях кафедры предпринимательского права. Также выражаем огромную благодарность всем службам УрГЮУ за помощь в их организации, а руководству ЕВРАЗ НТМК – за активное сотрудничество. Особая благодарность спонсорам (ЕВРАЗ Урал, ММК-Право, корпорация СТС и др.) за оказанную материальную поддержку.

Форсайт-сессия «Финансовый рынок будущего: вызовы и возможности цифровизации»

28 ноября 2023 г. в Уральском государственном юридическом университете им. В. Ф. Яковлева прошла форсайт-сессия «Финансовый рынок будущего: вызовы и возможности цифровизации», организованная научно-исследовательской лабораторией правового регулирования цифровой экономики и бизнеса УрГЮУ совместно с Уральским представительством Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР).

С приветственными словами выступили представители УрГЮУ Владимир Александрович Бублик, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ректор УрГЮУ, Андрей Владимирович Винницкий, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе УрГЮУ, Владимир Сергеевич Белых, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ. Выступающие подчеркивали, как важно представителям разных сфер собираться для обсуждения актуальных вопросов.

*Владимир Сергеевич Белых
и Андрей Владимирович Винницкий*

В форсайт-сессии приняли участие представители финансового рынка, бизнеса, органов государственной власти и эксперты. В частности, в мероприятии участвовали представители Уральского главного управления Банка России, Уральского представительства Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР), представители банков, юридических компаний и иных коммерческих организаций, индивидуальные предприниматели.

Со стороны Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева в форсайт-сессии приняли участие А. И. Савицкий, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права, Е. М. Подрабинок, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Л. Ю. Добрынина, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Д. А. Гаврин, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, О. С. Гончарова, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права.

В рамках сессии обсуждались следующие вопросы:

1. Токенизация и смарт-контракты как глобальный тренд цифровизации финансового сектора;
2. Цифровые модели для международных расчетов и цифровые валюты центральных банков;
3. «Оцифрованный» фондовый рынок vs ЦФА: есть ли новелла?
4. Регуляторный арбитраж: да или нет?
5. Интероперабельность ЦФА: перспективы и риски;
6. DeFi и ЦФА: точки соприкосновения и риски.

Модераторами сессии выступили Р. Г. Ахметшин – директор Уральского представительства Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР) и М. О. Болобонова – советник президента НАУФОР, адвокат, директор лаборатории цифрового права TechLawLab, член экспертного совета Государственной Думы РФ по законодательному регулированию криптовалют.

Выражаем огромную благодарность всем, кто принял участие в мероприятии, и ждем новых встреч!

1. Слева направо: Артем Олегович Зеленин, Александр Альбертович Мецгер, Владимир Сергеевич Белых, Андрей Владимирович Винницкий, Мария Олеговна Болобонова, Радик Гайнуллович Ахметшин, Наталья Геннадьевна Баданова.

2. Слева направо: Татьяна Яковлевна Реутова, Александр Альбертович Мецгер, Владимир Сергеевич Белых, Андрей Владимирович Винницкий, Мария Олеговна Болобонова, Радик Гайнуллович Ахметшин, Сергей Иванович Шумило, Виктор Сергеевич Немихин.

3. Мария Олеговна Болобонова и Радик Гайнуллович Ахметшин

УДК 347

К вопросу о сущности и признаках правовых презумпций

С. П. Парамонова¹

Аннотация. В статье рассматривается категория «общее предположение», которая лежит в основе понимания сущности правовых презумпций, а также выявляются существенные признаки правовых презумпций. На основе анализа доктринальных источников показано, что презумпции действуют не только в плоскости права, но и в различных областях знания. Вместе с тем правовые презумпции отличаются от общих предположений, применяемых вне правового поля, такими важными качественными характеристиками, как нормативный характер и наличие объекта предположения – конкретного юридического факта, опровержимость. Автор рассматривает принятие судом при разрешении дела презюмируемого факта, связанного с фактом-основанием презумпции, без процедуры доказывания как средство процессуальной экономии.

Ключевые слова: правовые презумпции, доказывание, опровержимость презумпции, презюмируемый факт, судопроизводство

On the issue of the essence and characteristics of legal presumptions

Svetlana P. Paramonova²

Abstract. This article considers the category of “general assumption”, which underlies the understanding of the essence of legal presumptions, and also identifies the essential characteristics of legal presumptions. Based on the analysis of doctrinal sources, the author establishes that presumptions operate not only in the sphere of law, but also in various fields of knowledge. At the same time, legal presumptions operating in law differ from general assumptions applied outside the legal field by important qualitative characteristics, including, in particular, the normative nature of legal presumptions and the presence of a legal presumption of the object of the assumption – a specific legal fact, rebuttability of the presumption. The author considers the acceptance by the court, when considering a case, of a presumed fact associated with the fact that is the basis of the presumption without a proof procedure, as a means of procedural economy.

Keywords: legal presumptions; evidence; rebuttability of presumption; presumed fact; legal proceedings

Одним из значений понятия «презумпция» (от лат. *praesumptio*) этимологически является слово «предположение»³. Рассмотрение вопроса о сущности правовой презумпции следует начать с анализа ее родового понятия, для обозначения которого учеными используются различные термины: общая презумпция

(В. К. Бабаев⁴), предположение (В. П. Воложанин⁵), общелогическое предположение (Я. Л. Штутин⁶, О. А. Кузнецова⁷), феномен общей познавательной деятельности (Е. А. Нахова⁸). В целях нашего анализа мы оперируем термином «общее предположение» («общая презумпция»), поскольку он является одним из наиболее

¹ Для цитирования: Парамонова С. П. К вопросу о сущности и признаках правовых презумпций // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 9–13.

² For reference: Paramonova S. P. On the issue of the essence and characteristics of legal presumptions // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 9–13.

³ Дадынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права: по изд. 1896 г. М., 1998. С. 432.

⁴ Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 5, 13.

⁵ Воложанин В. П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1953. С. 31.

⁶ Штутин Я. Л. Предмет доказывания в гражданском процессе. М., 1963. С. 84–86.

⁷ Кузнецова О. А. Презумпции в российском гражданском праве. Пермь, 2002. С. 9.

⁸ Нахова Е. А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию. Саратов, 2006. С. 33–34.

общепризнанных. Важно отметить, что общее предположение (презумпция) – это категория, наиболее близкая к сфере общей философской и познавательной деятельности, применяемая в разных сферах общественных отношений, научного знания и жизни человека (религии, идеологии, морали). Вместе с тем термин «презумпция» в большинстве случаев используется именно в правовой доктрине, законодательстве и правоприменительной практике.

Значение общего предположения в нашем случае заключается в том, что именно его модель лежит в основе правовых презумпций, которые по сути являются его разновидностями, но только в правовой сфере. Данный

Правовые презумпции по своей природе имеют вероятностный характер

факт, в свою очередь, влечет за собой приобретение правовыми презумпциями тех свойств, которые присущи общему предположению, что соответствует их пониманию в соотношении общее – частное¹.

Правовая наука выработала ключевые характеристики общего предположения: 1) все презумпции (общие предположения) являются обобщениями индуктивного характера; 2) они отражают «обычный порядок» предметов или явлений материального мира; 3) презумпции – это вероятностные обобщения; 4) их существование основано на всеобщей причинно-следственной связи между предметами и явлениями²; 5) им присуща возможность опровержения³. Рассмотрим данные характеристики подробнее.

1. Презумпции представляют собой индуктивные умозаключения, поскольку в самом общем виде связываются с построением такого вывода, который делается из множества имевших место в жизненной практике случаев. Путем обобщения однородных частных случаев, относительно всего количества которых мы не имеем исчерпывающих сведений, строится предположение о существовании каких-то фактов, событий, явлений при наличии аналогичных условий. Построение вывода об объекте предположения, которое основано лишь

на сведениях об ограниченном количестве обобщаемых случаев, в логике связывается с так называемой неполной индукцией и поэтому влечет для презумпции лишь вероятностное, а не истинное знание.

В свое время В. К. Бабаев отмечал, что объектом предположения правовой презумпции могут выступать как явления общечеловеческой и бытовой жизни, которые, на первый взгляд, не имеют отношения к праву (например, предположение об отцовстве какого-либо лица), так и те, которые устанавливались законодателем для целей правотворческой и правоприменительной деятельности (например, предположение о вероятном влиянии услышанного на объективность свидетелей, не удаленных из зала судебного заседания до дачи показаний другими лицами)⁴.

Тем не менее любой факт, существование которого предполагается в рамках правовой презумпции, несмотря на его исходную бытовую или правовую природу и направленность, должен быть связан с таким последствием, наличием которого закон обуславливает возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Иначе говоря, он должен быть именно юридическим фактом.

2. Традиционно в презумпциях отражается «обычный порядок вещей», под которым понимается практически постоянный или зачастую повторяющийся результат или ход определенного события, явления, деятельности. Как правило, такой результат складывается в условиях повседневной человеческой жизни и обусловлен сложившейся практикой. Вместе с тем в правовом поле правовые презумпции могут «отклоняться» от такого обычного порядка и выступать инструментом законодателя, который стремится достичь конкретных целей правового регулирования. Примером может служить презумпция вины причинителя вреда в гражданском праве, которая, как представляется, установлена не в силу того, что причинитель вреда в деликтном обязательстве постоянно является действительным виновным субъектом, а в силу того, что ему легче доказать свою невиновность, чем потерпевшему – виновность причинителя вреда.

3. Правовые презумпции по своей природе имеют вероятностный характер. Презумпция – предположение,

¹ Подробнее см.: Грубцова С. П. Правовые презумпции в судебном административном процессуальном праве. М., 2020.

² См.: Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. С. 12; Штутин Я. Л. Предмет доказывания в гражданском процессе. С. 84–85; Кузнецова О. А. Презумпции в российском гражданском праве. С. 20–21; Сериков Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2006. С. 2–6.

³ См.: Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. С. 10–11.

⁴ Там же. С. 17.

принятое в качестве вероятного¹, предположение, основанное на вероятных посылках². Вероятность – это количественная мера осуществимости некоторого события при наличии неопределенности, т. е. в ситуации, когда это событие характеризуется как возможное.

4. Условием действия презумпций выступает всеобщая причинно-обусловленная связь предметов и явлений окружающего нас мира. В силу повторяемости повседневных жизненных процессов возникает определенная закономерная связь между фактом-основанием презумпции и презюмируемым фактом. Всеобщая связь позволяет предполагать наличие или отсутствие определенных явлений, фактов на основе существующих и наблюдаемых в данный момент событий, предметов и их признаков. Ключевую роль в установлении такой связи играет именно повторяемость жизненных процессов, явлений в природе и деятельности человека. Такая зависимость между фактами и явлениями, подтвержденная практикой, позволяет приходить к выводам, которые являются типичными для конкретных ситуаций и поэтому не требуют подтверждения доказательствами. Пример – известная в семейном праве презумпция отцовства лица, находящегося в браке с матерью ребенка.

5. Поскольку презумпции представляют собой вероятностные выводы об объекте предположения, всегда сохраняется вероятность того, что презюмируемый факт не соответствует действительности, противоречит обстоятельствам дела. В этой связи своего рода защитным механизмом для стороны, против которой установлена презумпция, выступает возможность ее опровержения. Правовым последствием опровержения правовой презумпции является то, что презюмируемый факт уже не может считаться установленным.

Таким образом, сущностной основой правовых презумпций в целом и правовых презумпций в конкретной отрасли права (материального или процессуального) выступает философско-логическая категория общего предположения. Данное родовое по отношению к правовым презумпциям понятие предопределяет включение в качественную характеристику презумпций в области права тех общих признаков, которые присущи общему предположению. Вместе с тем отдельные сущностные характеристики общего предположения приобретают в плоскости права дополнительное содержание.

В юридической литературе выделяют следующие существенные признаки правовых презумпций.

Сущностной основой правовых презумпций в целом и правовых презумпций в конкретной отрасли права (материального или процессуального) выступает философско-логическая категория общего предположения

1. Вероятность вывода об объекте предположения (вероятностный характер презумпции). Данный признак приписывает правовым презумпциям большинство ученых, занимавшихся их изучением, и, как правило, отражается в самой дефиниции³. Понятно, что нельзя с категоричностью утверждать, что полученный с помощью правовой презумпции результат в виде нового для суда знания всегда является объективной истиной и носит достоверный характер. Достоверность презюмируемых фактов как соответствие их действительным обстоятельствам дела сохраняется только в том случае, если такие обстоятельства (факты) не будут опровергнуты в установленном законом порядке. В таком случае о достоверности презюмируемых фактов вряд ли приходится говорить, и они уже не могут быть положены в основу решения суда по конкретному делу.

2. Нормативность (нормативный характер) презумпции. Чтобы правовая презумпция могла функционировать в праве и играть присущую ей роль, необходимо ее облечение в соответствующую нормативную форму, включение в нормативный массив. Отраженное в норме права юридически значимое предположение только тогда становится правовой презумпцией, когда оно находит надлежащее нормативное оформление. При таких обстоятельствах речь уже не может идти о действии в праве так называемых фактических презумпций, не закрепленных в нормах материального и процессуального права. Вместе с тем мнение об их существовании и соответствующей роли в области права в науке высказывалось (В. И. Каминская⁴).

3. Принятие презюмируемого факта без процедуры доказывания. Правовые презумпции приобретают прикладное значение не в условиях их теоретического

¹ Философский энциклопедический словарь, 2010 // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3071 (дата обращения: 01.11.2023).

² Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3. С. 735.

³ См., например: Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. С. 249–250; Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях // Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 44 и др.

⁴ Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / отв. ред. Н. Н. Полянский. М.; Л., 1948. С. 88–89.

осмысления и законодательного закрепления, а в рамках судопроизводства, при рассмотрении судом конкретного дела. Принятие судом презюмируемого факта, связанного с фактом-основанием презумпции, без процедуры доказывания позволяет говорить о презумпциях как о средствах процессуальной экономии и для суда, и для лиц, участвующих в деле, в пользу которых презумпция установлена. Это связано с тем, что презумпция в действии снижает трудозатраты участвующих в деле лиц по доказыванию презюмируемого факта. Суду также проще установить факт презюмируемый, чем ординарный юридический факт, требующий доказывания, поскольку заключение о существовании презюмируемого факта делается судом без процедуры доказывания его лицами, участвующими в деле.

Какие условия должны соблюдаться, чтобы суд смог принять презюмируемый факт? Во-первых, факт-основание презумпции всегда должен быть установлен. Во-вторых, лицо освобождается от доказывания презюмируемого факта. В-третьих, принятие судом презюмируемого факта возможно, только когда не доказаны иные факты, его опровергающие¹.

Относительно первого условия можно сказать, что с точки зрения своей структуры правовые презумпции заключают в себе факт-основание и презюмируемый факт, или, как его реже называют в специальной литературе, факт презумптивного характера². Здесь имеет значение то, чтобы в условиях рассмотрения дела в суде этот факт был установлен.

Второе условие влияет в большей степени не на суд, а на процессуальную деятельность участвующих в деле лиц, в пользу которых презумпция установлена. Такой положительный для них эффект в процедуре

доказывания, как освобождение от обязанности доказывания презюмируемого факта, является по сути специальным, льготным режимом распределения доказательственного бремени, отличным от общего порядка. В отсутствие правовой презумпции все факты, которые являются основаниями требований или возражений стороны, подлежат доказыванию.

Третье условие, предопределяющее возможность перехода от факта-основания к презюмируемому факту, – неопровержение в процессе доказывания данного презюмируемого факта. Ранее уже говорилось, что возможность опровержения является одной из характеристик общего предположения. В этой связи презюмируемый факт будет считаться установленным и принят судом только в двух случаях: либо когда лицо, участвующее в деле, против которого действует презумпция, вообще не реализовывало право на опровержение данного факта, либо когда в процессе доказывания лицо не смогло доказать противоречие презюмируемого факта иным обстоятельствам дела.

Таким образом, правовые презумпции наделяются специальными по сравнению с общими презумпциями признаками, что предопределено особым местом права в системе социальных регуляторов. Поэтому правовой презумпции присущ индуктивный и вероятностный характер, она предусматривает возможность своего опровержения и построена на всеобщей причинно-следственной связи материального мира. Кроме того, она всегда нормативно оформлена, указывает на конкретный юридический факт, порождающий правовые последствия, и сопровождается переходом от установленного факта-основания к презюмируемому факту без процедуры его доказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. – 124 с.
2. Воложанин В. П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1953. – 274 с.
3. Грубцова С. П. Правовые презумпции в судебном административном процессуальном праве. – М.: Статут, 2020. – 233 с.
4. Дадынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права: по изд. 1896 г. – М.: Спарк, 1998. – 560 с.
5. Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / отв. ред. Н. Н. Полянский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 132 с.
6. Кузнецова О. А. Презумпции в российском гражданском праве. – Пермь: Пермский гос. национальный исследовательский ун-т, 2002. – 164 с.
7. Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях // Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 389 с.

¹ Сериков Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2006. С. 24.

² Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. С. 9.

8. Нахова Е. А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. – 160 с.
9. Сериков Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. – М.: ВолтерсКлувер, 2006. – 184 с.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1939. – Т. 3. – 1310 с.
11. Философский энциклопедический словарь, 2010 // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3071 (дата обращения: 01.11.2023).
12. Штутин Я. Л. Предмет доказывания в гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1963. – 186 с.
13. Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1951. – 295 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Парамонова Светлана Павловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: grubtsovas@gmail.com, ORCID:0000-0001-7477-3741.

AUTHOR'S DETAILS

Svetlana P. Paramonova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: grubtsovas@gmail.com, ORCID:0000-0001-7477-3741.

УДК 342.7

Правовое положение в России лиц без определенного места жительства и отдельные вопросы защиты их прав Конституционным Судом Российской Федерации

О. А. Кожевников, А. В. Крысанов¹

Аннотация. В статье исследуются некоторые аспекты правового положения в Российской Федерации лиц без определенного места жительства, проводятся обобщение и анализ федеральной конституционно-правовой практики защиты их прав. Авторы обращают внимание на условия, затрудняющие развитие института судебной защиты прав бездомных Конституционным Судом Российской Федерации, подчеркивают важность усиления роли уполномоченных органов государственной власти, прежде всего исполнительной власти, по формированию такой правоприменительной практики, которая была бы максимально направлена на защиту прав граждан, постоянно или временно являющихся бездомными, поскольку именно права и свободы человека и гражданина, вне каких-либо социальных различий, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, лица без определенного места жительства, бездомные

The legal status in Russia of persons without a fixed place of residence and certain issues of protection of their rights by the Constitutional Court of the Russian Federation

Oleg A. Kozhevnikov, Anton V. Krysanov²

Abstract. In the proposed article, based on the study of normative legal material and other documents, some aspects of the legal status of persons without a fixed place of residence in the Russian Federation are investigated, a generalization and analysis of the federal constitutional and legal practice of protecting their rights is carried out. The authors draw attention to the conditions that hinder the development of the institution of judicial protection of the rights of homeless by the Constitutional Court of the Russian Federation, thesis on the importance of strengthening the role of authorized state authorities, first of all, the executive branch, according to the formation of such law enforcement practice, which would be maximally aimed at protecting the rights of citizens who are permanently and temporarily homeless, since it is the rights and freedoms of man and citizen, regardless of any social differences, that determine the meaning, content and application of laws, the activities of legislative and executive authorities, local self-government.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; persons without a fixed place of residence; homeless

¹ Для цитирования: Кожевников О. А., Крысанов А. В. Правовое положение в России лиц без определенного места жительства и отдельные вопросы защиты их прав Конституционным Судом Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 14–18.

² For reference: Kozhevnikov O. A., Krysanov A. V. The legal status of persons without a fixed place of residence in Russia and certain issues of protection of their rights by the Constitutional Court of the Russian Federation // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 14–18.

Происходящие в России на протяжении всей ее новейшей истории реформы экономического, социального, политического характера в большинстве своем влекут за собой позитивные итоги. Вместе с тем нельзя не замечать и целый ряд негативных моментов в развитии нашего государства и общества, которые то проявляются с разной степенью «обострения», то исчезают. Представляется, что одним из таких негативных явлений можно считать наличие в нашем обществе определенной группы людей, обладающих весьма специфическим правовым статусом. В научной литературе, правовых актах и юридически значимых документах названные субъекты обозначаются как лица без определенного места жительства, в средствах массовой информации и при обычном общении их, как правило, называют бомжами либо бездомными. Указанные формулировки, к сожалению, в большинстве случаев подразумевают под собой лиц, которые ведут асоциальный, девиантный образ жизни.

Стоит сказать, что информационная статистическая картина, характеризующая количественные и иные показатели о бездомных, формируется по результатам переписи населения. По данным Росстата, в России к концу 2022 г. насчитывалось 11 285 бездомных, притом что в 2010 г. их было 64 077 человек¹. Приведенные данные свидетельствуют, что на протяжении последнего десятилетия в нашей стране наблюдалось серьезное снижение состава лиц без определенного места жительства. Однако анализ методики переписи таких лиц² позволяет предположить, что их реальное число может быть несколько выше. Специалисты также отмечают данный факт, указывая, что при подсчете бездомных не учитываются люди, находящиеся в приютах, или те, кто занимает пустующие дома в сельской местности³.

И здесь встает вопрос о том, что несмотря на возможное негативное социальное отношение к этим лицам, остается незыблемой необходимость гарантирования их конституционных прав и свобод наряду с иными субъектами права, т. е. реализации положений ст. 2 Конституции РФ о высшей ценности прав и свобод человека и гражданина, обязанности государства соблюдать и защищать эти права и свободы. Кроме того, обязанность

Российского государства обеспечивать и защищать права лиц вне зависимости от их принадлежности к той или иной категории предопределяется и рядом иных конституционных норм. В частности, именно Конституция РФ определяет Российскую Федерацию в качестве социального государства, в котором развивается система социальных служб, устанавливаются гарантии социальной защиты (ст. 7); закрепляет в качестве предметов

Обязанность Российского государства обеспечивать и защищать права лиц вне зависимости от их принадлежности к той или иной категории предопределяется, кроме ст. 2, и рядом иных конституционных норм

ведения Российской Федерации вопросы установления основ федеральной политики и федеральных программ в области социального развития Российской Федерации (п. «е» ст. 71); устанавливает в числе предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации социальную защиту, включая социальное обеспечение (п. «ж» ч. 1 ст. 72).

Однако несмотря на приведенные конституционные предписания, следует констатировать, что правовое регулирование положения лиц без определенного места жительства является недостаточным и весьма поверхностным.

Правовой статус любого человека зависит от характера его правовой связи с государством, т. е. от обладания гражданством Российской Федерации. По этому критерию лица без определенного места жительства могут быть разделены на обладающие гражданством Российской Федерации и не имеющие такового, что обуславливает объем их прав, свобод и обязанностей. Достаточно остро при этом стоит проблема определения гражданства при утрате документов, подтверждающих его наличие⁴.

¹ Число бездомных в России снизилось в 6 раз за 10 лет // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Бездомные_люди_в_России (дата обращения: 08.03.2023).

² В приказе Федеральной службы государственной статистики от 17 сентября 2020 г. № 553 «Об утверждении документов Всероссийской переписи населения 2020 года» закреплено: «Лица без определенного места жительства будут переписаны, как все граждане России, методом опроса и заполнения переписных листов, в местах, где их застанет переписчик. Как правило, места скопления таких граждан известны органам внутренних дел. Во избежание двойного счета бездомным будут выданы справки о прохождении переписи, при ее предъявлении другой переписчик не будет вновь их опрашивать».

³ См., например: Отставнова Е. А. Правовой статус лиц без определенного места жительства в России // Вестн. Саратовской гос. юрид. академии. 2018. № 2 (121). С. 69–76; Лучинин Н. П. Юридические проблемы лиц без определенного места жительства и пути их преодоления // Молодой ученый. 2019. № 41 (279). С. 90–93.

⁴ Там же.

На сегодня в нашей стране отсутствует четкая система законодательства, закрепляющего статус бездомных лиц. Лишь путем толкования нескольких взаимосвязанных документов можно определить отдельные его элементы. Так, к лицам без определенного места жительства, которые являются клиентами социальной службы, могут быть отнесены: 1) граждане, не имеющие регистрации по месту жительства в качестве собственника, по договору найма или поднайма, договору аренды или на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации; 2) граждане, не имеющие возможности проживать по месту регистрации по не зависящим от них причинам. При этом в таких документах в основном приводятся перечни оказываемых данным лицам социальных услуг, в число которых входит

На сегодня в нашей стране отсутствует четкая система законодательства, закрепляющего статус бездомных лиц. Лишь путем толкования нескольких взаимосвязанных документов можно определить отдельные его элементы

консультирование по социально-правовым вопросам (гражданское, жилищное, трудовое, пенсионное, уголовное законодательство и др.), а также по вопросам, касающимся охраны их прав, свобод и здоровья¹.

Одной из неотъемлемых конституционных гарантий защиты прав граждан, вне зависимости от их статуса, является их судебная защита, в том числе путем обращения в Конституционный Суд РФ. В соответствии со ст. 96 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» правом на обращение в названный Суд обладают граждане, чьи права и свободы, по их мнению, нарушаются примененными в конкретном деле федеральным конституционным законом, федеральным законом, нормативным актом Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, конституцией республики, уставом, законом либо иным нормативным актом субъекта Российской Федерации, изданным по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской

Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Однако к жалобе помимо документов, перечисленных в ст. 38 названного Закона, должны прилагаться судебные решения, подтверждающие применение обжалуемого нормативного акта судом при разрешении конкретного дела и исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты. Бездомные же, как правило, не имеют возможности самостоятельно или с помощью профессиональных юристов, услуги которых оплачиваются, искать полноценной защиты в судах общей и арбитражной юрисдикции. Поэтому в практике Конституционного Суда РФ вопросы нормативного регулирования статуса бездомных обычно не находят отражения, но и сказать, что Суд вообще не рассматривал соответствующие нормы, тоже было бы неверно.

Так, в Определении от 8 июля 2021 г. № 1372-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Деминой Евгении Ивановны, Никитиной Анны Николаевны и Павлова Юрия Владимировича на нарушение их конституционных прав статьей 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем первым пункта 2 статьи 1 Закона Санкт-Петербурга «О порядке ведения учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлении жилых помещений по договорам социального найма в Санкт-Петербурге» Конституционный Суд РФ хотя и отказал в принятии к рассмотрению этой жалобы, но сформулировал ряд следующих важных позиций, которые могут оказать существенное влияние на судебную и правоприменительную практику защиты прав лиц без определенного места жительства.

Во-первых, регистрационный учет граждан по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации вводится в целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданином Российской Федерации его прав и свобод, а также исполнения им обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом. Сам по себе факт регистрации или отсутствия таковой не порождает для гражданина каких-либо прав и обязанностей и не может служить основанием ограничения или условием реализации его прав и свобод. Регистрация в том смысле, в каком это не противоречит Конституции России, является лишь предусмотренным федеральным законом способом учета граждан в пределах Российской

¹ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения. Термины и определения»; Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 53064-2017 «Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания и социальные услуги лицам без определенного места жительства и занятий».

Федерации, носящим уведомительный характер и отражающим факт нахождения гражданина по месту пребывания или жительства. При этом место жительства гражданина может быть установлено судом на основе различных юридических фактов, не обязательно связанных с регистрацией его компетентными органами (постановления от 4 апреля 1996 г. № 9-П, от 2 февраля 1998 г. № 4-П, от 4 октября 2016 г. № 18-П, от 30 июня 2021 г. № 31-П и др.).

Во-вторых, регистрация по месту жительства или по месту пребывания не может рассматриваться в качестве единственного доказательства, способного подтвердить местонахождение гражданина (постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (абзац 6 п. 11) и от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (абзац 3 п. 17, абзац 3 п. 36). Установление данного факта в судебном порядке на основе иных доказательств действующим процессуальным законодательством не исключается.

Таким образом, высший федеральный орган конституционного судебного контроля дал единственно возможное конституционное толкование института государственной регистрации граждан по месту пребывания, а также незаконного ограничения судами установления местонахождения гражданина исключительно фактом его регистрации по месту пребывания.

Другой пример – Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2021 г. № 2104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синекаева Романа Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 397–399 и главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В мотивировочной части определения отмечено, что ч. 6 ст. 53 УК прямо предусматривает, что ограничение свободы не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим

места постоянного проживания на территории России. Здесь Суд, раскрывая конституционно-правовое содержание названного положения Уголовного кодекса РФ, сослался на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами уголовного наказания», в п. 20 которого указано, что «одно лишь отсутствие регистрации по месту жительства или пребывания лица не может являться основанием для вывода об отсутствии у него места постоянного проживания. При этом отсутствие регистрации по месту жительства или пребывания лица может являться основанием для вывода об отсутствии у него места постоянного проживания на территории в совокупности с данными о его личности, которые, например, указывают на склонность к постоянной смене места жительства или неспособность обеспечить себе постоянное место проживания».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что отдельные вопросы статуса лиц без определенного места жительства все-таки находят свое место в федеральной конституционно-правовой практике. Однако очевидно и то, что развитию института судебной защиты прав бездомных Конституционным Судом РФ препятствуют обозначенные выше обязательные условия допустимости жалобы для рассмотрения. В этой связи представляется важным усиление роли уполномоченных органов государственной власти, прежде всего исполнительной, в деле формирования такой правоприменительной практики, которая была бы максимально направлена на защиту прав граждан, постоянно или временно являющихся бездомными, поскольку именно права и свободы человека и гражданина, вне каких-либо социальных различий, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления (ст. 18 Конституции РФ), а функционирование правового и социального государства невозможно без создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лучинин Н. П. Юридические проблемы лиц без определенного места жительства и пути их преодоления // Молодой ученый. – 2019. – № 41 (279). – С. 90–93. – URL: <https://moluch.ru/archive/279/62999> (дата обращения: 12.05.2023).
2. Отставнова Е. А. Правовой статус лиц без определенного места жительства в России // Вестн. Саратовской гос. юрид. академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 69–76.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кожевников Олег Александрович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (Россия, Екатеринбург). E-mail: jktu1976@yandex.ru.

Крысанов Антон Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доцент кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (Россия, Екатеринбург). E-mail: AmK1984@e1.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Oleg A. Kozhevnikov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the V. F. Yakovlev Ural State Law University, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Ural State University of Economics (Russia, Yekaterinburg). E-mail: jktu1976@yandex.ru.

Anton V. Krysanov

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the V. F. Yakovlev Ural State Law University, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Ural State University of Economics (Russia, Yekaterinburg). E-mail: AmK1984@e1.ru.

УДК 342.5

Специализированные органы конституционного контроля в России и Казахстане: сравнительный анализ порядка формирования и основ функционирования

В. С. Руф, А. В. Нечкин¹

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ порядка формирования, состава, полномочий Конституционного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Республики Казахстан, субъектов, обладающих правом на обращение в эти органы, а также органов, обеспечивающих организационное, материальное-техническое и иное обеспечение органов конституционного контроля. Указаны основные предпосылки создания самостоятельного органа конституционного судебного контроля. Исследованы нормативные и научные источники, посвященные особенностям и порядку формирования органов конституционного контроля в странах Содружества Независимых Государств. Рассмотрены особенности ранее функционировавшего в Республике Казахстан Конституционного Совета, отдельные положения организации и деятельности которого предопределили образ Конституционного Суда Республики. Представлена краткая история взаимодействия двух государств-соседей. Обоснована актуальность компаративистского анализа деятельности высших государственных органов конституционного контроля в рамках евразийской интеграции, в том числе на уровне выработки единых стандартов государственного устройства: законодательной, исполнительной и судебной власти. Показаны пределы заимствования отдельных нормативных положений, предопределяющих организацию и функционирование Конституционного Суда РФ, при создании Конституционного Суда Казахстана. Сделаны выводы об особенностях организации нового высшего судебного органа конституционного контроля в Республике Казахстан.

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд Российской Федерации, Конституционный Совет Республики Казахстан, Конституционный Суд Республики Казахстан, состав, полномочия, порядок формирования

Specialized bodies of constitutional control in Russia and Kazakhstan: a comparative analysis of the order of formation and the basics of functioning

Vladislav S. Ruf, Andrei V. Nechkin²

Abstract. Article provides a comparative analysis of the order of formation, composition, powers of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, subjects who have the right to appeal to these bodies, as well as bodies providing organizational, material, technical and other support for constitutional control bodies. The main prerequisites for the creation of an independent body of constitutional judicial control are indicated. Normative and scientific sources devoted to the peculiarities and procedure of formation of constitutional control bodies in the countries of the Commonwealth of Independent States are investigated. The features of the Constitutional Council that previously functioned in the Republic of Kazakhstan are considered, certain provisions of the organization and activities of which predetermined the image of the Constitutional Court of the Republic. A brief history of interaction between the two neighboring states is presented. The relevance of the comparative analysis of the supreme state bodies of constitutional control within the framework of Eurasian integration is substantiated, including at the level of developing common standards of the state structure: legislative,

¹ Для цитирования: Руф В. С., Нечкин А. В. Специализированные органы конституционного контроля в России и Казахстане: сравнительный анализ порядка формирования и основ функционирования // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 19–23.

² For reference: Ruf V. S., Nechkin A. V. Specialized bodies of constitutional control in Russia and Kazakhstan: a comparative analysis of the order of formation and the basics of functioning // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 19–23.

executive and judicial authorities. The limits of borrowing of certain regulations that predetermine the organization and functioning of the Constitutional Court of the Russian Federation when creating the Constitutional Court of Kazakhstan are presented. Conclusions are drawn about the peculiarities of the organization of the new supreme judicial body of constitutional control in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: Constitution; Constitutional Court of the Russian Federation; Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan; Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan; composition; powers; formation procedure

Российская Федерация и Казахстан – это два государства, во многом объединенных общей историей. По мнению ряда исследователей, отношения между двумя государственными образованиями датируются еще XVIII в. когда в период правления Петра I заключались первые соглашения, регулирующие отношения между российскими подданными и подданными казахских улусов¹. Спустя столетия Казахстан стал частью Российской империи, а затем – отдельной республикой, частью СССР. За столь продолжительное время произошел взаимный обмен культур, был выработан принцип взаимного сосуществования, что обусловило значительное, в особенности в советский период, социально-экономическое развитие Казахстана². С распадом СССР Верховным Советом Республики Казахстан 16 декабря 1991 г. был принят Конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан», который ознаменовал закрепление на международной арене самостоятельного, суверенного государства.

С этого момента Россия и Казахстан стали строить двусторонние отношения, направленные на создание крепких дипломатических и партнерских связей в рамках процесса евразийской интеграции. В частности, как справедливо отмечалось в научной среде, особую значимость в этом процессе играет взаимодействие научного сообщества двух государств по разработке совместных стратегий, с одной стороны, аккумулирующих мировой опыт государственного строительства, а с другой – достаточно гибко адаптирующихся к национально-историческим особенностям³.

Право и государственное устройство также являются важными составляющими исследования по разработке планов сотрудничества и взаимодействия

на межгосударственном уровне, обмена опытом и формирования общих конституционно-правовых ценностей, по созданию единого правового пространства. Соответственно эти тенденции предопределяют актуальность изучения, анализа и сравнения органов конституционного контроля России и Казахстана как государств-соседей.

Изначально, с 1992 г. в качестве органа конституционного контроля в Казахстане функционировал Конституционный Суд. С принятием Конституции 1995 г. его место занял Конституционный Совет, который был создан по образу и подобию Конституционного Совета Франции, как отмечалось на тот момент высшим руководством Казахстана. Однако между ними прослеживался ряд отличий в составе (во Франции – 9 членов Совета, в Казахстане – 6), сроках полномочий (во Франции – 9 лет с ротацией одной трети состава каждые 3 года, в Казахстане – 6 лет с ротацией одной второй состава каждые 3 года), требованиях к кандидатам (в отличие от Казахстана, где гражданин должен быть не моложе 30 лет и иметь высшее юридическое образование, во Франции такие требования не установлены)⁴.

С 1 января 2023 г. на территории Казахстана действует правопреемник Конституционного Совета – Конституционный Суд Республики Казахстан (далее – КС РК). Предложение создать в качестве органа конституционного контроля именно суд было инициировано Президентом Казахстана, который озвучил его на совместном заседании палат Парламента. Основной причиной его создания стала необходимость обеспечить гражданам возможность напрямую обращаться за разъяснениями своих конституционных прав, что при Конституционном Совете было неосуществимо⁵.

¹ Рубаев А. В., Никонов О. А. Россия и Казахстан: исторический опыт взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Свободная мысль. 2021. № 4(1688). С. 172.

² Самигуллин В. К. Государственное устройство современного Казахстана: опыт сравнительно-правового анализа // Проблемы востоковедения. 2015. № 2(68). С. 37.

³ Исаков И. Ж. Взаимодействие казахстанских и российских ученых в развитии юридической науки Казахстана // Вестн. Московского ун-та МВД России. 2015. № 11. С. 23.

⁴ Остапович И. Ю. Образование Конституционного Совета Республики Казахстан, его конституционно-правовые основы // Вестн. Томского гос. ун-та. 2010. № 341. С. 123.

⁵ Послание Главы государства народу Казахстана см.: URL: https://www.inform.kz/ru/polnyy-tekst-poslaniya-glavy-gosudarstva-narodu-kazahstana_a3912095 (дата обращения 10.05.2023).

На основании этой идеи был разработан Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 г. № 153-VII «О Конституционном Суде Республики Казахстан» (далее – Конституционный закон РК).

В соответствии со ст. 3 указанного Закона КС РК, как и Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), состоит из 11 судей, в том числе Председателя и его заместителя. Однако существенно отличается порядок назначения названных лиц. Согласно ст. 4 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» судьи назначаются Советом Федерации по представлению Президента (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). В свою очередь, судьи КС РК назначаются в следующем порядке: четверо – Президентом самостоятельно, по трое судей – каждой из палат Парламента. Такой порядок формирования судейского корпуса обладает определенным сходством с порядком формирования Конституционного Совета Казахстана, в соответствии с которым два члена назначались Президентом, и по два члена – палатами Парламента. Вполне возможно, что во многом это было сделано для того, что сохранить сложившуюся в Республике Казахстан систему сдержек и противовесов. При этом нельзя не брать во внимание национальную особенность конституционно закрепленной формы правления, предполагающей широкие возможности и свободу усмотрения главы государства, которая уже неоднократно становилась предметом научного интереса¹.

Еще одно существенное отличие кроется в сроках полномочий судей органов конституционного контроля двух стран: в соответствии со ст. 6 Конституционного закона РК срок полномочий судей ограничен шестью годами с запретом замещать должность более одного раза. А полномочия судей КС РФ не ограничены каким-либо сроком, за исключением предельного возраста пребывания в должности – 70 лет.

Здесь стоит отметить, что при определении требований к кандидатам на должность судьи КС РК казахстанский законодатель опирался на российское законодательство. Это может быть подтверждено тем, что требования к возрасту судьи были подняты с 30 лет (как было установлено для кандидатов в члены Конституционного Совета) до 40, а стаж работы в юридической профессии – с 5 до 15 лет, также появилась формулировка «высокая квалификация в области права, безупречная

репутация», что практически полностью дублирует ст. 8 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Право и государственное устройство являются важными составляющими исследования по разработке планов сотрудничества и взаимодействия на межгосударственном уровне, обмена опытом и формирования общих конституционно-правовых ценностей, по созданию единого правового пространства

Конституционный закон РК содержит ряд статей (13–15), которые предусматривают и конкретизируют материальные и иные гарантии судей КС РК, в то время как в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» лишь провозглашается их наличие, а конкретизируются они в иных законодательных актах (например, Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей Российской Федерации» и Федеральном законе от 10 января 1996 г. № 6-ФЗ «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации»). Однако это не говорит о наличии каких-либо существенных различий в самих гарантиях. В обоих государствах судьям органа конституционного контроля предоставляются жалование в соответствии с их высоким статусом, гарантии безопасности, пенсионное обеспечение и др.

Наиболее существенные отличия прослеживаются в порядках конституционного производства в двух государствах. В частности, в КС РФ разбирательства проходят преимущественно устно, за исключением случаев, когда принято решение о рассмотрении дела по ограниченному законом кругу вопросов без судебного заседания, в то время как в КС РК придерживаются бумажной или электронной формы (ст. 29 Конституционного закона РК). В связи с этим производство в КС РК может осуществляться с использованием различных технических средств, а все материалы, полученные в электронном формате, формируются в электронное дело.

Хотя и в КС РФ, и в КС РК предусматривается возможность проведения закрытого судебного заседания,

¹ См.: Кургузиков М. С. Формирование органов конституционного контроля в странах СНГ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 1. С. 31–37; Нечкин А. В. Взаимодействие главы государства со специализированным органом конституционного контроля в странах СНГ // Антиномии. 2021. Т. 21. № 3. С. 107–124; Худолей К. М., Худолей Д. М. Формы правления зарубежных стран бывшего Советского Союза // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. № 41. С. 371–395.

цель такового в ст. 34 Конституционного закона РК ограничивается интересами охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны, в то время как в России закрытое заседание в КС РФ может быть назначено также в целях обеспечения безопасности граждан, защиты общественной нравственности. В остальном же ключевые принципы конституционного судопроизводства – языка, коллегиальности, равенства участников, гласности, непрерывности – идентичны.

Круг субъектов, которые могут обратиться с запросом о проверке соответствия нормативных актов Конституции в КС РК значительно отличается от круга субъектов, обладающих аналогичным правом обращения в КС РФ. Так, с подобным запросом могут выступать Генеральный прокурор и Уполномоченный по правам человека Казахстана. Более того, Генеральный прокурор может обратиться с запросом о толковании Конституции (ст. 72 Конституции РК). В свою очередь, Генеральный прокурор РФ вправе запросить решение вопроса о возможности исполнения решения иностранного или международного суда, налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации. Также важно заметить, что, в отличие от Верховного Суда РФ, Верховный Суд РК, как и нижестоящие суды, не обладает правом на обращение с запросом в КС РК. На наш взгляд, это является упущением законодателя, так как при возникновении вопроса о несоответствии закона Конституции в рамках конкретного разбирательства гражданин вынужден самостоятельно обращаться либо непосредственно в КС

РК, либо в уполномоченные органы, обладающие правом осуществить такой запрос.

В качестве еще одной особенности КС РК можно выделить то, что при нем помимо аппарата самого суда предусматривается утверждение государственной самостоятельной должности аналитика, который обеспечивает правовое и научно-аналитическое сопровождение конституционного производства, и факультативно – научно-консультативного совета как совещательного органа. В то же время ст. 111 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» предусмотрено, что аппарат КС РФ осуществляет научно-аналитическое, информационно-справочное и иное обеспечение, а его структура определяется Судом самостоятельно, что говорит о единстве органа, обеспечивающего деятельность КС РФ в целом. Примечательно, что в Конституционном Совете Республики Казахстан такое разделение органов отсутствовало. Это говорит о введении принципиально новой конструкции построения государственного обеспечения деятельности органа конституционного контроля в Казахстане.

Таким образом, при создании Конституционного Суда Республики Казахстан учитывались опыт функционирования в качестве высшего органа конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации и опыт работы Конституционного Совета Республики Казахстан как предшественника нового органа. При этом были разработаны законодательные положения, предопределяющие новые конструкции в организации и обеспечении деятельности Конституционного Суда Республики Казахстан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Искаков И. Ж. Взаимодействие казахстанских и российских ученых в развитии юридической науки Казахстана // Вестн. Московского ун-та МВД России. – 2015. – № 11. – С. 23–28.
2. Кургузиков М. С. Формирование органов конституционного контроля в странах СНГ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – № 1. – С. 31–37.
3. Нечкин А. В. Взаимодействие главы государства со специализированным органом конституционного контроля в странах СНГ // Антиномии. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 107–124.
4. Остапович И. Ю. Образование Конституционного Совета Республики Казахстан, его конституционно-правовые основы // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2010. – № 341. – С. 122–125.
5. Рубаев А. В., Никонов О. А. Россия и Казахстан: исторический опыт взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Свободная мысль. – 2021. – № 4(1688). – С. 171–184.
6. Самигуллин В. К. Государственное устройство современного Казахстана: опыт сравнительно-правового анализа // Проблемы востоковедения. – 2015. – № 2(68). – С. 36–41.
7. Худoley К. М., Худoley Д. М. Формы правления зарубежных стран бывшего Советского Союза // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. – 2018. – № 41. – С. 371–395.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Нечкин Андрей Вадимович**

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: super.nechkin@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3032-9240, Scopus ID: 57210645527.

Руф Владислав Сергеевич

студент 3-го курса Института прокуратуры Уральского государственного университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: ruf.vlad-1988@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-5059-9570.

AUTHOR'S DETAILS**Andrei V. Nechkin**

Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the University named after F. Yakovleva (Russia, Yekaterinburg). E-mail: super.nechkin@gmail.com, in ORCID: 0000-0002-3032-9240, Scopus ID: 57210645527.

Vladislav S. Ruf

3rd year student of the Institute of Prosecutor's Office of the Ural State University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: ruf.vlad-1988@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-5059-9570.

УДК 342

Влияние цифровой трансформации и развития информационного общества на обеспечение государственного суверенитета

Д. В. Севрюк¹

Аннотация. Информационное общество – новая реальность, в которой существуют современные государства. Быстрое развитие цифровых технологий приводит к необходимости преобразования уже привычных структур общественных отношений. Ключевая роль в этом процессе отведена государству как носителю суверенитета и регулятору социальных отношений. При этом одним из ключевых процессов в данной области является цифровая трансформация указанных отношений, в том числе государственного управления. Современные государства и их сообщества призваны реализовывать свою информационную функцию в новых условиях, путем формирования новой внутригосударственной и глобальной информационной политики.

Ключевые слова: цифровизация, автоматизация, информатизация, цифровая трансформация, государственный суверенитет, информационное общество

Impact of digital transformation and information society development on ensuring state sovereignty

Dmitry V. Sevryuk²

Abstract. The information society is a new reality in which modern States exist. The rapid development of digital technology has led to the need to transform the already familiar structures of social relations. A key role in this process is assigned to the State as the bearer of sovereignty and the regulator of social relations. One of the key processes in this area is the digital transformation of these relations, including public administration. Modern States and communities of such States are called upon to fulfil their information function in new circumstances by establishing a new domestic and global information policy.

Keywords: digitalization; automation; informatization; digital transformation; state sovereignty; information society

На заре XXI столетия в области развития информационно-телекоммуникационных средств произошли радикальные прогрессивные изменения: создание всемирной сети «Интернет», появление смартфонов и распространение персональных компьютеров. Они оказали и продолжают оказывать существенное влияние на вектор движения общества, темпы его социального, экономического, культурного развития. Формирование

информационного общества как факт поставило перед государствами новые важнейшие задачи, решение которых стало обуславливать дальнейшее их существование в рамках по сути новой сферы реализации внутригосударственных и международных отношений – информационного пространства.

Необходимость реагирования на новую действительность потребовала от каждого государства и мирового

¹ Для цитирования: Севрюк Д. В. Влияние цифровой трансформации и развития информационного общества на обеспечение государственного суверенитета // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 24–29.

² For reference: Sevryuk D. V. Impact of digital transformation and information society development on ensuring state sovereignty // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 24–29.

сообщества в целом принятия определенных мер по регулированию и гармонизации образовавшегося информационного пространства, национального и глобального. Одновременно одним из признаков современных демократий стало формирование и развитие информационного общества как отражения интересов дифференцированных социальных групп, потребностей населения отдельно взятого государства и глобального общества в сформированном информационном поле.

Сегодня, с учетом глобальных событий последних лет, выработанные положения об информационном обществе и о логике взаимодействия с ним нуждаются в корректировке. С обнаруживающейся в современной экономике тенденцией к деглобализации возникает вопрос о пересмотре границ информационного пространства (с глобального – на региональные, с региональных – на национальные), а также рисков, связанных с воздействием на информационное общество различными методами манипуляции информационным пространством. Существенно увеличивается важность формирования элементов информационной безопасности, своевременного и адекватного противодействия искажениям информации, без которых минимизировать негативное влияние информационного общества и цифровой трансформации на обеспечение государственного суверенитета невозможно.

В этом контексте государство как институт, предполагающий собственную монополию на регулирование общественных отношений, в том числе монополию на принуждение, и традиционно закрепляющий свою политическую волю в форме нормативных правовых актов, ориентировано на осуществление своей регуляторной функции, когда таковая особенно востребована в силу резких социальных трансформаций, обусловивших оставление без нормативного регулирования (а значит без политической оценки должного и недолжного вариантов поведения) целых групп общественных отношений.

Результатом реализации регуляторной функции в целом можно считать формирование правовой системы отдельного государства как совокупности тесно взаимосвязанных и взаимодействующих между собой правовых явлений, посредством которой осуществляется целенаправленное воздействие на поведенческие модели граждан и их объединений, обеспечивается юридическое обслуживание различных

Влияние информационного общества на основные сферы социального бытия прослеживается в логике трех основных тенденций: автоматизации, информатизации, цифровизации

сфер общественной жизни¹. В этой логике прежде всего представляется необходимым определить, почему информационное общество как явление оказывает непосредственное влияние на формирование правовой системы отдельного государства, правового поля межгосударственных объединений различного уровня, какие изменения претерпевают такие системы и что за собой влекут.

Прототипы концепции информационного общества начали складываться с середины минувшего века и были озаглавлены появлением такого научно-технического направления, как кибернетика. Но этот термин был введен намного позже, и первые ассоциируемые с информационным обществом идеи были в основном связаны с роботизацией экономического модуля жизнедеятельности индустриального общества, что, собственно, находилось в границах дискурса социально-политических исследований того времени.

Первые теории, сопряженные с концепцией информационного общества, связаны с именами Н. Винера, А. Тьюринга, А. Н. Колмогорова. Сам же этот термин был введен К. Коямой, в результате разработки концепции которого в 1972 г. в Японии была принята программа «План информационного общества: национальная цель к 2000 г.». Концепция информационного общества в дальнейшем получила более глубокое развитие в труде Е. Масуды «Информационное общество как постиндустриальное общество»². При этом труды членов научного сообщества, исследовавших феномен информационного общества (Р. Карц, М. Рубин, М. Порат, Т. Стоуньер и др.³), отличались тем, что акцентировали внимание не на техническом развитии человечества в его отрыве от социальных преобразований, а на комплексной реформации общественного сознания, перестройке «общества производства» либо «общества товаров» в «общество знаний». Само же формирование

¹ См. подробнее: Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ярославль, 1996–1998. Ч. 1–4; Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010.

² См. об этом: Балашова М. А. Информационное общество: теоретическая база и российская практика // Известия БГУ. 2013. № 5.

³ См. подробнее: Петухова А. В. Трансформация отраслевого права в эпоху информационного общества. М., 2014.

информационной экономики является неотъемлемым условием перехода человечества в шестой технологический уклад, где ядро предположительно будут составлять информационные технологии, наноэлектроника, наноматериалы и нанотекстуры, нанобиотехнологии, когнитивные науки и конвергенция¹.

Влияние информационного общества на основные сферы социального бытия прослеживается в логике трех основных тенденций: автоматизации, информатизации, цифровизации. Совокупность информационных процессов в обществе – автоматизация, информатизация, цифровизация, внедрение информационно-коммуникационных технологий и управленческих решений, основывающихся на современных цифровых подходах – и составляет цифровую трансформацию различных сфер общественных отношений.

Под автоматизацией обычно понимается применение различного рода технических средств, внедрение систем управления с целью высвобождения трудовых ресурсов из процессов производства, перераспределения и потребления информации. Термин «информатизация» раскрывается как процесс внедрения новых коммуникационных технологий в жизнь общества, в ходе которого они становятся средством дальнейшего его развития. Цифровизация же понимается в качестве процесса внедрения отдельной организацией цифровых технологий, в ходе чего обеспечивается оптимизация системы ее основных производственных процессов.

Обозначенные тенденции привели к тому, что практически каждое новое поколение воспитывается в принципиально новых условиях производства, обмена и потребления информации. В таких условиях происходят изменения в устоявшихся коммуникативных паттернах. Обнаруживается существенное возрастание роли новейших коммуникационных средств и преимущество на этом поприще Интернета как инструмента, объединяющего глобальное информационное пространство и являющегося универсальным коммуникатором для большинства жителей планеты. Так, по данным аналитической компании GlobalStatshot по состоянию на апрель 2022 г. число пользователей Интернета составляло

около 5 млрд человек (средняя численность населения на указанную дату – 8 млрд человек)².

При этом свобода информационного пространства и трудности с обеспечением ее ограничения приводят к тому, что, как отмечается в литературе, информационное общество характеризуется «утратой согласия, неспособностью прийти к единому стандарту поведения, общим правилам, языку и т. д. Различие ценностных ориентаций порождает резкий рост субкультур, что может увеличить степень конфликтогенности общества»³.

Политическая сфера также претерпевает существенные изменения. Как уже отмечалось ранее, концепция информационного общества обычно ассоциируется со становлением качественно новой, более современной демократии. Глобальное информационное пространство становится инструментом, позволяющим населению совершить более разумный политический выбор, иметь в распоряжении источники с альтернативными точками зрения. Защищенное от внешнего влияния и открытое (гласное) принятие решений на всех уровнях, информирование населения о направлениях текущей государственной политики позволяют населению полно и своевременно оценить адекватность реализуемых мер в различных сферах реализации государством возложенных на него функций. Формирование правового режима свободного доступа к информации о деятельности отдельных органов государственной власти⁴, возложение на государственные органы обязанности размещать информацию на официальных страницах в определенных информационных системах и (или) программах⁵ направлены на формирование диалога «общество–государство», что способствует, кроме прочего, общественному контролю за деятельностью указанных органов, своевременному и точному исполнению наиболее важных политических решений.

Принимая во внимание влияние, оказываемое информационным обществом на структуру общественных отношений, полагаем возможным утверждать, что возложенные на государство регуляторные функции, направленные на поддержание общественного порядка, формирование условий устойчивого развития общества и государства, во многом предопределены

¹ Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса // Рос. экон. журн. 2010. № 3. С. 93–100.

² URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-april-global-statshot> (дата обращения: 20.03.2023).

³ Соловьев Э. Г. Информационное общество // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд. М., 2010.

⁴ Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»; Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

⁵ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления“ и статью 10 Федерального закона „Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации“».

необходимостью реализации его суверенитета в информационной сфере. В связи с этим в литературе выделяются категории информационной функции государства и информационной политики государства¹. Информационная функция государства есть деятельность уполномоченных органов государственной власти, направленная на регулирование информационного поля (пространства). Под информационной политикой понимается содержание такого регулирования, которое находит отражение в системе нормативных правовых актов, закрепляющих правовой режим функционирования информационного пространства на территории конкретного государства в определенный исторический момент. Таким образом, информационная функция государства суть проявление статического в информационно-правовом механизме обеспечения государственного суверенитета, тогда как информационная политика есть проявление динамического в данном механизме.

Информационная политика Российской Федерации находит институциональное отражение в системе нормативных правовых актов, в том числе документах стратегического планирования: Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203), Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313). Во втором документе определены цели и задачи политики Российской Федерации в информационном телекоммуникационном пространстве, направленные на формирование устойчивой цифровой экономики, достижение национальных интересов в условиях рисков, стоящих перед государством и обществом.

Вызовы и риски, стоящие перед конкретными государством и обществом в современном информационном пространстве, по сути отображают действительное положение государства в системе глобального информационного пространства. Соответственно для конкретного государства и конкретного общества вызовы и риски будут специфичны. Кроме того, вызовы, стоящие перед государством, существенно отличаются от вызовов, стоящих перед обществом. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) нашли

отражение угрозы информационной безопасности Российской Федерации в условиях развития информационного общества.

Среди прочих в ней выделены следующие угрозы:

- угрозы, связанные с использованием трансграничного обмена информацией в целях распространения экстремистских, террористических, криминальных и иных противоправных материалов, направленных на создание угроз стратегической безопасности Российской Федерации и создание ущерба международной безопасности;
- внедрение и применение информационных систем (технологий) без обеспечения надлежащего уровня информационной безопасности, способствующее увеличению системных рисков нанесения ущерба информационной (в том числе критической) инфраструктуре;
- оказание информационно-психологического воздействия специальными службами ряда государств с целью формирования тенденций к подрыву государственного суверенитета, территориальной целостности, социальной дестабилизации;
- увеличение масштабов преступности в области компьютерных систем, рост числа преступлений против неприкосновенности частной жизни, тайны личной переписки, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;
- рост числа и координации информационных атак на информационные системы объектов критически важной инфраструктуры.

Задача государственной информационной политики в этом контексте состоит в формировании инфраструктурной, процедурной и нормативной систем, которые позволят оказать наиболее эффективное противодействие стоящим перед государством угрозам, обеспечить «информационный суверенитет», служащий гарантией информационной свободы членов общества.

Опыт последних десятилетий продемонстрировал необходимость обеспечения форсированного информационного образования как для лиц более старших поколений, так и для молодежи. Развитие навыков фильтрации информационных потоков, устойчивости к манипулятивным информационным технологиям, умение работать с источниками информации позволяют в полной мере противостоять возникающим информационным вызовам и так называемому информационному шуму².

¹ Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 418 с.

² Бизюков Н. В. Информационный шум как прием языковой манипуляции (на материале публицистического дискурса) // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. 2014. № 3 (29).

Вместе с тем решение комплекса проблем, связанных с информационной безопасностью, гражданское общество не может взять на себя в силу не только и не столько его дезорганизованности, а по той причине, что информационная безопасность рядового гражданина зависит от субъектов, прямо не подконтрольных ни обществу, ни государству. Речь в данном случае идет

Под кибербезопасностью можно понимать состояние сохранности, функциональной устойчивости национального информационного поля, неуязвимости информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, защищенности критически важных объектов и недоступности информации, способной оказывать влияние на принятие государственными органами решений по реализации политической власти

о различного рода хозяйствующих субъектах, чья деятельность связана с обработкой персональных данных, конфиденциальных сведений, информации с ограниченным допуском (например, медицинская тайна).

По данным информационного агентства «ТАСС», за период с 24 февраля 2022 г. в глобальную сеть утекло более 600 млн записей, содержащих персональные данные¹. Решение указанной проблемы лежит в рамках реформирования системы кибербезопасности, стимулируемой соразмерными имущественными издержками допустивших несохранность данных хозяйствующих субъектов либо путем уплаты пропорциональных штрафов, либо путем формирования устойчивой судебной практики возмещения вреда.

В условиях деглобализации и обострения противоречийкратно возрастает количество угроз кибербезопасности государств. Так, пресс-службой Министерства внутренних дел РФ отмечалось, что в 2022 г. каждое четвертое преступление совершалось с использованием информационных технологий, в частности 92,2 % заведомо ложных сообщений об актах терроризма совершены дистанционно². Крупнейшие кибератаки

уже минимум два десятилетия наносят вред реализации суверенных полномочий отдельных государств. Например, атака компьютерными вирусами Stuxnet и Flame иранской ядерной программы в 2010–2012 гг. привела к существенному снижению функционирования атомных электростанций Ирана, что повлекло за собой последствия для его энергетической системы³. Кибербезопасность в таких условиях есть необходимый элемент национальной безопасности и информационного суверенитета государства.

Под кибербезопасностью можно понимать состояние сохранности, функциональной устойчивости национального информационного поля, неуязвимости информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, защищенности критически важных объектов и недоступности информации, способной оказывать влияние на принятие государственными органами решений по реализации политической власти. Представляется, что обеспечение такого состояния возможно только в случае последовательной реализации государственной политики, направленной на модернизацию и суверенизацию аппаратно-программного обеспечения, систем обработки, хранения и передачи данных. Это потребует существенного внимания государства к имеющимся разработкам в области отечественной информационной инфраструктуры и формирования собственного вектора развития информационно-телекоммуникационных технологий, аппаратного комплекса и систем своевременного обнаружения и пресечения возникающих киберугроз.

Кроме того, полагаем необходимым выделить направления деятельности государства, которые могли бы оказать влияние на обеспечение кибербезопасности:

- 1) создание региональных и межрегиональных центров компьютерной безопасности, призванных выявлять и отражать кибератаки на информационную инфраструктуру;
- 2) переход на отечественное программное обеспечение, разрабатываемое для отечественных микропроцессорных архитектур, его регулярное обновление и совершенствование;
- 3) информационное просвещение сотрудников государственного аппарата и всего населения, в том числе их информирование о состоянии актуальных угроз кибербезопасности, основных принципах «компьютерной гигиены»;

¹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/16611425>.

² Статистические сведения о состоянии преступности в 2022 г. // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2022-godu>.

³ См.: «Лаборатория Касперского» нашла «самый сложный» вирус // URL: <https://lenta.ru/news/2012/05/28/flame>.

4) формирование системы аудита безопасности: осуществление регулярных модельных атак на ключевые объекты информационной инфраструктуры с отработкой механизмов их отражения и подавления;

5) сегментация информационных баз данных в целях возможной оперативной изоляции пораженных участков;

6) развитие международного сотрудничества в области противодействия киберугрозам, в первую очередь с дружественными странами, странами-участниками БРИКС, ШОС и др.

При этом внимание государства к названным направлениям деятельности в сущности представляет собой обеспечение своего технологического суверенитета. В частности, в Концепции технологического развития на период до 2030 года технологический суверенитет охарактеризован как контроль государства над отечественными (самостоятельными) технологиями (в том числе критическими), а также наличие собственных мощностей производства в целях реализации указанных технологий, что позволяет обеспечить непрерывную способность государства реализовать национальные интересы.

Обозначенные направления деятельности государства отвечают и двум выделенным в Концепции формам

обеспечения технологического суверенитета: разработке и внедрению необходимых (в том числе критических) отечественных технологий и формированию корреспондирующей им системы производства.

Таким образом, в условиях развития информационного общества, обуславливающего зависимость государства от цифровых технологий и угроз, связанных с использованием этих технологий, обеспечение его информационного суверенитета неразрывно связано с рисками, возникающими в информационном пространстве, в связи с чем обеспечение высокого уровня кибербезопасности становится необходимостью. Развитие соответствующей инфраструктуры, создание специализированных учреждений, совершенствование законодательства и международное сотрудничество позволят России обеспечить проведение независимой политики, а также устойчивость общества в контексте усиливающихся киберугроз. Именно государству отведена особая роль в формировании безопасности национального информационного пространства, вследствие чего именно от него потребуются своевременное и оперативное принятие соответствующих решений и обеспечение необходимыми ресурсами их реализацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова М. А. Информационное общество: теоретическая база и российская практика // Известия БГУ. – 2013. – № 5.
2. Бизюков Н. В. Информационный шум как прием языковой манипуляции (на материале публицистического дискурса) // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2014. – № 3 (29).
3. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса // Рос. экон. журнал. – 2010. – № 3.
4. Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2020. – 418 с.
5. Соловьев Э. Г. Информационное общество // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд. – М.: Мысль, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Севрюк Дмитрий Валерьевич

заместитель директора Департамента развития и регулирования юридической помощи и правовых услуг Министерства юстиции Российской Федерации (Россия, Москва). E-mail: dseveryuk@mail.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Dmitry V. Sevryuk

Deputy Director of the Department of Development and Regulation of Legal Aid and Legal Services of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Russia, Moscow). E-mail: dseveryuk@mail.ru.

УДК 342.417

Особенности защиты конкуренции органами региональной конституционной юстиции

А. С. Сухоруков¹

Аннотация. В статье исследуются особенности защиты конкуренции органами региональной конституционной юстиции. Актуальность данной проблемы определяется развитием рыночных отношений в рамках проводимой в Российской Федерации конституционной реформы и новой ролью конституционных (уставных) советов субъектов РФ в системе их органов государственной власти и механизме защиты прав и свобод человека и гражданина. Раскрыты особенности защиты конкуренции и конституционного права на конкуренцию конституционными (уставными) судами субъектов РФ, оцениваются перспективы их защиты конституционными (уставными) советами субъектов РФ. Выявлены проблемы защиты этих прав в рамках конституционного контроля на уровне субъектов РФ и выработаны предложения по совершенствованию соответствующего законодательства.

Ключевые слова: конкуренция, защита и развитие конкуренции, конституционное право на конкуренцию, конституционные (уставные) суды субъектов РФ, конституционные (уставные) советы субъектов РФ

Features of the protection of competition by regional constitutional justice bodies

Aleksandr S. Suhorukov²

Annotation. The article examines the features of the protection of competition by regional constitutional justice bodies. The relevance of this research is determined by the development of market relations within the framework of the ongoing constitutional reform in the Russian Federation and the definition of a new role of the constitutional (statutory) councils of the subjects of the Russian Federation in the system of state authorities of the subjects of the Russian Federation and the mechanism for the protection of human and civil rights and freedoms. The purpose of this article is to reveal the specifics of the protection of competition and the constitutional right to competition by the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation, as well as to assess the prospects for the protection of these constitutional categories by the constitutional (statutory) councils of the subjects of the Russian Federation, to identify problems in their protection within the framework of constitutional control at the level of the subjects of the Russian Federation and to develop proposals for improving legislation in part creation of real and effective mechanisms for the protection of competition and the constitutional right to competition. The article analyzes the problems of creation and activity of constitutional (statutory) councils of subjects of the Russian Federation, as well as powers in the field of protection of competition and the constitutional right to competition, formulated proposals for improving the current legislation.

Keywords: competition; protection and development of competition; constitutional right to competition; constitutional (statutory) courts of subjects of the Russian Federation; constitutional (statutory) councils of subjects of the Russian Federation

К числу важнейших элементов конституционной реформы в настоящее время относятся преобразование и последующее развитие региональной конституционной

юстиции. При этом в ходе социально-экономического развития государства, совершенствования и преобразования рыночных отношений в современных условиях

¹ Для цитирования: Сухоруков А. С. Особенности защиты конкуренции органами региональной конституционной юстиции // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 30–35.

² For reference: Suhorukov A. S. Features of the protection of competition by regional constitutional justice bodies // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 30–35.

экономических санкций особую актуальность приобретает вопрос о защите конкуренции и конституционного права на конкуренцию.

Конкуренция – сложное социально-экономическое явление, представляющее собой совокупность общественных отношений, возникающих по поводу соперничества хозяйствующих субъектов на товарных рынках, в результате чего хозяйствующие субъекты приобретают или наращивают свою долю на соответствующем товарном рынке, увеличивают свою прибыль, удовлетворяют интересы потребителей в качественных товарах (работах, услугах) и в целом способствуют развитию экономики. Конкуренция является объектом конституционно-правового регулирования, а также предметом предпринимательского права¹ и конкурентного права², при этом конституционно-правовые основы конкуренции являются основой для отраслевого предпринимательского и конкурентного законодательства. В. С. Белых верно отмечал, что антимонопольное регулирование предпринимательской деятельности есть одно из основных направлений государственно-правового регулирования экономики и предпринимательской деятельности³.

В своих более ранних работах мы охарактеризовали конституционное право на конкуренцию как субъективное конституционное право хозяйствующих субъектов на самостоятельное и равное соперничество с другими хозяйствующими субъектами, недискриминационный и свободный доступ на рынок и добровольный выход с него, реализующееся в рамках конституционных правоотношений в сфере защиты и развития конкуренции, имеющее целью для субъектов-носителей этого права (хозяйствующих субъектов) приобретение конкурентных преимуществ, в результате чего происходит удовлетворение спроса населения в качественных товарах (работах, услугах), а также эффективное развитие экономики⁴.

Содержание анализируемого права раскрывается с точки зрения трех традиционных правомочий его субъектов: правомочия на собственные действия, правомочия требования и правомочия на защиту. В частности, правомочие на защиту конституционного права

на конкуренцию определяется возможностью обращения хозяйствующих субъектов за защитой своего права в антимонопольные органы и суды (советы), в том числе в Конституционный Суд РФ и в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации (в настоящее время – конституционные (уставные) советы субъектов РФ). Причем данная возможность является реальной, а не потенциальной, что и делает такую защиту достаточно эффективной.

Конкуренция является объектом конституционно-правового регулирования

До конституционной реформы в деле защиты конституционного права на конкуренцию особую роль играли конституционные (уставные) суды субъектов РФ. И хотя процесс образования этих судов в отдельных регионах замедлялся по ряду причин (недостаточная в этой сфере политическая воля федерального центра; незаинтересованность органов государственной власти субъектов в их создании; недостаточное финансовое обеспечение деятельности данных судов в регионах⁵), это не влияло на важность, во-первых, нормативного закрепления в уставах (конституциях) субъектов РФ положений о защите и развитии конкуренции, а, во-вторых, на возможности защиты конкуренции и конституционного права на конкуренцию на региональном уровне.

На сегодня большинство уставов (конституций) субъектов РФ содержат положения о развитии и защите конкуренции. Так, в ст. 13 Конституции Республики Дагестан сказано, что в Республике обеспечиваются условия для добросовестной конкуренции. В Уставе Свердловской области отмечено, что в области гарантируется поддержка конкуренции (ч. 2 ст. 11), обеспечиваются экономическая свобода и конкуренция, а в соответствии с федеральными законами осуществляется антимонопольное регулирование (ч. 1 ст. 82). Здесь можно отметить некоторую двусмысленность формулировок Устава. Так, антимонопольное регулирование относится к исключительному предмету ведения Российской

¹ Предпринимательское право: современный взгляд: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно. М., 2019; Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. В. С. Белых. 2-е изд. М., 2022; Губин Е. П., Лахно П. Г. Предпринимательское право Российской Федерации: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020.

² Антимонопольно-конкурентное право: учеб. / под ред. К. А. Писенко, И. А. Цинделиани. М., 2022; Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки. М., 2021; Конкурентное право России: учеб. / отв. ред. С. А. Пузыревский. М., 2023.

³ Предпринимательское право России: учеб. / отв. ред. В. С. Белых. М., 2010. С. 320.

⁴ См.: Сухоруков А. С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации: моногр. М., 2013. С. 102; Сухоруков А. С. Конституционное право на конкуренцию // Права человека: регулирование, реализация, защита: материалы конф. (14 декабря 2007 года). Екатеринбург, 2008. С. 268–272.

⁵ Гошуляк В. В., Ховрина Л. Е., Геворкян Т. И. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации. М., 2006. С. 18–21.

Федерации (п. «ж» ст. 71 Конституции РФ), в то время как развитие конкуренции, на наш взгляд, может быть отнесено к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В связи с этим возникает вопрос, что понимает региональный законодатель под антимонопольным регулированием.

В развитие конституционных (уставных) положений во многих регионах приняты планы мероприятий (дорожные карты) по содействию развитию конкуренции, которые закрепляют основные направления и мероприятия в этой сфере

В развитие конституционных (уставных) положений во многих регионах приняты планы мероприятий (дорожные карты) по содействию развитию конкуренции, которые закрепляют основные направления и мероприятия в этой сфере. Например, Распоряжением Губернатора Свердловской области от 28 декабря 2021 г. № 249-РГ утвержден План мероприятий («дорожная карта») по содействию развитию конкуренции в Свердловской области на период 2022–2025 гг.

Отметим, что к основным полномочиям конституционных (уставных) судов субъектов РФ относились проверка нормативных правовых актов регионального уровня, в частности указов и распоряжений высших должностных лиц субъектов РФ, постановлений и распоряжений органов исполнительной власти субъектов РФ, которыми утверждаются региональные планы мероприятий («дорожные карты») по содействию развитию конкуренции.

Таким образом, при противоречии положений этих планов конституции (устава) субъекта РФ они могли быть предметом конституционного контроля его конституционного (уставного) суда.

Кроме того, на региональном уровне проверялись нормативные правовые акты в сфере экономических отношений, в которых возможна конкуренция. Яркий пример здесь дает Постановление Конституционного суда Республики Коми от 4 февраля 2010 г. В ходе рассмотрения им дела предметом проверки стали нормы

об обязательном проведении конкурсных процедур, которые обеспечивают отбор конкурентно способных перевозчиков. Суд пришел к выводу, что данные положения не противоречат Конституции Республики Коми, поскольку сам конкурс не противоречит требованиям действующего законодательства, а все заинтересованные субъекты имеют равную возможность участия в конкурсе и оспаривания результатов конкурса в суде.

Рассматривались в конституционных (уставных) судах субъектов РФ также вопросы социального партнерства в экономических отношениях, призванного сбалансировать конкуренцию в тех их сферах, которые затрагивают социальную сферу. Так, в Постановлении Конституционного Суда Республики Татарстан от 25 мая 2001 г. отмечена важность социального партнерства между потребителем и хозяйствующим субъектом, гражданином и государством в экономических отношениях, сбалансированности интересов данных субъектов, достигаемой их взаимными консультациями, переговорами, соглашениями или договорами.

В 2020 г. в Конституцию РФ, в том числе в ст. 118, были внесены изменения. Так, в ч. 3 данной статьи были определены виды судов, которые составляют судебную систему Российской Федерации. Конституционные (уставные) суды РФ в нее не были включены. Также в 2020 г. в ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации» были внесены изменения, согласно которым конституционные (уставные) суды субъектов РФ подлежат упразднению до 2023 г., но отмечено, что субъекты РФ вместо этих судебных органов могут создавать конституционные (уставные) советы при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ¹.

В научной литературе ведутся дискуссии о статусе данных органов. Так, В. А. Кряжков полагает, что конституционный (уставный) совет является высшим самостоятельным постоянно действующим органом государственной власти субъекта РФ, образуемым в целях обеспечения верховенства основного закона субъекта РФ и защиты прав и свобод граждан. Причем то, что такой совет создается при законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ, не влияет на его статус как самостоятельного органа конституционного контроля². При этом В. А. Кряжков справедливо отмечает, что во многом статус данного органа будет зависеть от стремления субъекта

¹ Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы».

² Кряжков В. А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9.

РФ создавать его с максимально полезными функциями для государственности и граждан.

В этой связи В. В. Курятников говорит о создании не конституционного судебного контроля в субъектах РФ, а конституционного надзора с отдельными квазисудебными элементами¹, и подчеркивает, что полномочия конституционных (уставных) советов субъектов РФ должны быть реальными и действенными² в рамках разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами³.

На сегодня конституционные (уставные) советы при законодательных органах власти субъектов РФ созданы в трех субъектах Российской Федерации: Республике Саха (Якутия), Республике Адыгея, Республике Башкортостан. Отметим, что конституционные (уставные) советы субъектов РФ не являются органами судебной власти.

Так, Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. № 2356-З № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» определяет Конституционный совет как постоянно действующий государственный орган Республики Саха (Якутия). В Законе Республики Адыгея от 28 апреля 2022 г. № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея» лишь говорится, что Конституционный совет создается при Государственном Совете – Хасэ Республики Адыгея в целях выработки заключений по внесенным в Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея проектам конституционных законов Республики Адыгея. В Законе Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан» также четко не сказано, что Конституционный совет Республики Башкортостан является самостоятельным органом.

Основным видом решений данных конституционных советов являются постановления (Республика Саха (Якутия) и заключения (все три совета), которые носят рекомендательный характер. Основными их полномочиями являются: проверка на предмет соответствия конституции субъекта РФ региональных нормативных правовых актов и муниципальных нормативных правовых актов (по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан – Башкортостан; по обращениям органов государственной власти и органов местного самоуправления – Саха (Якутия);

толкование конституций республик (Башкортостан, Саха (Якутия)); проверка проектов региональных законов (все три республики); законодательная инициатива (Башкортостан); научно-методическое обеспечение развития конституционного законодательства республики (Саха (Якутия) и др.

Свои особенности имеют проверки проектов законов республик на предмет их соответствия республиканским конституциям. Так, в Конституционном совете Республики Саха (Якутия) проверке подлежат проекты законов, предметом регулирования которых являются основы конституционного строя Республики, а также ее национально-государственный статус и административно-территориальное устройство. В Конституционном совете Республики Башкортостан проверке подлежат только проекты законов, принятых по предметам ведения Республики. В Конституционном совете Республики Адыгея проверке подлежат только проекты конституционных законов, которыми принимаются поправки в Конституцию Адыгеи. Выше уже отмечалось, что законодательство о защите конкуренции относится к предметам исключительного ведения Российской Федерации (п. «ж» ст. 71 Конституции РФ). В свою очередь, законодательство о развитии конкуренции (например, планы мероприятий по содействию развитию конкуренции в субъектах РФ, региональные и муниципальные нормативные правовые акты по развитию конкуренции в различных сферах экономики) относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ (п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Следовательно, оно может быть предметом проверки в конституционных (уставных) советах субъектов РФ. Однако в сфере развития конкуренции принимаются, как правило, подзаконные нормативные правовые акты субъектов РФ (указы и распоряжения высших должностных лиц субъектов РФ, постановления и распоряжения органов исполнительной власти субъектов РФ).

Изложенное позволяет утверждать, что в Конституционном совете Башкортостана нормативные правовые акты Республики по вопросам развития конкуренции не могут быть предметом проверки, потому что Совет осуществляет свои полномочия только в отношении нормативных правовых актов по предметам исключительного ведения Республики. В Конституционном

¹ Курятников В. В. Конституционный контроль в субъектах РФ: прошлое, настоящее, будущее // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6.

² Курятников В. В. К вопросу о допустимой и необходимой компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Право. 2023. Т. 23. № 1. С. 90.

³ Казанцев А. О., Савоськин А. В. История создания Уставного Суда Свердловской области (к 25-летию Устава Свердловской области) // Журн. конституционного правосудия. 2020. № 2.

совете Республики Адыгея вопросы развития конкуренции могут быть предметом проверки только в части внесения изменений в Конституцию Республики Адыгея по таким вопросам. Таким образом, наибольшие полномочия по проверке нормативных правовых актов регионального и муниципального уровня, в том числе в сфере конкуренции, принадлежат Конститу-

Дальнейшее развитие конституционной юстиции в субъектах РФ должно идти в направлении как закрепления положений о развитии и защите конкуренции в конституциях (уставах) всех субъектов РФ, так и создания конституционных (уставных) советов во всех регионах

ционному совету Республики Саха (Якутия). Однако эффективность данного конституционного контроля во многом снижается из-за того, что решения конституционных советов являются рекомендательными для органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Предлагаем расширить компетенцию конституционных (уставных) советов субъектов РФ, предоставив им возможность рассматривать нормативные правовые акты на предмет их соответствия конституции (уставу) субъекта РФ не только по предметам ведения субъекта РФ, но и по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ (этим полномочием обладали конституционные (уставные) суды субъектов РФ). Таким образом, законодательство о развитии конкуренции, принимаемое на уровне субъектов РФ, может стать предметом конституционного контроля в субъектах РФ, что будет способствовать его совершенствованию и повышению эффективности его применения в современных социально-экономических условиях.

В доктрине высказано мнение о необходимости сохранения за конституционными (уставными) советами субъектов РФ полномочий по рассмотрению жалоб граждан в порядке конкретного нормоконтроля¹. Полагаем, что данное полномочие должно являться одним из важнейших в деятельности конституционных (уставных) советов субъектов РФ, поскольку позволяет гражданам и их объединениям (в том числе юридическим лицам) более эффективно защищать свои конституционные права и свободы. А это, в свою очередь, способствует реализации важнейших конституционных принципов правового государства, приоритета прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления и признания прав и свобод человека и гражданина на высшей ценности. Однако сегодня данное полномочие имеет лишь Конституционный совет Республики Башкортостан, да и то только по предметам ведения Республики. В связи с этим полагаем необходимым включить полномочие по рассмотрению жалоб граждан в число основных полномочий конституционных (уставных) советов субъектов РФ, что сделает возможной защиту конституционного права на конкуренцию на региональном уровне.

В связи с вышеизложенным полагаем, что дальнейшее развитие конституционной юстиции в субъектах РФ должно идти в направлении как закрепления положений о развитии и защите конкуренции в конституциях (уставах) всех субъектов РФ, так и создания конституционных (уставных) советов во всех регионах. Кроме того, полномочия по рассмотрению жалоб граждан и объединений граждан (в том числе юридических лиц) должны быть закреплены в числе основных полномочий создаваемых конституционных (уставных) советов субъектов РФ, а субъекты конституционного права на конкуренцию должны активнее использовать процессуальные возможности по его защите, в том числе механизм их защиты в конституционных (уставных) советах субъектов РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антимонopolно-конкурентное право: учеб. / под ред. К. А. Писенко, И. А. Цинделиани. – М.: Проспект, 2022. – 608 с.
2. Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки. – М.: Зерцало-М, 2021. – 360 с.
3. Гошуляк В. В., Ховрина Л. Е., Геворкян Т. И. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации. – М.: Альфа-М, 2006. – 243 с.

¹ Курятников В. В. Конституционный контроль в субъектах РФ: прошлое, настоящее, будущее. С. 51.

4. Губин Е. П., Лахно П. Г. Предпринимательское право Российской Федерации: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юр. норма: НИЦ ИНФРА-М, 2020. – 992 с.
5. Казанцев А. О., Савоськин А. В. История создания Уставного Суда Свердловской области (к 25-летию Устава Свердловской области) // Журн. конституционного правосудия. – 2020. – № 2 (74). – С. 19–22.
6. Конкурентное право России: учеб. / отв. ред. С. А. Пузыревский. – М.: Проспект, 2023. – 640 с.
7. Кряжков В. А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. – 2021. – № 9. – С. 65–74.
8. Курятников В. В. Конституционный контроль в субъектах РФ: прошлое, настоящее, будущее // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2021. – № 6. – С. 44–52.
9. Курятников В. В. К вопросу о допустимой и необходимой компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Право. – 2023. – Т. 23. – № 1. – С. 88–94.
10. Предпринимательское право России: учеб. / отв. ред. В. С. Белых. – М.: Проспект, 2010.
11. Предпринимательское право: современный взгляд: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно. – М.: Юстицинформ, 2019. – 600 с.
12. Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. В. С. Белых. 2-е изд. – М.: Проспект, 2022. – 768 с.
13. Сухоруков А. С. Конституционное право на конкуренцию // Права человека: регулирование, реализация, защита: материалы конф. (14 декабря 2007 года). – Екатеринбург: Филантроп, 2008. – С. 268–272.
14. Сухоруков А. С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации: моногр. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 168 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухоруков Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: SuhorukovS@mail.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Aleksandr S. Suhorukov

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: SuhorukovS@mail.ru.

УДК 346.7

Стратегия национальной безопасности в механизме взаимодействия реального и финансового секторов экономики

О. В. Вагина, Е. Ю. Гаевская, О. А. Герасимов¹

Аннотация. Степень эффективности правового регулирования общественных отношений обуславливается критериями и показателями, характеризующими соотношение между целями и результатами такого правового воздействия на экономику и бизнес. Авторы приходят к выводу, что именно обеспеченное при взаимодействии двух секторов экономики устойчивое развитие реального сектора экономики станет критерием эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в ее финансовом секторе. В свою очередь, показателями эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в финансовом секторе экономики являются валовой внутренний продукт, а также эффективность самой экономики России.

Ключевые слова: национальная экономика, финансовый сектор экономики, реальный сектор экономики, жизненный цикл производственной инфраструктуры, инвестиции, инвестиционная деятельность, инвестиционный контракт, эффективность правового регулирования

National Security Strategy in the Mechanism of Interacting between Real and Financial Sectors of the Economy

Olga V. Vagina, Ekaterina Yu. Gaevskaya, Oleg A. Gerasimov²

Abstract. The effectiveness of legal regulation of social relations is determined by the criteria and indicators characterizing the ratio between the goals and the results of such legal impact on the economy and business. The author concludes that the interaction of two economy sectors that provides sustainable development of the real sector of the economy will be the criterion of the effectiveness of legal regulation of entrepreneurial activity in the financial sector of the economy. In turn, the authors attribute the following phenomena to the indicators of the effectiveness of legal regulation of entrepreneurial activity in the financial sector of the economy: gross domestic product; "efficiency of the Russian economy".

Keywords: national economy; financial sector of economy; real sector of economy; life cycle of production infrastructure; investment; investment activity; investment contract; efficiency of legal regulation

В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» установлено, что достижение целей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации осуществляется путем решения следующих задач:

– обеспечение ускорения темпов прироста инвестиций в основной капитал, доступности долгосрочного кредитования, защиты и поощрения капиталовложений, стимулирование использования внутренних источников инвестиций;

¹ Для цитирования: Вагина О. В., Гаевская Е. Ю., Герасимов О. А. Стратегия национальной безопасности в механизме взаимодействия реального и финансового секторов экономики // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 36–40.

² For reference: Vagina O. V., Gaevskaya E. Yu., Gerasimov O. A. National Security Strategy in the Mechanism of Interacting between Real and Financial Sectors of the Economy // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 36–40.

– обеспечение устойчивого развития реального сектора экономики, создание высокотехнологичных производств, новых отраслей экономики, рынков товаров и услуг на основе перспективных высоких технологий.

Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» к основным направлениям государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности отнесены устойчивое развитие национальной финансовой системы и обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики.

Таким образом, финансовый сектор экономики призван обеспечить устойчивое развитие реального сектора экономики. При этом устойчивое развитие и модернизация реального сектора экономики, достигаемые при их взаимодействии, служат также критериями эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в финансовом секторе экономики¹.

Критерием эффективности правового регулирования предпринимательской деятельностью в реальном секторе экономики также можно считать достижение ключевых целей развития российского финансового рынка, обозначенных в Распоряжении Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года». Одной из таких целей является содействие развитию и структурной трансформации российской экономики за счет предоставления субъектам российской экономики конкурентного доступа к долговому и долевым финансированию, инструментам страхования рисков, в том числе в условиях перехода к низкоуглеродной экономике.

На наш взгляд, показателем эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в финансовом секторе экономики может быть валовой внутренний продукт (далее – ВВП). ВВП – конечный результат производственной деятельности экономических единиц-резидентов, измеряемый стоимостью товаров и услуг, произведенных этими единицами для конечного использования². Данный показатель используется, в частности, Федеральной службой государственной статистики (Росстат) для оценки состояния экономической безопасности России³. Отдельно Росстат выделяет такой показатель, как «эффективность

экономики России». Им охватываются отношение объема инвестиций в основной капитал к валовому региональному продукту, индекс производительности труда, доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей

Развитие реального сектора экономики влечет за собой обновление промышленной инфраструктуры, жизненный цикл которой составляет 20–30 лет, а по некоторым позициям и более

экономики в ВВП, в ВРП, доля инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте и в валовом региональном продукте⁴. При этом необходимо понимать, что для целей правового исследования критериями эффективности правового регулирования должно оставаться исключительно достижение правовых целей, закрепленных в Конституции РФ. Экономические же показатели будут следствием эффективности правового регулирования.

Развитие реального сектора экономики влечет за собой обновление промышленной инфраструктуры, жизненный цикл которой составляет 20–30 лет, а по некоторым позициям и более. На протяжении столь длительного времени возможно изменение действующего законодательства в сторону установления дополнительных запретов и ограничений для ведения предпринимательской деятельности. В качестве гарантии осуществления инвестиционной деятельности в законодательстве предусмотрено наличие «дедушкиной оговорки»⁵. Так, в Федеральном законе от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике» «дедушкина оговорка» реализована в положениях о специальном инвестиционном контракте. В случае, если после заключения специального инвестиционного контракта вступают в силу федеральные законы, и (или) иные нормативные правовые акты Российской Федерации, и (или) нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (за исключением федеральных законов и (или) иных нормативных правовых актов Российской Федерации,

¹ См. подробнее: Герасимов О. А. Эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики России (на примере отдельных отраслей): моногр. М., 2022.

² Приказ Росстата от 13.12.2021 № 899 «Об утверждении Официальной статистической методологии расчета показателя «Индекс физического объема валового внутреннего продукта».

³ URL: <https://rosstat.gov.ru/econSafety>.

⁴ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186>.

⁵ Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: моногр. / отв. ред. Е. П. Губин. М., 2019.

принятых во исполнение международных договоров Российской Федерации, и нормативных правовых актов Евразийского экономического союза, подлежащих применению в Российской Федерации), устанавливающие режим запретов и ограничений в отношении выполнения специального инвестиционного контракта или изменяющие обязательные требования к промышленной продукции и (или) к связанным с обязательными требованиями к промышленной продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства,

Взаимодействие экологического и корпоративного законодательства предусмотрено в п. 1 ст. 43 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»

строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации по сравнению с действовавшими в момент заключения специального инвестиционного контракта режимами запретов и ограничений или обязательными требованиями, такие федеральные законы, и (или) иные нормативные правовые акты Российской Федерации, и (или) нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, а также вносимые в них изменения не применяются в отношении инвестора, являющегося стороной специального инвестиционного контракта, и (или) иных указанных в специальном инвестиционном контракте лиц в течение срока действия специального инвестиционного контракта.

Аналогичный законодательный прием использован и в Федеральном законе от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».

По этому вопросу в доктрине отмечается, что «душкина оговорка», освобождающая старые компании от необходимости соответствовать разрешительным требованиям, предъявляемым к новичкам, в некоторых отраслях экономики может создавать чрезвычайно высокие риски причинения вреда (ущерба) охраняемым законом интересам¹. На наш взгляд, снижение при этом уровня общественного блага нивелируется механизмом, закрепленным в Федеральном законе от 21 июля 1997 г.

№ 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». Государство, устанавливая специальный правовой режим для их инвесторов, возлагает на себя контрольные функции по обеспечению промышленной безопасности на протяжении жизненного цикла промышленной инфраструктуры.

Экологическое законодательство также идет по этому пути: в п. 6 ст. 56.4 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» говорится, что в случае неисполнения акционерным обществом решения суда об уплате компенсационного платежа такое акционерное общество не вправе принимать решение (объявлять) о выплате дивидендов по акциям, а в случае, если такое решение принято, не вправе выплачивать объявленные дивиденды по акциям до исполнения обязательств по перечислению платежа по иску о взыскании компенсационного платежа или представления в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации на осуществление федерального государственного экологического контроля (надзора), документов и сведений, предусмотренных п. 3 или 4 ст. 56.1 настоящего Федерального закона.

В п. 3 ст. 56.1 Закона предусмотрено, что юридические лица, индивидуальные предприниматели, которым принадлежат отдельные производственные объекты, за исключением шахт угольной промышленности, не позднее чем за пять лет до истечения содержащегося в проектной документации срока эксплуатации зданий и сооружений, которые являются отдельными опасными производственными объектами и (или) в которых находятся отдельные опасные производственные объекты, и (или) срока эксплуатации объектов размещения отходов I и II классов опасности представляют в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации на осуществление федерального государственного экологического контроля (надзора):

- 1) план мероприятий;
- 2) сведения о заключении государственной экологической экспертизы плана мероприятий;
- 3) сведения о заключении об обоснованности определения сметной стоимости реализации мероприятий, предусмотренных планом мероприятий;
- 4) документы, подтверждающие финансовое обеспечение реализации мероприятий, предусмотренных планом мероприятий.

Взаимодействие экологического и корпоративного законодательства предусмотрено в п. 1 ст. 43

¹ Зырянов С. М., Варгова Д. Разрешительный метод регулирования предпринимательской деятельности // Журн. рос. права. 2022. № 11.

Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Общество не вправе принимать решение (объявлять) о выплате дивидендов по акциям в случаях, предусмотренных федеральными законами.

При использовании такого механизма правового регулирования «дедушкина оговорка» станет эффективным средством при регламентации предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики и, как следствие, в ее финансовом секторе.

В литературе предлагается закрепить расширительное понимание инвестиционного контракта по модели специального инвестиционного контракта, но вне рамок реализации промышленной политики¹. Инвестиционный контракт – это договор, закрепляющий встречные взаимовыгодные обязательства государства и частного инвестора по реализации государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, включающие обязательство частного инвестора в определенных договором объемах и в определенные сроки осуществлять инвестиционную деятельность в реальном секторе экономики и корреспондирующее ему обязательство государства создать для него статичный правовой режим осуществления такой деятельности на протяжении жизненного цикла производственной инфраструктуры.

Соглашаясь с этим мнением, полагаем, что инвестиционный контракт будет правовым средством, обеспечивающим эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в финансовом секторе экономики и, как следствие, в реальном секторе экономики.

Наглядный пример сказанному – налоговое неравенство в правовом регулировании предпринимательской деятельности в рассматриваемых секторах экономики. В частности, согласно подп. 3 п. 3 ст. 149 Налогового кодекса Российской Федерации не подлежат налогообложению банковские операции.

По мнению Д. Г. Бачурина, надо пересмотреть концептуальные подходы к правовому регулированию налогообложения добавленной стоимости в финансовом секторе экономики. Налоговые преференции при

правовом регулировании НДС поощряют положение, при котором «дремлющая сила накопления по сложному проценту пробудилась и вернула себе былую мощь, которая поражает» – эти активы в российских банках составляют 110 трлн руб. и уже превысили годовой ВВП страны. Но при этом «мощь» банковского сектора существует сама по себе. Она не работает на общее благо и не обеспечивает необходимыми инвестициями промышленное производство. Так, из 18 трлн руб. займов, предоставленных в 2021 г. организациям, только 1 трлн руб. (6 %) выдан банками на инвестиционные цели. Указанное соотношение сохраняется и поныне².

В противовес этому в Китайской Народной Республике банковская система находится под полным контролем государства. Она сосредоточена на создании максимально благоприятных условий кредитования для той части предпринимательства, которая обеспечивает качественный рост производства и повышение национального благосостояния. В отличие от эмитентов доллара и евро (ФРС США и ЕЦБ), которые в условиях структурного кризиса прибегают к политике количественного смягчения экономики, КНР осуществляет денежную эмиссию, тесно увязанную с инвестиционным планированием³.

Таким образом, критерием эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в финансовом секторе экономики является достигаемое при взаимодействии двух секторов экономики, установленном в Стратегии национальной безопасности, устойчивое развитие ее реального сектора. Например, инвестиционный контракт, содержащий условие о «дедушкиной оговорке», действующей на протяжении всего жизненного цикла производственной инфраструктуры, является правовым средством, обеспечивающим эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в финансовом секторе экономики и, как следствие, в реальном секторе экономики. Экологическое законодательство и законодательство о промышленной безопасности обеспечивают реализацию публичного интереса на всех стадиях жизненного цикла производственной инфраструктуры.

¹ Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: моногр. / отв. ред. Е. П. Губин.

² Бачурин Д. Г. Современные тенденции правового регулирования налогообложения добавленной стоимости в финансовом секторе экономики государств БРИКС // Финансовое право. 2021. № 8.

³ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачурин Д. Г. Современные тенденции правового регулирования налогообложения добавленной стоимости в финансовом секторе экономики государств БРИКС // Финансовое право. – 2021. – № 8.
2. Герасимов О. А. Эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики России (на примере отдельных отраслей): моногр. – М., 2022.
3. Зырянов С. М., Варгова Д. Разрешительный метод регулирования предпринимательской деятельности // Журн. рос. права. – 2022. – № 11.
4. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: моногр. / отв. ред. Е. П. Губин. – М.: Юстицинформ, 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вагина Ольга Валерьевна

доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: bmpmag@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2734-2863.

Гаевская Екатерина Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9723-1486. WOS Research ID: A-7987-2019.

Герасимов Олег Анатольевич

доктор юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: gerasimov.law@gmail.com.

AUTHOR'S DETAILS

Olga V. Vagina

Associate Professor of the Department of Land, Urban Planning and Environmental Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: bmpmag@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2734-2863.

Ekaterina Yu. Gaevskaya

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Land, Urban Planning and Environmental Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9723-1486. WOS Research ID A-7987-2019.

Oleg A. Gerasimov

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Entrepreneurial Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: gerasimov.law@gmail.com

УДК 346/347

Об условности границ субъектов имущественных отношений

(продолжение статьи) *

А. Н. Латыев¹

Аннотация. Статья посвящена определению границ имущественной сферы участников гражданских отношений – юридических и физических лиц, способам изменения этих границ и дополнительным возможностям, которые такое изменение открывает для гражданского оборота.

Ключевые слова: имущественные отношения, юридические лица, физические лица, гражданский оборот, имущественные комплексы

On the conditionality of the boundaries of subjects of property relations

(continuation of the article)

A. N. Latyev²

Abstract. The article is devoted to the issue of determining the boundaries of the property sphere of participants in civil relations, both legal entities and individuals, ways to change these boundaries and additional opportunities that such a change opens up for civil circulation.

Keywords: property relations; legal entities; individuals; civil circulation; property complexes

1.3. Объективация предприятия в постсоветское время

В последнее десятилетие XX в., т. е. уже в других социоэкономических условиях, была предпринята еще одна попытка объективации границ бизнеса, заключающаяся в формировании и закреплении, в том числе в ГК РФ, понятия предприятия как объекта гражданских прав. Обратившись к работам рубежа веков, мы увидим, что в них, несмотря на очевидное отнесение законодателем предприятия к объектам гражданских прав, его генетическая связь с понятием субъекта гражданских прав по-прежнему подчеркивалась. Так, С. А. Степанов посвятил целую главу своего

произведения об имущественных комплексах многозначности понятия «предприятия», выделив, как минимум, три подхода к его определению: 1) предприятие как коммерческая организация вообще; 2) их отдельная группа – только унитарные предприятия; 3) предприятие в том смысле, в котором его трактует ст. 132 ГК РФ, т. е. как имущественный комплекс³. Как видим, лишь две из трех трактовок предприятия связаны с юридическими лицами. Неудивительно, что В. А. Белов, критикуя работу С. А. Степанова, писал: «...автору (к глубочайшему сожалению) так и не удалось отделиться от отвергаемой им же самим сложившейся у нас практики обозначения термином „предприятие“

* Начало статьи см.: Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 3.

¹ Для цитирования: Латыев А. Н. Об условности границ субъектов имущественных отношений (продолжение статьи) // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 41–46.

² For reference: Latyev A. N. On the conditionality of the boundaries of subjects of property relations (continuation of the article) // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 41–46.

³ Степанов С. А. Имущественные комплексы в российском гражданском праве. М., 2002. С. 12–18.

не объектов, а субъектов экономических (хозяйственных) отношений»¹.

Некоторые авторы того времени отстаивали органическое понимание предприятия как некоторой объективной реальности. Так, В. А. Лапач, комментируя рассмотренное Арбитражным судом Краснодарского края дело № А32-22777/2001, в ходе которого суд пришел к выводу о неприменимости норм § 8 гл. 30 ГК РФ к продаже пансионата, писал: «Почему действующее структурное подразделение предприятия оказалось не отвечающим признакам предприятия как объекта прав, остается только гадать»². Вполне естественным выводом при таком подходе стало кажущееся сегодня парадоксальным предложение о регистрации предприятия как юридического лица и одновременно регистрации его имущественного комплекса³.

Такое органическое понимание предприятия, однако, создавало существенную угрозу обороту: оно порождало бы неопределенность в каждом случае отчуждения сколько-нибудь многочисленного имущества, особенно недвижимого: имело ли место распоряжение предприятием или же все-таки лишь некоторым набором имущества, предприятием не являвшимся. С учетом господствовавшего в судебной практике на рубеже веков жесткого и формального подхода к недействительности сделок вывод суда о наличии предприятия при том, что участники сделки не относились к предмету сделки как к такому объекту, могло легко привести к признанию сделки недействительной. Этим вообще малозначимым обстоятельством могли воспользоваться в целях оспаривания сделки иные лица, которым она не нравилась по тем или иным причинам, никак не связанным с органичностью предприятия. Как раз такой пример можно увидеть в прокомментированном В. А. Лапачем деле № А32-22777/2001.

Сталкивался с подобными ситуациями в своей практике и автор этих слов: в ходе рассмотрения дел № А60-35374/2004 и А60-37516/2005 истцы при оспаривании сделок ссылались также на нарушение при их совершении ст. 110 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», посвященной продаже предприятия в ходе процедур банкротства, хотя их правовые интересы никак не связывались с тем, являлись ли предметы сделок действующими предприятиями или же набором имущества. Недостаточная формализованность, не создающая проблем в экономическом исследовании, может оказаться

смертельной для правового регулирования оборота. Неудивительно, что суды не восприняли органический подход и встали на формальную позицию: чтобы нечто считалось предприятием, оно должно быть зарегистрировано как объект недвижимости.

Таким образом, вопрос о формировании предприятия как единого объекта оказался полностью передан на усмотрение собственнику имущества – регистрирует он его как предприятие или нет. Решая, нужно ему это или нет, собственник будет оценивать, какую выгоду принесет ему такая регистрация и каких дополнительных расходов она потребует. Стимулом к регистрации и тем самым к созданию предприятия могла бы быть предоставляемая ему возможность передавать единым объемом все имущественные составляющие такого предприятия без необходимости передавать их по отдельности. Этого можно было бы добиться, только если бы с момента включения в состав предприятия его составляющие утрачивали бы собственное юридическое бытие, формируя действительно обособленную от иного имущества собственника массу.

Однако в российском законодательстве это реализовано лишь в отношении тех составных частей предприятия, которые сами по себе являются объектами недвижимости: п. 3 ст. 46 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» предусматривает, что «государственная регистрация перехода права собственности, ограничений права собственности, обременений предприятия как имущественного комплекса осуществляется одновременно с государственной регистрацией перехода права собственности и ограничений прав и обременений всех объектов недвижимости, входящих в состав такого предприятия».

Вместе с тем предприятие – это не просто набор объектов недвижимости. В его состав могут входить и объекты, в отношении которых действуют иные системы регистрации гражданских прав, например, исключительные права на средства индивидуализации продукции такого предприятия (п. 2 ст. 559 ГК РФ). Поскольку система их регистрации никак не связана с системой регистрации недвижимости, внесение изменений в сведения о принадлежности предприятия не повлияют автоматически на сведения о принадлежности таких объектов – их придется передавать отдельно. Также отдельно придется передавать и не подлежащие никакой

¹ Белов В. А. Имущественные комплексы: Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. М., 2004. С. 8–9.

² Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 365.

³ Там же. С. 370.

регистрации движимые вещи: ст. 561 ГК РФ требует инвентаризации состава предприятия перед его продажей, а потому те вещи, что не войдут в акт инвентаризации, переданы не будут.

Наконец, самая интересная с точки зрения юриста группа составных элементов предприятия – его долги (обязательства), которые самим фактом включения в состав предприятия тоже не меняют своего правового режима: ст. 562 ГК РФ дает в руки кредитора по таким обязательствам сильнейший, можно даже сказать, несоразмерно сильный инструмент – возможность требовать недействительности соответствующего договора. Вследствие этого, хотя в данной норме об этом и не сказано, продавец предприятия вынужден при отчуждении предприятия, в состав которого он включил долги, выполнить общее требование для перевода долга – получить на то согласие кредитора.

Никакой разницы с той ситуацией, когда перевод долга производится без включения его в состав предприятия, мы здесь также не видим. Разница между ними имела бы, если бы согласия кредитора требовало само включение долга в состав предприятия, а его дальнейший оборот осуществлялся бы уже без такового. Но в таком случае кредитору пришлось бы дать инструменты контроля за составом предприятия, подобные тем, что законодательство о банкротстве предоставляет кредиторам в отношении имущества их должников, либо установить правило о солидарной ответственности всех последовательных собственников предприятия по его долгам.

Второй вариант, вероятно, еще более дестимулировал бы от создания предприятий по смыслу ст. 132 ГК РФ, а при принятии первого нам бы пришлось фактически признать, что предприятие из категории объектов прав перешло в категорию субъектов со своим имуществом как в активе, так и в пассиве. Как справедливо заметил В. С. Белых, «если предприятие есть объект гражданского права, то непонятно, почему оно может иметь имущественные и связанные с ним личные права. Известно, что такими правами с точки зрения ГК РФ обладают только юридические лица. В противном случае следует предположить, что у предприятия существуют органы, реализующие эти требования¹. Действительно, последовательная реализация норм о предприятии как замкнутом имущественном комплексе заставила бы создать де-факто субъекта прав, де-юре признаваемого объектом. Ни к чему хорошему это бы не привело.

Таким образом, дополнительные расходы на создание предприятия мы видим, выгоды же от его создания весьма сомнительны. Неудивительно, что на практике предприятия стали исключительной диковинкой. Вместо того, чтобы поделить свое имущество на относительно самостоятельные комплексы предприятий, обладатель этого имущества по нашему праву может поступить иначе: создать несколько юридических лиц,

В конечном счете за «корпоративной вуалью» любого юридического лица мы найдем лицо физическое (чаще – некоторую группу лиц)

перераспределив между ними это имущество. И в отсутствие каких бы то ни было объективных пределов бизнеса в определении границ этих юридических лиц мы можем обратиться только к воле их создателей. В конечном счете за «корпоративной вуалью» любого юридического лица мы найдем лицо физическое (чаще – некоторую группу лиц). Это могут учредители организации, ее менеджмент, даже (если организация некоммерческая) иные ее бенефициары. Здесь мы для упрощения анализа абстрагируемся от деталей связи их с юридическим лицом и обоснования их заинтересованности в его деятельности. Зафиксируем лишь, что они и есть те самые упомянутые в первой части статьи коузовские «предприниматели», «которые в конкурентной системе направляют производство, выполняя тем самым роль механизма цен»². Именно они вольны решать, где заканчивается один их бизнес и начинается другой, сколько и каких организаций будет ими создано.

1.4. Польза субъективного подхода к границам юридического лица

В начале статьи мы уже называли те риски, которые создает для гражданского оборота свобода определять границы юридических лиц. Но только ли отрицательные последствия влечет эта свобода? Положительный ответ на этот вопрос был бы слишком поверхностным. Прежде всего, свобода позволяет предпринимателю вести несколько бизнесов одновременно и с разными партнерами. Ограничение такой возможности весьма плохо сказывается на предпринимательской активности. Показательный пример тому – абсолютная непопулярность

¹ Белых В. С. Предприятие как имущественный комплекс и субъект предпринимательской деятельности // Правовое положение субъектов предпринимательской деятельности / отв. ред. В. С. Белых. Екатеринбург, 2002. С. 292.

² Коуз Р. Природа фирмы // Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. М., 2007. С. 38.

такой предусмотренной ГК РФ организационно-правовой формы коммерческих организаций, как хозяйственные товарищества, нормы о которых (п. 2 ст. 69 ГК РФ) запрещают участие полного товарища более чем в одном полном товариществе¹.

Возможность свободного определения количества юридических лиц, т. е. свободного проведения границ между различными частями своего (до создания этих юридических лиц) имущества, позволяет соответствующим субъектам запускать в оборот эти различные части не только единой массой (чего не удалось сделать с помощью конструкции предприятия как объекта прав), но и с использованием совершенно разных юридических конструкций. Для практикующего юриста не секрет, что передача контроля над, например, объектом недвижимости возможна, как минимум, двумя способами. Во-первых, можно продать этот объект (или совершить и исполнить иную сделку по его отчуждению), а, во-вторых, если этот объект находится в собственности юридического лица, можно передать приобретателю корпоративные права на управление этим юридическим лицом. Экономический эффект при этом будет полностью идентичен, хотя юридические конструкции отличаются принципиально. Каждый из этих вариантов имеет свои плюсы и минусы, причем как гражданско-правового, так и публично-правового (например, налогового) характера.

Передача контроля над имуществом, что с точки зрения экономики рассматривается как передача собственности, с помощью средств корпоративного права может осуществляться бесконечно разнообразными способами, перед которыми меркнет простая передача этого имущества приобретателю в порядке сингулярного правопреемства. Если это имущество уже является основным активом юридического лица, единственным или контролирующим участником которого является отчуждатель, он может просто уступить свои корпоративные права. Это простейший вариант. Но если такое юридическое лицо еще не создано либо обладает большим объемом имущества, чем планируется передать, отчуждатель может:

- сначала создать его и внести свое имущество в уставный капитал, а затем передать корпоративные права;
- внести имущество в качестве вклада в уже существующее юридическое лицо, участником которого является «приобретатель»;
- осуществить реорганизацию (например, выделение или разделение) своей (или уже их общей

с «приобретателем») организации с передачей контроля над одной из образованных организаций другому лицу и т. д.

Вариантов организации отношений открывается великое множество. Более того, нашему праву известны и промежуточные формы между передачей объектов гражданских прав в натуре и передачей корпоративных прав в юридических лицах, контролирующих их: это передача паев в паевых инвестиционных фондах. Несмотря на то что ПИФ де-юре представляет собой имущественный комплекс, а пай удостоверяет долю его держателя в праве собственности на все имущество, образующее этот комплекс, с экономической точки зрения его деятельность ничем не отличается от деятельности акционерного инвестиционного фонда, имущество которого принадлежит на праве собственности самому фонду, а инвестор вместо пая имеет акцию, удостоверяющую лишь корпоративные права.

2. Условность границ имущественных масс физических лиц

Если юридическим лицам как образованиям искусственным присущи искусственные же и границы их имущественных масс, которые в силу этого могут несколько меняться, то, казалось бы, про физических лиц мы такого сказать не можем. Физическое лицо – человек, реально существующий в мире. Он обладает вполне ощутимыми физическими границами и способен отграничить свою имущественную сферу от сферы других лиц. Как бы не так!

2.1. Единство имущественной массы нескольких физических лиц

Прежде всего вспомним, что на протяжении значительной, а может, и большей части существования человеческой цивилизации отдельный человек мало что значил, в том числе и в имущественном обороте. Если в отношении движимых вещей личного пользования, имеющих небольшую стоимость, это почти не проявлялось, то относительно основных имущественных ценностей (земли, скота и т. п.) архаические общества долго придерживались иной позиции: субъектом прав на них выступали те или иные коллективы – община, род, семья.

Даже римское право, во многом знаменитое именно своим индивидуализмом, через две тысячи лет после его формирования поднятым на щит юристами, экономистами, общественными деятелями Нового времени, начинало от этой отправной точки. «Характеристическая

¹ Это, конечно, далеко не единственная причина их непопулярности. Главной, очевидно, является неограниченность ответственности полного товарища по долгам товарищества, что, впрочем, естественным образом связано с эксклюзивностью членства в товариществе.

черта древнейшего общественного быта состоит в полной нравственной зависимости отдельного лица от общества. Отдельная личность еще слишком слаба, условия общежития еще очень неразвиты для того, чтобы человек мог существовать самостоятельно, не входя в состав какого-либо тесного союза или не отдавшись под его покровительство», — описывал эту отправную точку С. А. Муромцев¹. Конечно, последовавшее позднее «расширение государственной территории, умножение населения и его потребностей, усложнение отношений, увеличение в обществе запаса знаний и расширение кругозора развивали индивидуализм»², однако римское право до последнего сохраняло отдельные рудименты коллективистского подхода и даже (можно смело утверждать) построило на них целые институты, рецепированные и дожившие до нашего времени в правовых системах континентальной семьи.

Так, есть немало оснований полагать, что сам принцип универсального наследственного преемства современные правовые системы восприняли от архаического римского представления о принадлежности наиболее важной части имущества — *res mancipi* — не столько самому *paterfamilias*'у, сколько всей патриархальной семье (*familia*) в целом. «Объектом правопреемства, — писал Д. В. Дождев, — была сама роль домовладыки, позиция которого в семейной структуре характеризуется через *potestas* и определяется через объект власти — *familia*»³. То, что *paterfamilias* по архаическим представлениям являлся не подлинным собственником, а лишь неким «представителем» семьи, которой имущество в действительности принадлежало, влекло по его смерти автоматическое замещение роли домовладыки его наследником, в первую очередь его сыновьями — наследниками из числа ранее уже входивших в ту же *familia*. Такие *suiheredes* не могли отказаться от наследства, не должны были его и принимать, самим фактом смерти наследодателя занимая его место. Более того, они наследовали, даже если не знали об этом. «Наследник из числа подвластных не приобретает наследство, но помимо своей воли оказывается в положении домовладыки сразу же после смерти домовладыки»⁴.

Из этого с неизбежностью следует универсальный характер наследственного преемства. По сути, римская *familia* практически является корпорацией, и лишь

настороженное отношение римского права к юридическим лицам привело к тому, что в гражданском обороте она оказалась закрыта фигурой отца семейства. Вместе с тем в других правовых системах наследственное право формировалось без влияния римских образцов (англосаксонское, исламское право) и строится не на началах универсального правопреемства, а на началах ликвидации, т. е. выплаты долгов наследодателя из состава

Многие проблемы отечественной судебной практики... обусловлены... игнорированием собственной субъектности семьи, отличной от субъектности каждого из составляющих ее супругов

наследственной массы с передачей наследникам остатка, уже освобожденного от обязательств⁵. Это позволяет предположить, что идея универсального наследственного преемства не является обычной для человеческих сообществ, но, выросши из специфических и довольно случайных особенностей древнеримских представлений о семье, она прижилась и была воспринята правовыми системами стран, где таких представлений о семье никогда не было.

Что у других народов было — так это представление о принадлежности имущества не отдельному человеку, а целостному сообществу. Так, К. П. Победоносцев писал: «Однако же с самых древних времен у нас укоренилось понятие о наследственном имуществе как о принадлежности рода, переходящей по наследству и в том же роде обращающейся»⁶. Наше современное право, казалось бы, полностью отошло от представлений о субъектности семейных объединений, признав отдельную правоспособность каждого из членов семьи. Однако если мы отвлечемся от правоспособности и обратимся к имущественной массе супругов, т. е. того наличного имущества, которое им принадлежит, а также тех долгов, которые его обременяют, то не должны ли мы признать, что действующий в качестве законного режима имущества супругов режим их совместной собственности

¹ Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 64. (Классика российской цивилистики).

² Там же.

³ Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1997. С. 562.

⁴ Дождев Д. В. Римское архаическое наследственное право. М., 1993. С. 97.

⁵ См.: Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М., 2018. С. 44.

⁶ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2002. С. 129. (Классика российской цивилистики).

прямо-таки подталкивает нас признавать особую квазисубъектность семьи, причем не вместо, но наряду с субъектностью каждого из супругов? Здесь мы не преследуем цель подробно рассмотреть правовой режим имущества супругов. Тем не менее нельзя не заметить, что многие проблемы отечественной судебной практики, особенно при определении, какие долги следует считать

общими, а какие – обязывающими только одного из супругов, обусловлены именно игнорированием собственной субъектности семьи, отличной от субъектности каждого из составляющих ее супругов.

Окончание следует

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Латыев Александр Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, партнер юридической фирмы INTELLECT (Россия, Екатеринбург). E-mail: a.latyev@intellect.law, ORCID 0009-0005-1895-6224, SPIN-код: 3834-3810.

AUTHOR'S DETAILS

Aleksandr N. Latyev

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Business Law Department of Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, partner of INTELLECT Law Firm (Russia, Ekaterinburg). E-mail: a.latyev@intellect.law, ORCID 0009-0005-1895-6224, SPIN-код: 3834-3810.

УДК 346

От права хозяйственного к предпринимательскому: опыт Луганской Народной Республики

Э. В. Куцурубова-Шевченко, И. Э. Кутовая¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса перехода от хозяйственного права к предпринимательскому праву на территории, которая была частью Украины, а затем самостоятельным государством. В статье дается краткий экскурс в историю Донецкой школы хозяйственного права, показана специфика действия норм Хозяйственного кодекса на Украине, проблемы реализации его норм в Луганской Народной Республике.

Ключевые слова: хозяйственное право, предпринимательское право, Луганская Народная Республика, Хозяйственный кодекс Украины, школа хозяйственного права, хозяйственная деятельность, предпринимательская деятельность

From economic law to business law: experience of the Lugansk People's Republic

Helena V. Kutsurubova-Shevchenko, Irina Ed. Kutovaya²

Abstract. The article is devoted to the study of the process of transition from economic law to business law in the territory that was part of Ukraine, and then an independent state. The article gives a brief overview of the Donetsk school of economic law, the effectiveness of the rules of the Economic Code in Ukraine, the problems of its operation in the Lugansk People's Republic.

Keywords: economic law; business law; Lugansk People's Republic; Economic Code Ukraine; school of economic law; economic activity

До 2014 г. на территории Луганской Народной Республики (далее – ЛНР) хозяйственное право действовало как отрасль права, отрасль науки и учебная дисциплина. При этом оно имеет длинную историю достаточно сложного становления и развития. Выявление национально-исторических истоков помогает очертить линию развития отечественного законодательства, выявить меру его самобытности, а также пределы возможного использования имеющегося в этой сфере опыта.

Для государств, возникших после распада СССР, веки дальнейшего развития хозяйственного права во многом были идентичны. Но среди них только Украина продолжила путь систематизации хозяйственного

законодательства в виде кодификации. Попытки создания хозяйственного кодекса СССР предпринимались до конца 80-х гг. Его проект был одобрен отделениями экономики, философии и права АН СССР, но до представления проекта в Верховный Совет СССР дело не дошло – распад СССР произошел раньше³.

Известно, что наука советского права в разные периоды существования СССР неодинаково трактовала правовое регулирование хозяйственной деятельности. Причем наиболее интенсивно научные исследования шли именно в Донбассе как индустриальном регионе. Не случайно поэтому 17 октября 1958 г. в Донецке было проведено представительное совещание юристов,

¹ Для цитирования: Куцурубова-Шевченко Э. В., Кутовая И. Э. От права хозяйственного к предпринимательскому: опыт Луганской Народной Республики // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 47–51.

² For reference: Kutsurubova-Shevchenko H. V., Kutovaya I. Ed. From economic law to business law: experience of the Lugansk People's Republic // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 47–51.

³ Мамутов В. К. Повышение роли доктринального толкования в применении хозяйственного законодательства: тезисы выступления // Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 20 мая 2011 г.) / отв. ред. В. В. Лаптев, С. С. Занковский. М., 2011. С. 19.

на котором рассматривались пути улучшения правовой работы в народном хозяйстве. Это послужило отправной точкой дальнейшего развития хозяйственно-правовых исследований и началом широкого научно-практического хозяйственно-правового движения¹.

Впоследствии в Донецке была создана научная школа хозяйственного права, возглавляемая академиком Валентином Карловичем Мамутовым. В развитии ее активное участие принимали такие известные украинские ученые, как Г. Л. Знаменский, И. Е. Замойский, С. З. Михайлин, А. А. Чувпило и др.

Формировалась школа хозяйственного права на базе сектора экономико-правовых проблем Донецкого совнархоза. В 1965 г. был создан Институт экономики АН УССР, с 1969 г. – Институт экономики промышленности УССР, с 1992 г. – Институт экономико-правовых исследований НАН Украины². В настоящее время – это Институт экономических исследований ДНР, в структуре которого действует отдел экономико-правовых исследований, состоящий из учеников В. К. Мамутова. Это способствовало проведению в Донецке крупных научных конференций хозяйственно-правовой тематики, защите докторских и кандидатских диссертаций, открытию в вузах Донбасса юридических факультетов, кафедр хозяйственного права для подготовки юристов для промышленных предприятий и государственных органов. В. К. Мамутов олицетворял выдающуюся школу хозяйственного права с ее традициями и новаторским подходом, которая обеспечила вузы Донбасса учеными в области хозяйственного права. В частности, в 1997 г. по его инициативе в Восточно-украинском государственном университете (Луганск) была создана кафедра хозяйственного права. Флагманским курсом кафедры стало хозяйственное право, которое преподавали не только студентам-юристам, но и студентам экономических и технических специальностей университета в рамках одного семестра.

Институт экономико-правовых исследований, разрабатывая проект Хозяйственного кодекса, взял за основу концепцию В. К. Мамутова, которая заключалась в том, что кодекс должен определять экономические, организационные и правовые основы хозяйственной (в том числе торговой, коммерческой, предпринимательской)

деятельности в условиях формирования смешанной экономики³. В 2003 г. Верховная Рада Украины приняла Хозяйственный кодекс, который вступил в действие с 1 января 2004 г. вместе с Гражданским кодексом. Эта кодификация законодательства сохранила для Украины отрасль права и дисциплину «хозяйственное право», а также научную специальность 12.00.04 – Хозяйственное право; хозяйственно-процессуальное право.

Хозяйственный кодекс в компактной, но все же достаточно развернутой форме (418 статей) закрепляет правовые основы хозяйственной деятельности и уже сыграл положительную роль в обеспечении оптимизации сочетания государственного регулирования экономики и рыночной саморегуляции, в повышении уровня стабильности законодательства, «правил игры» в экономике, способствовал развитию юридической науки и образования⁴.

Учеными Института экономико-правовых исследований был разработан и проект Концепции модернизации хозяйственного законодательства на базе Хозяйственного кодекса Украины. Ее первоочередной задачей предусматривалось обновление и дополнение положений кодекса путем углубления и расширения его содержания. В частности, В. С. Щербина предлагал поделить нормы Хозяйственного кодекса на две части – Общую и Особенную. Нормы последней должны были регулировать особенности осуществления хозяйственной деятельности в отдельных отраслях и сферах хозяйствования, а также специальные режимы хозяйствования⁵.

На Украине сложились четыре научные школы хозяйственного права. Донецкая и Одесская школы отстаивали самостоятельность этой отрасли, выделяя не только ее предмет, но и единый самостоятельный метод правового регулирования хозяйственных правоотношений. Киевская и Харьковская школы рассматривали хозяйственное право как комплексную отрасль права лишь с самостоятельным предметом правового регулирования.

Таким образом, до 2014 г. в законодательстве и доктрине уже были введены и использовались понятия «хозяйственная деятельность», «хозяйственные отношения», «принципы хозяйствования», «средства государственного регулирования хозяйственной деятельности»,

¹ Мамутов В. К. 50 лет спустя. К пятидесятилетию хозяйственно-правового движения в Донбассе // Экономика и право. 2008. № 3. С. 6.

² Куц Л. И. Экономико-правовые исследования в Донецкой Народной Республике: история и перспективы развития // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Международной науч.-практ. конф. (г. Донецк, 25 октября 2018 г.) / под ред. О. А. Ашуркова. Донецк, 2019. С. 179.

³ Мамутов В. К. Кодификация хозяйственного законодательства в новых экономических условиях: препринт доклада ИЭПИ АН Украины. Донецк, 1994. 19 с.

⁴ Мамутов В. К. Кодификация: сборник научных трудов. Киев, 2011. С. 136.

⁵ Актуальні проблеми господарського права: навч. посіб. / за ред. В. С. Щербини. Київ, 2012. С. 82.

«субъект хозяйствования» и т. д. А необходимость и значимость Хозяйственного кодекса доказана не только научным сообществом, но и практикой его применения.

Новые особенности правовой регламентации хозяйственной деятельности на Донбассе начали появляться с 2014 г. с уходом от имеющейся дуалистической системы в правовом регулировании хозяйственных отношений. С принятием в мае 2014 г. Конституции ЛНР на нашей территории законодательство Украины стало применяться в части, не противоречащей Конституции и принимаемым нормативным правовым актам.

Для обеспечения благоприятного режима при реализации принципа свободы экономической деятельности и дальнейшего урегулирования хозяйственных отношений уже в первые месяцы независимости Республики были приняты законы ЛНР от 1 октября 2014 г. № 27-І «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей»¹ и от 30 декабря 2014 г. № 4-ІІ «О системе налогообложения»². Это дало возможность субъектам хозяйствования (в основном это пищевая промышленность, торговля, транспорт, услуги) продолжить свою деятельность.

Дальнейшее формирование хозяйственного законодательства Республики стало стремительно переориентироваться на российские подходы к регулированию экономических процессов. С принятием в 2018 г. Гражданского кодекса ЛНР (создан на базе Гражданского кодекса РФ) Хозяйственный кодекс продолжал действовать только в части, не противоречащей ГК ЛНР. При этом использованные в нем механизмы российского законодательства оказались труднореализуемыми, так одновременно действовал ряд нормативных актов, принятых ранее.

Такое «соседство двух кодексов» вызывало, скорее, неоднозначность и противоречивость при их применении, чем определенность. За 9 лет независимости Республики Хозяйственный кодекс почти не использовался на практике. Он применялся в учебном процессе лишь как доктринальный источник для усвоения студентами понятия хозяйственной деятельности, единых принципов хозяйствования, средств государственного регулирования хозяйственной деятельности, социальной ответственности субъектов хозяйствования,

Новые особенности правовой регламентации хозяйственной деятельности на Донбассе начали появляться с 2014 г. с уходом от имеющейся дуалистической системы в правовом регулировании хозяйственных отношений

ограничения вмешательства государства в хозяйственную деятельность и т. д.

В 2018 г. в Институте экономических исследований ДНР была проведена I Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы хозяйственного законодательства», участники которой акцентировали внимание на необходимости проведения экономического анализа и обоснованности законопроектов, предлагались новые подходы к формированию хозяйственного законодательства. В частности, предлагалось разработать модельный Хозяйственный кодекс для обеих республик с учетом одинаковых традиций и новых формирующихся условий в сфере хозяйствования³. О. А. Ашурков вообще полагал, что оптимальным для республик было бы использование Хозяйственного кодекса как конституционного закона, на базе которого следовало проводить модернизацию законодательства, и в то же время допускал, что отказ от наработок хозяйственного законодательства может быть целесообразен в случае вхождения республик в состав Российской Федерации⁴.

30 сентября 2022 г. Луганская и Донецкая народные республики и Херсонская и Запорожская области вошли в состав Российской Федерации. До 1 января 2026 г. в этих регионах действует режим переходных положений. Но с учетом проведения на наших территориях специальной военной операции о благоприятном режиме для реализации принципа свободы экономической деятельности, обеспечении защиты прав субъектов хозяйствования говорить пока не приходится.

В сфере высшего образования, в частности по направлению подготовки «Юриспруденция» основная

¹ URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1609/?ysclid=loipk0y0ld881678958>.

² URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/613/?ysclid=loipj2t5a4956148604>.

³ Куцурубова-Шевченко Э. В. Концептуальные основы правового регулирования отношений в сфере хозяйствования в Луганской Народной Республике // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Донецк, 25 октября 2018 г.) / под ред. О. А. Ашуркова. Донецк, 2019. С. 103.

⁴ Ашурков О. А. Формирование основ хозяйственного законодательства Донецкой Народной Республики // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Донецк, 25 октября 2018 г.) / под ред. О. А. Ашуркова. Донецк, 2019. С. 168.

образовательная программа пересмотрена с учетом соответствующего российского образовательного стандар-

Несмотря на многие трудности переходного периода, со вхождением ЛНР в состав России региональное экономическое пространство стало частью единого экономического пространства всего государства

та и в учебный план включена дисциплина «предпринимательское право». Поэтому сегодня перед нами стоит задача проанализировать авторские курсы предпринимательского права коллективов кафедр предпринимательского права ведущих российских вузов и преподавать его курс при сохранении отечественных традиций прошлых лет, но с учетом различных научных взглядов на те или иные спорные вопросы теории и хозяйственного, и предпринимательского права.

Трансформация в наших регионах права хозяйственного в право предпринимательское совпала с глобальными процессами цифровизации экономик стран мира и России. Цифровые технологии, Интернет, искусственный интеллект, соцсети и киберпреступность сформировали новую сферу отношений, которые не могли быть и уже не смогут стать предметом устоявшегося типологического хозяйственно-правового регулирования. Очевидно, что прежние модели правового регулирования необходимо адаптировать к новым реалиям быстро развивающегося информационного и цифрового пространства.

Курс предпринимательского права также обогащается новыми институтами и инструментами. В контексте настоящей статьи следует обратить внимание именно на методологический инструментарий, который подчеркивает характер и сущность отрасли и определяет

направления ее развития и регулируемых отношений. Процессы цифровизации способствуют ослаблению правового императивного, принудительного воздействия на участников правоотношений, поскольку интернет-пространство, где возникает и развивается все большее число бизнес-связей и процессов, стирает границы между юрисдикциями государств. Научное сообщество пришло к выводу о целесообразности использования при этом иных регулятивных механизмов, которые позволяют достигать более высокого уровня комплаенса в регулируемой сфере¹. Электронная коммерция, инновации на рынке услуг, цифровые средства фиксации и опосредования экономических процессов и связей и сама скорость этих процессов требуют более гибких и широких по охвату правовых средств регулирования.

Со вхождением ЛНР в состав России региональное экономическое пространство стало частью единого экономического пространства всего государства. Но пока тенденции развития механизма правового регулирования, складывающиеся в связи с действием национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуются с «задержкой». Трансформационные процессы в регулировании предпринимательской деятельности не смещаются в сторону частноправовых. Для Республики остается актуальной эффективность публичных хозяйственно-организационных решений.

В качестве итога следует отметить, что в настоящее время в ЛНР сложились уникальные возможности для создания своей правовой модели сочетания частноправовых и публично-правовых регуляторов всех хозяйственных отношений, возникающих в Республике, причем с учетом скоростного вовлечения бизнеса и всех государственных и муниципальных органов в существующие цифровые платформы. Наш научный и творческий путь еще небольшой, но он продолжается и позволяет открывать всю многогранность представлений о современном российском предпринимательском праве, о правовом регулировании предпринимательской деятельности как одного из видов хозяйственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальні проблеми господарського права: навч. посіб. / за ред. В. С. Щербини. – Київ: ЮрінкомІнтер, 2012. – 528 с.
2. Ашурков О. А. Формирование основ хозяйственного законодательства Донецкой Народной Республики // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Донецк, 25 октября 2018 г.) / под ред. О. А. Ашуркова. – Донецк, 2019. – 388 с.

¹ Право цифровой среды: коллект. моногр. / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М., 2022. С. 66.

3. Куцурубова-Шевченко Е. В. Концептуальные основы правового регулирования отношений в сфере хозяйствования в Луганской Народной Республике // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Донецк, 25 октября 2018 г.) / под ред. О. А. Ашуркова. – Донецк, 2019. – 388 с.
4. Куц Л. И. Экономико-правовые исследования в Донецкой Народной Республике: история и перспективы развития // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Донецк, 25 октября 2018 г.) / под ред. О. А. Ашуркова. – Донецк, 2019. – 388 с.
5. Мамутов В. К. 50 лет спустя. К пятидесятилетию хозяйственно-правового движения в Донбассе // Экономика и право. – 2008. – № 3. – С. 5–13.
6. Мамутов В. К. Кодификация: сборник научных трудов. – Киев: ЮринкомИнтер, 2011. – 248 с.
7. Мамутов В. К. Кодификация хозяйственного законодательства в новых экономических условиях: препринт доклада ИЭПИ АН Украины. – Донецк, 1994. – 19 с.
8. Мамутов В. К. Повышение роли доктринального толкования в применении хозяйственного законодательства: тезисы выступления // Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 20 мая 2011 г.) / отв. ред. В. В. Лаптев, С. С. Занковский. – М., 2011. – С. 17–21.
9. Право цифровой среды: коллект. моногр. / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. – М.: Проспект, 2022. – 896 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Куцурубова-Шевченко Елена Викторовна

доцент, заведующая кафедрой хозяйственного и таможенно-го права Луганского государственного университета им. Владимира Даля (Луганск, Россия). E-mail: ekutsurubowa@mail.ru.

Кутовая Ирина Эдуардовна

Луганский государственный университет им. Владимира Даля (Россия, Луганск). E-mail: irinakutovaja@rambler.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Helena V. Kutsurubova-Shevchenko

Assistant Professor, Head of Business and Customs Law Department, Lugansk State University named after Vladimir Dahl (Lugansk, Russia). E-mail: ekutsurubowa@mail.ru.

Irina Ed. Kutovaya

Lugansk State University named after Vladimir Dahl (Lugansk, Russia). E-mail: irinakutovaja@rambler.ru.

УДК 347.736

Правовая природа замены застройщика в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика

М. А. Славич¹

Аннотация. Положения Закона о банкротстве в 2015 г. были дополнены нормами, предусматривающими такой способ удовлетворения требований участников строительства, как передача прав и обязанностей застройщика иному лицу (замена застройщика). Анализ специальных положений Закона о банкротстве, регулирующих банкротство застройщиков, а также норм ГК РФ позволил сделать вывод, что передача прав и обязанностей застройщика приобретателю является: передачей в силу закона новому застройщику (приобретателю) договоров должника (передачей договора); правовым средством, являющимся разновидностью закрепленного в ст. 12 ГК РФ такого способа защиты права, как изменение правоотношения; не предусмотренным главой 14 ГК РФ основанием возникновения права собственности на земельный участок/объект незавершенного строительства из судебного решения (определения); одним из случаев использования в праве юридической фикции.

Ключевые слова: банкротство, застройщик, участник долевого строительства, удовлетворение требования, замена застройщика

Legal nature of replacement of the developer in the case of insolvency (bankruptcy) of the developer

Maria A. Slavich²

Abstract. The provisions of the legislation were supplemented with norms providing for such a way to meet the requirements of construction participants as transferring the rights and obligations of the developer to another person (replacing the organization-developer) in 2015. Based on the results of the analysis of the legislation, conclusions are drawn that the transfer of the rights and obligations of the organization-developer to the acquirer is the transfer by virtue of the law to a new developer (acquirer) of the debtor's contracts (transfer of the contract); a legal remedy that is a type of such a method of protection rights as a change in a legal relationship; the basis for the emergence of ownership of a land plot/an object of unfinished construction from a court decision (definition) that is not provided for by the general provisions of civil legislation; one of the cases of using legal fiction in law.

Keywords: bankruptcy; organization-developer; participant in shared construction; satisfaction of the claim; replacement of the organization-developer

Со вступлением в силу изменений, внесенных в Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» Закон привлечение денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов стало возможным только с размещением таких средств на счетах эскроу. Вместе с тем происходящие

в российской экономике с февраля 2022 г. процессы показали, что данная модель эффективна лишь при экономической стабильности общества. В ситуации же, когда депонированные на счетах эскроу денежные средства если и не обесценились, то существенно «подешевели», их гарантированный возврат дольщику уже не обеспечивает для него возможность достижения цели приобретения жилья. Решение этой задачи возможно только при условии окончания строительства

¹ Для цитирования: Славич М. А. Правовая природа замены застройщика в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщика // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 52–56.

² For reference: Slavich M. A. Legal nature of replacement of the developer in the case of insolvency (bankruptcy) of the developer // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 52–56.

объекта, в которое участник долевого строительства вложил денежные средства.

Нормами § 7 гл. IX Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) предусмотрены два способа окончания строительства объекта в рамках деятельности иного лица (не застройщика). Такой способ погашения требований участников строительства, как передача объекта незавершенного строительства (далее – ОНС) специализированному потребительскому кооперативу (ст. 201.10 Закона), появился раньше урегулирования обязательств застройщика перед участниками строительства путем передачи прав и обязанностей застройщика иному лицу (ст. 201.15-1, ст. 201.15-2 Закона) (замена застройщика) (2011 и 2015 гг. соответственно). При этом системный анализ положений § 7 гл. IX Закона о банкротстве позволяет сделать вывод, что сегодня именно последний имеет приоритет.

В литературе отмечается, что механизм замены застройщика был заимствован из практики государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов». Вместе с тем закреплению указанных процедур способствовал анализ применявшихся на практике сочетаний различных конструкций, которые позволяли передать права и обязанности застройщика-банкрота новому юридическому лицу¹.

Рассмотрим правовую природу данного способа удовлетворения требований участников строительства.

Так, в п. 4 ст. 201.15-2 Закона о банкротстве предусмотрено, что при передаче приобретателю имущества и обязательств застройщика не применяются правила о получении застройщиком согласия кредиторов на перевод долга на иное лицо и о предварительном их уведомлении о переводе долга застройщика на приобретателя. По сути, аналогичными по своему содержанию являются и применяемые при замене застройщика положения п. 10 ст. 201.10 Закона о банкротстве. В силу указанной нормы согласия арендодателя земельного участка на передачу прав застройщика на этот участок не требуется.

Действительно, при передаче обязательств застройщика фактически осуществляется перевод долга должника (застройщика-банкрота) на нового должника (приобретателя). По общим положениям гражданского законодательства перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии

такого согласия является ничтожным (ч. 2 ст. 391 ГК РФ).

Далее, в п. 9 ст. 201.15.2 Закона о банкротстве законодатель указывает, что перемена лиц в обязательствах, вытекающих из заключенных застройщиком с участниками строительства договоров, в которых застройщик выступает должником, влечет за собой перевод на приобретателя обязательств застройщика по передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений со дня передачи ему ОНС, земельного участка и обязательств застройщика по передаточному акту.

Очевидно, что законодатель избирательно подходит к урегулированию порядка передачи прав и обязанностей застройщика (особо оговариваются только передача обязательств перед участниками строительства, а также отношения с арендодателем земельного участка) и тем самым отсылает к общим положениям гражданского законодательства о перемене лиц в обязательствах.

В силу положений ч. 1 ст. 382 ГК РФ право (требование), принадлежащее на основании обязательства кредитору, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или может перейти к другому лицу на основании закона. При этом перечень случаев перехода прав кредитора по обязательству к другому лицу на основании закона является открытым (подп. 5 ч. 1 ст. 387 ГК РФ).

Перевод долга с должника на другое лицо может быть произведен по соглашению между первоначальным должником и новым должником (ч. 1 ст. 391 ГК РФ). Долг может перейти с должника на другое лицо по основаниям, предусмотренным законом. Для перехода долга в силу закона не требуется согласия кредитора, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства (ч. 1, ч. 2 ст. 392.2 ГК РФ).

С учетом изложенного можно заключить, что в гражданском законодательстве предусмотрена возможность как передать права (требования), так и перевести долг в силу закона. В свою очередь, при замене застройщика происходит одновременная передача прав и обязанностей по договорам от застройщика-банкрота (должника) новому застройщику (приобретателю).

В соответствии со ст. 392.3 ГК РФ передача стороной всех прав и обязанностей по договору другому лицу является передачей договора. Действующее

¹ Барабина М. П. Особенности правового регулирования отношений банкротства строительных организаций // Актуальные проблемы российского права. М., 2018. С. 98; Кратенко М. Замена застройщика как способ защиты дольщика // ЭЖ-Юрист. 2010. № 49. С. 12–13; Чу-креев А. А. Погашение требований участников строительства: критический анализ основных положений законодательства о банкротстве застройщиков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 12. С. 74.

законодательство (п. 3 ст. 860.6 ГК РФ) закрепляет случаи передачи договора в силу закона¹.

Замена застройщика как способ удовлетворения требований участников строительства является одним из случаев использования в праве юридической фикции

Таким образом, урегулирование обязательств застройщика перед участниками строительства является передачей в силу закона договоров должника (застройщика-банкрота) с участниками строительства, а также договоров с проектными организациями, техническим заказчиком, генеральным подрядчиком, иных договоров, заключенных в ходе конкурсного производства для целей окончания строительства ОНС конкурсным управляющим.

Возвращаясь к анализу замены застройщика как способа удовлетворения требований участников строительства, нужно отметить, что в этом случае использование понятия «удовлетворение требований» представляет собой юридическую фикцию². В действительности никакого удовлетворения требований не происходит. Требование участника строительства – это требование о передаче ему в собственность жилого помещения (денежные и неденежные требования преследуют именно этот материально-правовой интерес). Соответственно удовлетворить его можно только путем передачи участнику строительства в собственность причитающегося ему по договору жилого помещения. Однако в деле о банкротстве застройщика замена застройщика является основанием для исключения требований участников строительства из реестра (п. 6 ст. 201.15-2 Закона о банкротстве).

По общему правилу основанием для исключения требования из реестра требований кредиторов является его удовлетворение (п. 3 ст. 121 Закона о банкротстве). В нашем случае обращение законодателя к юридической фикции позволяет считать требования соответствующих участников строительства в деле о банкротстве

застройщика удовлетворенными. Иначе говоря, под удовлетворением требований участника строительства фактически понимается предоставление ему возможности получить в собственность жилое помещение от нового (ликвидного) застройщика (который подтвердил свое соответствие требованиям к застройщику, а также наличие у него достаточных для завершения строительства соответствующего объекта материально-финансовых ресурсов).

Таким образом, замена застройщика как способ удовлетворения требований участников строительства является одним из случаев использования в праве юридической фикции.

Повторно отметим, что при замене застройщика происходит передача договоров (в первую очередь долевого участия) новому застройщику, приобретателю прав и обязанностей застройщика. Такая передача направлена на защиту прав и законных интересов участников строительства, на получение ими в собственность жилых помещений.

Традиционно в цивилистике под способами защиты гражданских прав понимаются предусмотренные законодательством средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права и воздействие на правонарушителя³. Среди поименованных в ст. 12 ГК РФ способов защиты гражданских прав значатся прекращение или изменение правоотношения.

Перемена лиц в обязательстве означает изменение правоотношения в соответствующей части (в составе сторон)⁴. При этом передача договора является особым случаем перемены в нем лиц, так как правопреемнику в полном объеме передаются права и обязанности по соответствующим договорам. Еще большими особенностями (поскольку передача договоров осуществляется в силу закона) обладает замена застройщика. Вместе с тем, думается, нет оснований к тому, чтобы утверждать, что «замена застройщика» является полноценным самостоятельным способом защиты, и правильно ее считать ее правовым средством⁵. Другими словами, осуществляемая в силу закона (ст. 201.15.1, ст. 201.15-2

¹ Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: моногр. М., 2018. С. 382.

² Лотфуллин Р. К. Юридические фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд. М., 2001. Кн. 1; Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 545.

⁴ Егорова М. А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010; Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: моногр. / отв. ред. М. А. Егорова. М., 2015; Кулаков В. В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

⁵ Лунева Е. В. Гражданско-правовое средство и юридическая конструкция: соотношение понятий // Юрид. мир. 2015. № 8. С. 48–52.

Закона о банкротстве) передача договоров, заключенных должником с участниками строительства – правовое средство, являющееся разновидностью такого универсального закрепленного в ст. 12 ГК РФ способа защиты права, как изменение правоотношения.

Особого внимания заслуживает также тот факт, что определение арбитражного суда о передаче приобретателю имущества и обязательств застройщика является основанием для государственной регистрации перехода прав на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями, а также перехода права на ОНС (в случае, когда за должником было зарегистрировано право собственности на такой объект).

Основания возникновения права собственности закреплены в гл. 14 ГК РФ. Однако приобретение новым застройщиком прав на земельный участок, ОНС, неотделимые улучшения, расположенные на земельном участке, нельзя отнести ни к одному из предусмотренных в ней оснований.

В соответствии с ч. 2 ст. 218 ГК РФ право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом по договору купли-продажи, мены, дарения или иной сделке об отчуждении этого имущества. Бесспорно, что в нашем случае собственником имущества, которое передается приобретателю, выступает банкрот. Определение арбитражного суда о передаче приобретателю имущества

и обязательств застройщика не может быть квалифицировано в качестве договора. Равным образом не может быть признано односторонней сделкой и заявление нового застройщика о намерении стать приобретателем земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями и исполнить обязательства застройщика перед участниками строительства, с которым он обращается в арбитражный суд, так как одно его волеизъявление не может стать необходимым и достаточным условием для перехода к нему права собственности на соответствующее имущество должника (ч. 2 ст. 154 ГК РФ).

Таким образом, передача прав застройщика является не предусмотренным ст. 14 ГК РФ основанием возникновения права собственности.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что по своей правовой природе замена застройщика выступает как передача в силу закона новому застройщику (приобретателю) соответствующих договоров должника (передачей договора); правовое средство, являющееся разновидностью такого универсального закрепленного в ст. 12 ГК РФ способа защиты права, как изменение правоотношения; не предусмотренное главой 14 ГК РФ основание возникновения права собственности на земельный участок/ОНС из судебного решения (определения) (ст. 8 ГК РФ); один из случаев использования в праве юридической фикции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабина М. П. Особенности правового регулирования отношений банкротства строительных организаций // Актуальные проблемы российского права. – М., 2018. – С. 95–99.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд. – М., 2001. – Кн. 1. – 848 с.
3. Гражданское право: учеб: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. – М., 2008. – Т. 1. – 1006 с.
4. Егорова М. А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2010. – 528 с.
5. Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: моногр. – М., 2018. – 432 с.
6. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: моногр. / отв. ред. М. А. Егорова. – М., 2015. – 656 с.
7. Кратенко М. Замена застройщика как способ защиты дольщика // ЭЖ-Юрист. – 2010. – № 49. – С. 12–13.
8. Кулаков В. В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: моногр. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2010. – 256 с.
9. Лотфуллин Р. К. Юридические фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 27 с.
10. Лунева Е. В. Гражданско-правовое средство и юридическая конструкция: соотношение понятий // Юрид. мир. – 2015. – № 8. – С. 48–52.
11. Чукреев А. А. Погашение требований участников строительства: критический анализ основных положений законодательства о банкротстве застройщиков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 12. – С. 69–79.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Славич Мария Анатольевна

соискатель кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, старший юрист адвокатского бюро «Качкин и Партнеры» (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: mslavich@yandex.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Maria A. Slavich

External post-graduate student of Entrepreneurial Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Senior Associate «Kachkin and Partners» Law Firm (Russia, Saint-Petersburg). E-mail: mslavich@yandex.ru.

УДК 346.52, 346.21

Лица, контролирующие корпорацию, и лица, имеющие право на получение прибыли по результатам ее деятельности: сравнительно-правовой анализ

А. П. Слободянюк¹

Аннотация. Контроль над корпорацией является определяющим фактором во многих правоотношениях, в том числе в вопросах установления отношений дочерности, в рамках налогового, антимонопольного, банкротного и санкционного регулирования, а также учитывается в законодательстве о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Важно не допускать отождествления лиц, извлекающих прибыль по результатам деятельности корпорации, и лиц, контролирующих ее деятельность, поскольку это не всегда одни и те же лица. В статье рассматриваются некоторые основания возникновения контроля над корпорацией и права на получение прибыли по результатам ее хозяйственной деятельности и выявляются отдельные способы выстраивания корпоративной структуры, при использовании которых у лица, имеющего право на получение прибыли по результатам деятельности корпорации, фактически не будет возникать контроля над ней, и наоборот.

Ключевые слова: корпорация, корпоративный контроль, контролирующее лицо, бенефициар, распределение прибыли, право на прибыль, траст, дискреционный траст

Persons controlling a corporation and persons entitled to make a profit on the results of its activity: comparative legal analysis

Alexander P. Slobodyanyuk²

Abstract. The control over a corporation is a defining aspect in many legal relationships, including the establishment of subsidiary relationships, tax, antitrust, bankruptcy and sanctions regulation, as well as in the anti-money laundering and anti-terrorist financing legislation. It is important not to allow the intermixture of those persons, who make a profit on the results of the activities of a corporation, and those, who control the activities of the latter, as those are not always the same persons. In this article we make an attempt to consider some of the grounds for the origin of the corporate control and the right to make a profit on the results of the corporation's business activities, to identify certain ways of building a corporate structure in which a person who has the right to make a profit on the results of the corporation, will not have the actual control over its activities and vice versa.

Keywords: corporation; corporate control; controlling person; beneficiary; profit sharing; right to profit; trust; discretionary trust

Корпорация – «юридическое лицо или объединение юридических лиц, имеющие различный организационно-правовой статус и многообразную степень

оперативно-хозяйственной независимости, осуществляющие скоординированные и согласованные организационно-экономические отношения в целях производства

¹ Для цитирования: Слободянюк А. П. Лица, контролирующие корпорацию, и лица, имеющие право на получение прибыли по результатам ее деятельности: сравнительно-правовой анализ // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 57–60.

² For reference: Slobodyanyuk A. P. Persons controlling a corporation and persons entitled to make a profit on the results of its activity: comparative legal analysis // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 57–60.

продукции или осуществления иной хозяйственной деятельности»¹. Важно отметить, что в целях настоящей статьи понятие «корпорация» используется в широком значении, причем под ним подразумеваются только коммерческие корпорации.

Корпорация, осуществляющая хозяйственную деятельность путем волевого активного взаимодействия с объектом, в конечном счете реализует волю лица, контролирующего ее

Не вдаваясь в дискуссию по вопросу воли юридического лица, вероятно, стоит согласиться с Д. Н. Захаровым в той части, что «юридическое лицо немислимо без людского субстрата»². Любая предпринимательская деятельность осуществляется путем волевого активного взаимодействия определенного субъекта права с объектом, т. е., как верно отмечает Д. Н. Захаров, «совершая конкретные действия, вступая в гражданские правоотношения, изменяя и прекращая их, юридические лица тем самым проявляют свою волю»³. Иначе говоря, любое волевое активное взаимодействие корпорации с объектом в ходе осуществления предпринимательской деятельности опосредовано волей лиц, обладающих возможностью прямо или косвенно определять ее волеизъявление.

В силу сказанного корпоративный контроль и раскрывается в доктрине как возможность одного лица определять волю другого лица – корпорации.

В частности, А. О. Шиткин определяет корпоративный контроль как «фактическую или юридическую возможность лица определять волеизъявление корпорации в соответствии с волей и интересами такого лица, при этом волеизъявление самой корпорации перестает быть самостоятельным, а обычный процесс волеобразования и волеизъявления в корпорации нарушается, происходит вмешательство в компетенцию органов управления корпорации»⁴.

Другими словами, корпорация, осуществляющая хозяйственную деятельность путем волевого активного

взаимодействия с объектом, в конечном счете реализует волю лица, контролирующего ее.

Предпринимательская деятельность как правовое явление представляет собой деятельность, направленную на получение прибыли, т. е. это активное волевое взаимодействие определенного субъекта с объектом в целях извлечения прибыли. Очевидно, что любое распределение прибыли производится в пользу какого-либо конкретного лица. При этом важно помнить, что существуют правовые конструкции, в которых лицо, имеющее право на получение прибыли по результатам осуществления корпорацией предпринимательской деятельности, не обладает контролем над последней, и наоборот.

Полагаем, что рассмотрение корпоративного контроля как возможности лица оказывать определяющее влияние на корпорацию, а также права лица на получение прибыли по результатам осуществления коммерческой корпорацией хозяйственной деятельности невозможно без обращения к основаниям их возникновения.

Одним из таких оснований является участие лица в уставном капитале корпорации. Так, по общему правилу, лица, обладающие долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, и владельцы обыкновенных и привилегированных акций имеют право на получение прибыли по результатам деятельности общества.

Из этого следует, что право на получение прибыли возникает у лица в связи с его участием в корпорации, или, иными словами, в силу прямого или косвенного владения долей в уставном капитале или акциями корпорации. Количество акций и/или размер доли в уставном капитале, по общему правилу, влияет лишь на размер прибыли, распределяемой в пользу лица.

Иначе обстоят дела при возникновении корпоративного контроля над корпорацией. Во-первых, как правильно отмечает А. О. Шиткин, именно право голоса имеет в конечном счете значение для определения волеизъявления общего собрания корпорации⁵, а, во-вторых, возникновение корпоративного контроля требует не просто наличия у лица права голоса, оно зависит от размера доли лица в уставном капитале, а также от количества и вида принадлежащих ему акций. Некоторые авторы поэтому выделяют разные степени корпоративного контроля⁶.

¹ Грицай Н. В. Понятие и сущность корпорации // Вестн. Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2015. № 1–2 (17). С. 21–22.

² Захаров Д. Н. Понятие воли юридического лица и проблема ответственности // Фундаментальные исследования. 2005. № 7. С. 69.

³ Там же.

⁴ Шиткин А. О. Корпоративный контроль по праву России и США: понятие, основания и правовые последствия возникновения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020, С. 28.

⁵ Там же. С. 29–30.

⁶ Катаева А. М. К вопросу о понятии «корпоративный контроль» в российском праве // Новый юрид. вестник. 2021. № 7 (31). С. 11–14.

А. М. Катаева верно, по нашему мнению, полагает, что «корпоративным контролем обладают только лица, способные определять волеизъявление корпорации в соответствии со своей волей (оказывать решающее воздействие на принятие решений по вопросам управления и деятельности корпорации, на избрание органов юридического лица и т. д.)»¹. А потому говорить о возникновении корпоративного контроля можно только при наличии у лица преобладающего большинства голосов, т. е. более 50%². Причем если речь идет об акционерном обществе, то нельзя забывать о том, что акции без права голоса или с ограниченным правом голоса в любом их количестве не могут порождать контроль над корпорацией.

В свою очередь, при анализе вопроса о наличии контроля в корпорациях, состоящих из нескольких юридических лиц, образующих предпринимательские объединения вертикального типа, следует учитывать структуру их связей и систему участия в таких корпоративных структурах, обращая внимание на косвенное владение.

Таким образом, говорить о том, что лицо одновременно обладает корпоративным контролем и правом на получение прибыли, можно только при условии, что это лицо владеет таким количеством акций и долей в уставном капитале, которое определяет наличие у него преобладающего большинства голосов. В ином же случае его следует рассматривать только как лицо, имеющее право на получение прибыли по итогам осуществления корпорацией хозяйственной деятельности и при этом не контролирующее ее деятельность.

Вместе с тем стоит учитывать, что в ст. 28 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» установлено правило, позволяющее предусмотреть в уставе общества иной порядок распределения прибыли, в результате чего лицо, даже при наличии у него корпоративного контроля, при условии, что этот корпоративный контроль не является абсолютным, может быть ограничено в праве на получение прибыли.

Различные договорные конструкции гражданско-правового и корпоративного характера могут не только являться самостоятельными основаниями возникновения корпоративного контроля и/или права на получение прибыли по итогам осуществления корпорацией хозяйственной деятельности. Они дают возможность отойти от общих правил в конструкциях прямого или

косвенного владения акциями и долями в уставном капитале корпорации.

Так, корпоративный договор (договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), определяющий порядок осуществления участниками своих корпоративных прав, позволяет устанавливать корпоративный контроль над корпорацией вне зависимости от наличия у лица преобладающего большинства голосов.

Особого внимания в этой сфере требуют трастовые соглашения (широко распространенные в странах с англосаксонской правовой системой), поскольку в траст могут быть переданы имущественные права на корпорацию

Более того, лицо, не являющееся участником корпорации, также может быть лицом, обладающим корпоративным контролем, и (или) лицом, имеющим право на получение прибыли. Это возможно в том числе в силу п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, которым в российский оборот введена конструкция квазикорпоративного договора. Согласно данной норме кредиторы общества и иные третьи лица могут заключить договор с участниками хозяйственного общества, по которому последние в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких третьих лиц обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом.

Особого внимания в этой сфере требуют трастовые соглашения (широко распространенные в странах с англосаксонской правовой системой), поскольку в траст могут быть переданы имущественные права на корпорацию.

В. А. Канашевский писал, что «траст является правоотношением, возникшим из договора между учредителем траста и доверительным собственником по управлению этим собственником имуществом, переданным ему учредителем в интересах бенефициара»³. По общему правилу, учредитель траста, он же первоначальный собственник, т. е. лицо, передающее имущество доверительному управляющему, передает последнему

¹ Катаева А. М. К вопросу о понятии «корпоративный контроль» в российском праве. С. 11–14.

² Шиткин А. О. Корпоративный контроль по праву России и США: понятие, основания и правовые последствия возникновения. С. 29–30.

³ Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журн. рос. права. 2017. № 10 (250). С. 38.

корпоративный контроль над корпорацией без права на получение прибыли, а право на получение прибыли, в свою очередь, переходит к бенефициарам, которые не могут обладать корпоративным контролем над корпорацией, переданной в траст. Это обусловлено тем, что если первоначальный собственник имущества, переданного в траст, сохранит над ним контроль, такой траст может быть признан недействительным. Аналогичное правило будет применено также в случае, если контроль над имуществом перейдет к бенефициару¹.

Таким образом, оптимальной моделью траста (по которой переданная в траст корпорация, как правило, не подпадает под критерии контролируемой иностранной организации по смыслу ст. 25.13 НК РФ), является безотзывный дискреционный траст с минимальными полномочиями первоначального собственника по контролю над корпорацией, переданной в траст². В дискреционном безотзывном трасте в наибольшей степени прослеживается грань между лицом, обладающим корпоративным контролем над переданной в траст корпорацией (доверительный управляющий), и лицом с ограниченным правом на получение фиксированного дохода (бенефициар). Эта грань выражается в том, что

бенефициары в данных конструкциях выступают лишь лицами, в пользу которых может быть распределен доход от управления корпорацией, переданной в траст, и не могут обладать контролем над ней.

Обобщая изложенное, можно сказать следующее. Не всегда лица, обладающие правом на получение прибыли по результатам осуществления корпорацией хозяйственной деятельности, одновременно обладают фактической возможностью определять ее волю, а следовательно, они не являются лицами, контролирующими корпорацию. Чтобы не допустить возложения на участников делового оборота дополнительных ограничений, обязательств и ответственности в результате признания их самих или их контрагентов контролирующими лицами, при рассмотрении данного вопроса стоит учитывать, что факт получения лицом прибыли от деятельности корпорации или наличие у него такого права сами по себе не должны свидетельствовать о наличии у него контроля над корпорацией. Кроме того, при оценке содержания имеющихся отношений нужно учитывать основания возникновения корпоративного контроля и соотносить их с данной корпоративной структурой и используемыми в ней договорными конструкциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грицай Н. В. Понятие и сущность корпорации // Вестн. Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. – 2015. – № 1–2 (17).
2. Захаров Д. Н. Понятие воли юридического лица и проблема ответственности // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 7.
3. Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журн. рос. права. – 2017. – № 10 (250). – С. 38.
4. Катаева А. М. К вопросу о понятии «корпоративный контроль» в российском праве // Новый юрид. вестник. – 2021. – № 7 (31).
5. Шиткин А. О. Корпоративный контроль по праву России и США: понятие, основания и правовые последствия возникновения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. – 245 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Слободянюк Александр Петрович

аспирант кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: a.slobodyanyuk66@gmail.com.

AUTHOR'S DETAILS

Alexander P. Slobodyanyuk

postgraduate student of the Department of Business Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: a.slobodyanyuk66@gmail.com.

¹ Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества. С. 42.

² Там же. С. 45.

УДК 349.2

Структура правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации по трудовым спорам

В. П. Коваль¹

Аннотация. Повсеместно используемое в юридической науке и практике понятие «правовая позиция» не является абстрактным. Напротив, оно обладает определенным содержанием и структурой, которые варьируются в зависимости от вида правовой позиции. Один из видов – правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации по трудовым спорам. Общеизвестно, что правовые позиции оказывают непосредственное влияние на законодательство и правоприменительную практику. Для понимания механизма такого влияния нужно выяснить, во-первых, что оказывает влияние (структура правовой позиции); во-вторых, как оно оказывается (функции правовой позиции). Ответ на первый вопрос – цель настоящей статьи. Структурно-функциональный анализ правовой позиции помог раскрыть содержание ее элементов с привлечением правоприменительной практики по трудовым спорам. На примерах из практики показано, что структура правовой позиции зависит не только от судебного акта, в котором она закреплена, но и от вида правовой деятельности суда. В ходе анализа выявлены структуры правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по трудовым спорам, сформулированных в правоприменительных и интерпретационных актах, даются практические рекомендации.

Ключевые слова: правовая позиция, трудовая спор, судебное решение, судебное определение, судебное постановление

Structure of the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on labor disputes

Vladimir P. Koval'²

Abstract. The concept of “legal position”, which is widely used, is not abstract – on the contrary, it has a certain content and structure, which vary depending on the type of legal position. One of the types is the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on labor disputes. It is generally recognized that legal positions have a direct impact on legislation and law enforcement. It is necessary to understand, firstly, what has an influence (structure of a legal position); secondly, how this influence is exerted (functions of a legal position). The answer to the first question is the purpose of this article. Structural and functional analysis of the legal position helped to reveal the content of its elements with the involvement of law enforcement practice on labor disputes. Using examples from practice it is shown that the structure of a legal position depends not only on the judicial act in which it is enshrined, but also on the type of legal activity of the court. The author developed the structure of the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on labor disputes; made practical recommendations.

Keywords: legal position; labor dispute; court decision; court ruling; court order

Понятие «правовая позиция» прочно вошло в юридический тезаурус. Но несмотря на свою распространенность, оно зачастую употребляется неправильно, что

выражается в логических ошибках при формулировании слишком широкого или слишком его узкого определения, в подмене понятия и др. Представляется, что

¹ Для цитирования: Коваль В. П. Структура правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации по трудовым спорам // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 61–65.

² For reference: Koval' V. P. Structure of the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on labor disputes // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 61–65.

главная причина подобных логических ошибок – недостаточная научная проработанность структуры и функционального назначения правовой позиции. При этом вопрос о структуре является главенствующим, поскольку перед исследованием динамики (взаимодействия, функций) важно изучить статику (объект, его внутреннее строение). Уже взаимодействующие объекты (правовые позиции разных видов), выполняя конкретные функции, из своих структур образуют систему в рамках механизма правового регулирования.

Прежде всего, важно понять, внутреннее строение чего именно будет характеризоваться. Невозможно говорить о структуре правовой позиции в целом, поскольку это логико-языковой ноумен, состоящий из суждений на правовом языке, основанный на философских категориях (интерес, цель, воля), познаваемый рационально и существующий исключительно в сознании субъекта права. Отталкиваясь от разных видовых признаков,

Практическая направленность («прагматическая идея») – отличительный признак именно судебной правовой позиции

можно провести классификации, которые помогут сузить предмет рассмотрения и прийти к правовым позициям определенных видов с четкой структурой.

Наиболее общим делением правовой позиции как теоретико-правового явления представляется деление, основанием которого выступает вид деятельности: научная и правовая (последняя включает правотворчество, правоприменение, реализацию и интерпретацию права). Это основание деления вписывается в доктринальную модель построения правовой системы общества, состоящей из «писаного права (системы норм), юридической практики и правовой идеологии»¹.

Одним из первых классификацию правовых позиций в зависимости от элементов правовой системы общества провел Н. А. Власенко. Он разделяет правовые позиции на «нормотворческие, доктринальные и правоприменительные»². На этой же классификации строят свои рассуждения М. В. Глоба³, Е. Е. Зотова⁴.

Среди названных видов наибольшее отражение в науке получили правоприменительные правовые позиции, в числе которых особо выделяются правовые позиции суда, практическое значение которых трудно переоценить. Практическая направленность («прагматическая идея»⁵) – отличительный признак именно судебной правовой позиции. Практическая цель заключается в наиболее полном, всестороннем и справедливом разрешении спора.

Структура судебной правовой позиции зависит от вида суда, который ее сформулировал, а также от судебного акта, где она содержится. С учетом правового режима функционирования Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) в соответствии с Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», степени влияния его актов на трудовое законодательство и правоприменительную практику рассмотрение структуры правовой позиции ВС РФ представляет наибольший интерес.

ВС РФ принимает правоприменительные и интерпретационные акты.

Среди правоприменительных актов ВС РФ, принимаемых в ходе гражданского судопроизводства (по разрешению трудовых споров), выделяются:

1) судебное решение – акт, в результате принятия которого дело разрешается по существу (коллегиями ВС РФ по первой инстанции);

2) судебное определение – акт, в результате принятия которого дело не разрешается по существу, в нем находят решение иные вопросы, связанные с рассмотрением дела;

3) судебное постановление – акт, выносимый Президиумом ВС РФ в результате рассмотрения жалоб и представлений в кассационной и надзорной инстанциях, а также при утверждении обзоров судебной практики. Данным актом определяется судьба рассмотрения дела по существу (либо суммируются результаты рассмотрения дел по существу – в обзорах, юридическая природа которых ближе к компиляции правоприменительных актов).

Не все названные правоприменительные акты ВС РФ содержат правовые позиции, так как не все они касаются разрешения спора по существу (а это один

¹ Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 83.

² Власенко Н. А. Правовые позиции: понятие и виды // Журн. рос. права. 2008. № 12. С. 85.

³ Глоба М. В. Роль правовых позиций высших судебных органов Российской Федерации в правовом регулировании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 35–36.

⁴ Зотова Е. Е. Теория и практика реализации судебных правовых позиций в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 19–20.

⁵ Шульга И. В. Правовые позиции Верховного Суда РФ: учеб. пособие для вузов. М., 2019. С. 14.

из главных признаков судебной правовой позиции). Здесь ценность представляют решения коллегий ВС РФ, постановления Президиума ВС РФ и определения коллегий ВС РФ о пересмотре или отмене решений.

Все эти акты имеют сходную структуру. Согласно ч. 1 ст. 198 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) решение состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Аналогичная их структура закреплена в ч. 1 ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и ч. 1 ст. 180 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Судя по содержанию названных структурных элементов, правовая позиция, объясняющая и разъясняющая итоговые выводы ВС РФ, содержится в мотивировочной части правоприменительного акта. Именно здесь сосредоточены выводы Суда, вытекающие из установленных им обстоятельств дела; доводы в пользу принятого решения; законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался Суд при принятии решения.

Следует обратить внимание на то, что подобное структурное расположение характерно именно для правоприменительного акта ВС РФ. Если рассмотреть интерпретационные акты официального толкования (постановления Пленума), то у них заявленная классическая структура акта отсутствует. Вместо нее указанные акты содержат перечень правовых позиций.

Вывод, содержащийся в мотивировочной части правоприменительного акта ВС РФ, представляет собой систему суждений, структура которой неоднородна. Вместе с тем можно выделить общие элементы данной структуры: результаты анализа фактических обстоятельств; интерпретация совокупности норм; итоговый вывод; указание нижестоящим судам (факультативный элемент).

Первый элемент крайне важен, поскольку правоприменение невозможно без юридических фактов, а точнее, фактического состава. Формируемая правовая позиция невозможна вне контекста конкретных жизненных обстоятельств, по поводу которых применяется норма для разрешения спора. Однако эти жизненные обстоятельства обязательно должны быть соотнесены с нормами права, «иначе вести речь о юридическом факте будет нельзя»¹. Правоприменитель «производит юридическую квалификацию фактических обстоятельств

и интерпретацию индивидуальных юридических актов»². Особое внимание следует обратить на то, что составным элементом правовой позиции суда являются не сами фактические обстоятельства, а результаты их анализа. Правоприменитель, обезличивая фактуру, используя методы восхождения от конкретного к абстрактному, обобщения, абстрагирования, создает модель разрешения спора без упоминания деталей (имен, должностей, времени и др.).

Например, правовая позиция из определения Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 29 марта 2021 г. № 5-КГПР20-151-К2 основана на следующем фактическом составе: работа по должности; внеочередная медкомиссия, признавшая работника непригодным для выполнения трудовой функции; увольнение по п. 8 ч. 1 ст. 77 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) (отказ работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением); невыполнение работодателем обязанности (ч. 1 ст. 73 ТК РФ) по предложению работнику иных вакантных должностей, подходящих ему, для перевода.

Второй структурный элемент правовой позиции не вызывает сомнений, так как сам процесс применения права подразумевает толкование норм закона разными способами и приемами. Зачастую это делается для применения при разрешении дела аналогии закона или права. Следует обратить внимание на то, что в правовой позиции всегда толкуется совокупность норм. Соответственно выводы делаются в отношении каждой нормы отдельно, но в их системном единстве. Кроме того, при формулировании правовой позиции осуществляется именно интерпретация, а не конкретизация: это разные виды правовой деятельности по целям, методологии и практическим результатам.

В упомянутом определении № 5-КГПР20-151-К2 мотивировочная часть содержит интерпретацию норм ч. 1 ст. 3, чч. 1 и 3 ст. 73, п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ во взаимосвязи с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Третий элемент – итоговый вывод. Данное умозаключение, как правило, формулируется в один абзац, предшествует резолютивной части судебного акта и начинается со слов «Таким образом...», «На основании изложенного...», «Учитывая изложенное...», «В связи с изложенным...». В данной части подводится итог сказанному в предыдущих двух частях, а также развернуто объясняется волеизъявление из резолютивной части.

¹ Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. М., 2022. С. 15.

² Малинова И. П. Интерпретационная деятельность в праве (методологические основания и систематизация) // Рос. юрид. журн. 2011. № 1. С. 25.

Структура правовой позиции ВС РФ обычно напоминает структуру простого силлогизма: большая посылка (фактический состав), малая посылка (результаты интерпретации норм) и вывод (умозаключение по делу)

Приведенная структура правовой позиции напоминает структуру простого силлогизма: большая посылка (фактический состав), малая посылка (результаты интерпретации норм) и вывод (умозаключение по делу).

Что касается четвертого (факультативного) элемента «указание нижестоящим судам», то он может присутствовать либо отсутствовать в правовой позиции. Если эта часть присутствует, то она сопровождается словосочетанием: «...эти обстоятельства не были учтены нижестоящими судами» или «...суду первой инстанции следует». При этом независимо от того, наличествует подобная фраза в тексте правовой позиции или нет, нижестоящие суды всегда де-факто следуют позиции ВС РФ.

Структуры постановлений Пленума ВС РФ (интерпретационных актов) довольно разнообразны. Тем не менее и здесь можно выделить общие черты, которые помогут найти правовые позиции. В этих целях были проанализированы основные постановления Пленума ВС РФ в сфере трудовых правоотношений, структура которых состоит из следующих блоков.

Первый блок – «Вводная часть». В ней кратко обозначены цели изложенных разъяснений, которые заключаются в обеспечении правильного применения норм трудового законодательства, а также единства практики его применения судами.

Второй блок – «Общие положения». Здесь на основе норм закона указывается сфера действия интерпретируемых положений по кругу лиц, реже – по времени и в пространстве; излагается нормативная правовая основа; уточняется терминология. Например, в общих положениях Постановления Пленума ВС РФ от 28 января 2014 г. № 1 указаны нормативные источники регулирования; круг лиц: женщины, лица с семейными обязанностями и несовершеннолетние; даны дефиниции этих лиц. В выделенных общих положениях суд ограничивается либо цитированием норм, либо их буквальным толкованием.

В первых двух блоках правовые позиции отсутствуют.

Третий блок – «Интерпретация материально-правовых норм». В этой части содержатся: результаты

толкования норм ТК РФ разными способами и разных видов (не только буквальное, но и расширительное, а также ограничительное); примеры аналогии закона и аналогии права; новые правила поведения (например, условия, при которых возможно увольнение работника, появившегося на работе в нетрезвом виде – п. 42 Постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2), юридические конструкции (например, совокупность условий наступления материальной ответственности работника – п. 36 Постановления), термины («деловые качества работника» – из абз. 6 п. 10 Постановления). Все перечисленные положения и есть правовые позиции разных видов и разной структуры.

Четвертый блок – «Интерпретация процессуально-правовых норм». В данном разделе, как правило, содержатся положения о подведомственности, подсудности, процессуальных сроках, доказательствах и других процессуальных вопросах. Как и в предыдущем разделе, здесь приводятся результаты толкования норм процессуальных кодексов (в основном ГПК РФ). Однако в абсолютном большинстве случаев толкование является буквальным по объему. И несмотря на то что в силу ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в гражданском судопроизводстве допустимы аналогии и закона, и права, их примеры в исследуемых актах обнаружить не удалось. Равно как не удалось обнаружить и примеры новых правил поведения, терминов, юридических конструкций, касающихся процессуального законодательства. Поэтому говорить о наличии здесь правовых позиций нельзя.

Пятый блок – «Оперативные положения». По аналогии с оперативными нормами законодательства оперативные положения постановления Пленума ВС РФ указывают на момент и порядок вступления в силу интерпретационного акта, на отмену действия иных постановлений, а также на порядок применения данного постановления. Этот раздел не содержит правовых позиций.

Правовые позиции в постановлениях Пленума ВС РФ удалось найти только в разделе с условным названием «Интерпретация материально-правовых норм». Какова же их структура? Очевидно, что она существенно отличается от структуры правовых позиций, содержащихся в правоприменительных актах.

Во-первых, будет отсутствовать такой структурный элемент, как «результаты анализа фактических обстоятельств», потому что самих фактических обстоятельств нет: они подразумеваются (по будущим делам в судах, которым даются разъяснения). Во-вторых, факультативный элемент «указание нижестоящим судам» становится обязательным структурным

элементом – в силу прямого указания ст. 126 Конституции Российской Федерации. В-третьих, итоговый вывод также видоизменяется: таких выводов будет уже несколько. А формирование выводов обусловлено не большой (в виде фактического состава) и малой (в виде норм права) посылками, а иными механизмами. В частности, большая посылка (фактический состав) подразумевается и моделируется в самой правовой позиции. Толкование норм происходит уже применительно к смоделированному фактическому составу. Вывод может иметь форму аналогии закона, аналогии права, иного способа преодоления дефекта трудового законодательства, в том числе в виде нового правила поведения, юридической конструкции, понятия.

Что касается последнего, то именно правовые позиции ВС РФ являются источником многих понятий современного трудового права («уважительные причины», «день обнаружения проступка», «дисциплинарное взыскание», «другая работа»¹).

Соответственно структура правовой позиции в интерпретационном акте ВС РФ будет следующей: указание нижестоящим судам; интерпретация совокупности норм; итоговые выводы.

Представляется, что приводимые в настоящей статье структуры правовых позиций ВС РФ обеспечивают возможность их более оперативного и точного поиска для использования в процессе правотворчества и правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Теория права. – М., 1995. – 320 с.
2. Власенко Н. А. Правовые позиции: понятие и виды // Журн. рос. права. – 2008. – № 12. – С. 77–86.
3. Глоба М. В. Роль правовых позиций высших судебных органов Российской Федерации в правовом регулировании: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022.
4. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1998.
5. Зотова Е. Е. Теория и практика реализации судебных правовых позиций в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020.
6. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. – М., 2022. – 128 с.
7. Малинова И. П. Интерпретационная деятельность в праве (методологические основания и систематизация) // Рос. юрид. журн. – 2011. – № 1. – С. 18–25.
8. Шульга И. В. Правовые позиции Верховного Суда РФ: учеб. пособие для вузов. – М., 2019. – 164 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваль Владимир Петрович

руководитель сектора общеправовой и судебной работы юридического отдела Регионального Фонда содействия капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах Свердловской области; ассистент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: ya.vova-danil@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7087-581X.

AUTHOR'S DETAILS

Vladimir P. Koval'

Head of the General Legal and Judicial Sector of the Legal Department of the Regional Fund for assisting the capital repair of common assets in multifamily houses in the Sverdlovsk Region; Assistant of The Labor Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: ya.vova-danil@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7087-581X.

¹ Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 301–336.

О некоторых правовых аспектах отнесения земельных участков к особо охраняемым территориям

А. Я. Саввина¹

Аннотация. В земельном, градостроительном и ином законодательстве Российской Федерации все большее развитие получает правовое регулирование отношений по поводу особо охраняемых территорий. Отнесение земельных участков к особо охраняемым территориям влечет ряд правовых последствий, в том числе установление дополнительных ограничений и запретов в части хозяйственной и иной эксплуатации земли. При этом само понятие таких территорий не получило законодательного закрепления. Отсутствует единство и при определении их признаков (характеристик). И только в Земельном кодексе Российской Федерации словосочетание «особо охраняемые территории» применяется в отношении одной из семи категорий земель. В статье анализируются и обобщаются положения законодательства Российской Федерации об особо охраняемых территориях. Выявлены общие и специальные признаки названных территорий, цели их создания, а также категории земель, в пределах которых они могут быть расположены. На этой основе формулируется определение понятия «особо охраняемые территории». Делается вывод о возможности расположения данных территорий в пределах земель различных категорий, раскрывается содержание их правового режима.

Ключевые слова: особо охраняемые территории, земельные участки, категории земель, особо охраняемые природные территории, зоны с особыми условиями использования территорий, правовой режим земель

About some legal aspects of the assignment of land plots to specially protected territories

Ludmila Ya. Savvina²

Abstract. In the land, town planning and other legislation of the Russian Federation, the legal regulation of relations regarding “specially protected areas” is increasingly being developed. The classification of land plots as specially protected areas entails a number of legal consequences, including the establishment of additional restrictions and prohibitions regarding economic and other exploitation of the land. At the same time, the very concept of such territories has not received legislative recognition. There is no unified approach in determining their features (characteristics). And only in the Land Code of the Russian Federation the phrase “specially protected areas” is applied to one of seven categories of land. This article analyzes and summarizes the provisions of the legislation of the Russian Federation on “specially protected areas”. The study identifies general and special characteristics of the named territories, the purposes of their creation, as well as the categories of lands within which they can be located. The author proposes a definition of the concept of “specially protected areas”, taking into account the named characteristics and purposes of creation. Next, a conclusion is drawn about the possibility of locating these territories within various categories of land and the content of their legal regime.

Keywords: specially protected areas; land plots; categories of land; specially protected natural areas; zones with special conditions for the use of territories; legal regime of lands

Понятие «особо охраняемые территории» (далее также ООТ) не получило законодательного закрепления, но в ст. 94 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) данное словосочетание

используется применительно к отдельной категории земель. В связи с этим возникает необходимость разрешения следующих задач: 1) выявить общие и специальные признаки, а также цели образования ООТ на основе

¹ Для цитирования: Саввина Л. Я. О некоторых правовых аспектах отнесения земельных участков к особо охраняемым территориям // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 66–70.

² For reference: Savvina L. Ya. About some legal aspects of the assignment of land plots to specially protected territories // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 66–70.

анализа различных законодательных актов, что позволит сформулировать определение данного понятия; 2) определить, в составе каких категорий земель могут создаваться ООТ; 3) показать изменения в правовом режиме земельных участков в случае их отнесения к особо охраняемым территориям.

Полагаем, что при этом надо руководствоваться следующим.

1. Пункт 1 ст. 94 ЗК РФ определяет сущность земель особо охраняемых территорий и объектов путем перечисления их признаков (характеристик):

а) особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение;

б) изъятие полностью или частично из хозяйственного использования и оборота на основании постановлений уполномоченных органов государственной власти или решений органов местного самоуправления;

в) установление особого правового режима.

По указанным характеристикам выделяются и подкатегории земель ООТ: 1) земли особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ); 2) земли природоохранного значения; 3) земли рекреационного назначения; 4) земли историко-культурного назначения; 5) особо ценные земли.

Как видим, все эти признаки объединяются терминами «особое», «особый», т. е. «отдельный, независимый от других»¹. В свою очередь, слово «территория» означает «ограниченное земельное пространство»². Понятие «земельное» идет от слова «земля», которое по своему смыслу является многозначным (планета; суша; почва; рыхлое темно-бурое вещество; страна; территория; административно-территориальная единица в Австрии...)³.

Таким образом, ограниченное земельное пространство, называемое особо охраняемой территорией, обременено отдельным, независимым от других правовым режимом охраны ценных объектов природоохранного, научного, историко-культурного, эстетического, рекреационного, оздоровительного и иного ценного значения.

Особо охраняемая территория состоит не только из земли как поверхности, но и других компонентов природной среды: недр, поверхностных и подземных вод, объектов растительного, животного мира и иных организмов, атмосферного воздуха. Поэтому цель образования ООТ – установление особого правового режима

охраны ценных объектов не только природного, но и антропогенного происхождения.

Цель образования ООТ – установление особого правового режима охраны ценных объектов не только природного, но и антропогенного происхождения

По смыслу положений ст. 94 ЗК РФ особо охраняемые территории могут быть федерального, регионального и местного значения. На 1 января 2023 г. общая площадь таких земель составила 50 492,4 тыс. га, причем из них 50 172,3 тыс. га (т. е. 99,4 %) – это земли особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Площадь земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов составила в целом по стране 31,1 тыс. га (0,05 %), а земель историко-культурного назначения – всего 23,1 тыс. га (0,05 %).

За 2023 г. общая площадь земель, отнесенных к категории особо охраняемых территорий и объектов, увеличилась на 116,1 тыс. га.

Площадь особо ценных земель на 1 января 2023 г. составила 6611,9 тыс. га⁴.

Анализ соответствующих правовых норм (глава XVII ЗК РФ, Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон об ООПТ), Федеральный закон от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах», Лесной кодекс РФ, Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и другие источники) позволяет определить признаки, присущие всем ООТ.

Это особо ценное значение охраняемых объектов, особый правовой режим охраны, предполагающий установление дополнительных ограничений прав правообладателей земельных участков, расположенных на данных территориях. Кроме того, общим правилом является

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 461.

² Там же. С. 794.

³ Там же. С. 231, 232.

⁴ Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2022 году / Росреестр. М., 2023 // URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/doc_nation_report_2022.pdf/p.23,24 (дата обращения: 24.08.2023).

определение границ соответствующих ООТ и внесение сведений о них в специальные пообъектные реестры (Государственный кадастр ООПТ, Государственный лесной реестр и т. п.), а также в ЕГРН.

Специальные признаки характеризуют конкретную ООТ и обусловлены видом охраняемого объекта – категорией ООПТ (государственный природный заповедник и т. д.), видом памятника истории или культуры, наличием достопримечательных мест и т. п.

2. Особо охраняемые территории могут быть образованы в составе различных категорий земель. Например, земли и земельные участки в границах населенных пунктов, включенных в состав особо охраняемых природных территорий, относятся к землям населенных пунктов. Использование включенных в состав особо охраняемых природных территорий земель и земельных участков иных категорий ограничивается с учетом необходимости защиты природных комплексов особо охраняемых природных территорий от неблагоприятных антропогенных воздействий (п. 2 ст. 95 ЗК РФ).

Земли, занятые защитными лесами (за исключением расположенных на землях лесного фонда, землях особо охраняемых природных территорий), согласно ст. 6 Лесного кодекса РФ располагаются на землях сельскохозяйственного назначения и иных землях, установленных в соответствии с ЗК РФ.

Особо ценные земли могут быть выделены в землях всех категорий. Например, особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья (п. 4 ст. 79 ЗК РФ).

Статья 35 Градостроительного кодекса РФ предусматривает включение в состав территориальных зон зоны ООТ. В зоны ООТ могут включаться земельные участки, имеющие особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное особо ценное значение. При этом Кодекс ничего не говорит о возможности полного или частичного их изъятия из хозяйственного использования и оборота и особом их правовом режиме.

Важно отметить, что в соответствии с нормами главы XIX ЗК РФ к ООТ по названным выше признакам следует отнести зоны с особыми условиями использования территорий (далее – ЗОУИТ). Они создаются в целях защиты жизни и здоровья граждан; безопасной эксплуатации объектов транспорта, связи, энергетики, объектов обороны страны и безопасности государства; обеспечения сохранности объектов культурного наследия; охраны окружающей среды,

в том числе защиты и сохранения природных лечебных ресурсов, предотвращения загрязнения, засорения, заиления водных объектов и истощения их вод, сохранения среды обитания водных биологических ресурсов и других объектов животного и растительного мира; обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Актуальность вопросов определения правового режима различных ЗОУИТ в настоящее время не вызывает сомнений, так как процесс реформирования в этой сфере будет продолжаться до 2028 г. включительно. При этом реализация обновленных положений законодательства о ЗОУИТ на сегодня значительно затруднена из-за отсутствия необходимых правовых основ (до сих пор Правительством РФ не утверждены положения о ЗОУИТ, не определены органы исполнительной власти, уполномоченные на установление ЗОУИТ)¹.

Таким образом, во-первых, особо охраняемые территории могут быть образованы в составе отдельной категории земель ООТ и объектов, правовой режим которой регламентирован главой XVII ЗК РФ и положениями принимаемых в соответствии с ней иных нормативных правовых актов.

Во-вторых, они образуются в составе земель других категорий в порядке отнесения земель и земельных участков к ООТ.

3. По целевому назначению помимо земель особо охраняемых территорий и объектов в Российской Федерации выделяются еще шесть категорий земель (п. 1 ст. 7 ЗК РФ).

Принцип деления земель на категории по целевому назначению, согласно которому правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства, предусмотрен подп. 8 п. 1 ст. 1 ЗК РФ.

«Правовой режим земель и земельных участков определяется в соответствии с федеральными законами исходя из их принадлежности к той или иной категории земель и разрешенного использования» (п. 2 ст. 7 ЗК РФ).

Земли и земельные участки могут принадлежать к одной (т. е. определенной) категории земель. Если допустить принадлежность земельного участка к нескольким категориям земель одновременно, то тогда будет допустимо использовать его в соответствии

¹ Вагина О. В., Гаевская Е. Ю., Герасимов О. А. Актуальные вопросы правового режима зон с особыми условиями использования территорий, связанных с магистральными и промышленными трубопроводами // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 3. С. 67–70.

с несколькими видами целевого назначения, что явно невозможно¹.

Перечень категорий земель является исчерпывающим и может быть дополнен только Земельным кодексом РФ.

В литературе высказано мнение, что понятие «правовой режим земель» упоминается в действующем законодательстве, но не раскрывается его содержание, которое позволило бы наиболее полно и системно усвоить содержание земельно-правового регулирования².

Административно-правовой подход к определению правового режима объекта³ а также восьмой и десятый принципы земельного законодательства (подп. 10 п. 1 ст. 1 ЗК РФ) позволяют сделать следующие выводы.

Систематизация⁴ (единство) общего правового режима, введенного в отношении всех земель, и его дифференциация определяют и конкретизируют, во-первых, особый правовой режим, присущий отдельным категориям и подкатегориям земель, и, во-вторых, специальный режим, устанавливаемый в отношении конкретных земельных участков, в том числе объекты, субъекты, а также содержание прав и обязанностей субъектов земельных правоотношений.

Содержание правового режима земель и земельных участков определяется сочетанием категоризации (целевого назначения) земель и территориального зонирования, определяющего виды разрешенного использования земельных участков. Е. А. Галиновская полагает, что «такой двухступенчатый подход, когда разрешенное использование устанавливается не вместо, а в соответствии с категорией земель, не потребует кардинальных изменений в правовом режиме земель, соответствует обширным площадям Российской Федерации, составит основу реализации не только местной, направленной преимущественно на застройку территорий, но и федеральной государственной земельной политики, требующей учета всех видов использования земель»⁵.

Порядок отнесения земель к землям ООТ федерального, регионального и местного значения, а также порядок их использования и охраны устанавливаются

соответственно Правительством Российской Федерации на основании федеральных законов, а также органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления согласно федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации и нормативным правовым актам органов местного самоуправления.

Содержание правового режима земель и земельных участков определяется сочетанием категоризации (целевого назначения) земель и территориального зонирования, определяющего виды разрешенного использования земельных участков

При отнесении земельных участков к особо охраняемым территориям законодательство РФ закрепляет ряд ограничений их использования, которые распространяются на все, что находится над и под поверхностью земель, если иное не предусмотрено специальными законами, включая ограничения или запреты на размещение и (или) использование расположенных на таких земельных участках объектов недвижимого имущества, а также на использование земельных участков для осуществления иных видов деятельности, которые несовместимы с целями создания ООТ (п. 6 ст. 94, п. 7 ст. 95, п. 4 ст. 97, п. 2 ст. 104 ЗК РФ и т. п.).

Возможно ли изменение границ и правового режима ООТ?

По мнению И. С. Андреечева, отсутствие в Законе об ООПТ подобных норм обосновывается стремлением законодателя исключить возможность уменьшения территории ООПТ или их ликвидации⁶.

В отношении ЗОУИТ п. 17 ст. 106 ЗК РФ допускает возможность принятия решения о прекращении

¹ Актуальные проблемы теории земельного права России: моногр. / под общ. ред. А. П. Анисимова. М., 2020.

² Ерофеев Б. В. Земельное право России: учеб. для вузов / под науч. ред. Л. Б. Братковской. 17-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

³ «Понятие правового режима почти совпадает с понятием системы права, если она рассматривается с точки зрения отношений граждан, организаций в связи с определенными объектами (режим собственности, режим природных объектов...)» (Бахрах Д. Н. Административное право России: учеб. для вузов. М., 2000. С. 410).

⁴ По мнению Д. Н. Бахраха, «...к юриспруденции возможен статутный подход, подход с точки зрения субъекта... полезен и режимный подход, систематизация норм по признаку объекта. Их взаимодействие – важное условие качества юридической деятельности» (Бахрах Д. Н. Административное право России: учеб. для вузов. С. 411).

⁵ Галиновская Е. А. О направлениях совершенствования установления категорий и разрешенного использования земель // Имущественные отношения в РФ. 2012. № 10 (133). С. 81.

⁶ Андреечев И. С. Изменение границ, преобразование и ликвидация особо охраняемых природных территорий // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 165.

существования данной зоны и действия ограничений использования земельных участков, расположенных в их границах.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать следующие выводы.

1. Под особо охраняемой территорией надо понимать ограниченное земельное пространство, включая расположенные на нем и под ним иные компоненты природной среды (природные или природно-антропогенные объекты), а также антропогенные объекты, имеющие по отдельности или в совокупности особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, которое полностью или частично изъято из хозяйственного использования

и оборота и в отношении которого установлен особый правовой режим.

2. Особо охраняемые территории могут быть образованы в составе различных категорий земель.

3. При отнесении земельных участков к особо охраняемым территориям на них станут распространяться предусмотренные законодательством РФ ограничения в использовании.

Отсутствие единого законодательного подхода к пониманию и классификации особо охраняемых территорий, незакрепленность порядка отнесения земельных участков к данным территориям и правовых последствий установления в отношении них особого режима затрудняют реализацию прав субъектов на дальнейшее хозяйственное и иное использование земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы теории земельного права России: моногр. / под общ. ред. А. П. Анисимова. – М., 2020. – 496 с.
2. Андреечев И. С. Изменение границ, преобразование и ликвидация особо охраняемых природных территорий // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 2 (135).
3. Бахрах Д. Н. Административное право России: учеб. для вузов. – М., 2000.
4. Вагина О. В., Гаевская Е. Ю., Герасимов О. А. Актуальные вопросы правового режима зон с особыми условиями использования территорий, связанных с магистральными и промышленными трубопроводами // Бизнес, менеджмент и право. – 2023. – № 3. – С. 67.
5. Галиновская Е. А. О направлениях совершенствования установления категорий и разрешенного использования земель // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2012. – № 10 (133).
6. Ерофеев Б. В. Земельное право России: учеб. для вузов / под науч. ред. Л. Б. Братковской. 17-е изд., перераб. и доп. – М., 2023. – 571 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Саввина Людмила Яковлевна

старший преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: savvina.l@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7934-476X.

AUTHOR'S DETAILS

Ludmila Ya. Savvina

Senior Lecturer of Land, Urban Planning and Environmental Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: savvina.l@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7934-476X.

УДК 342.92

**Законодательство
об экстраординарных (специальных) правовых режимах
государств-участников Содружества Независимых Государств:
сравнительно-правовой анализ
(часть 2)**

С. Д. Хазанов, Д. М. Лифанов¹

Аннотация. Статья завершает состоящее из двух частей исследование нормативных правовых актов в области законодательства об экстраординарных (специальных) правовых режимах государств – участников Содружества Независимых Государств. Цель настоящей работы – выявление особенностей введения и реализации правовых режимов военного, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции и противодействия экстремизму по законодательству стран Содружества. На основе сравнительно-правового метода проанализированы изменения в законодательстве об экстраординарных (специальных) правовых режимах во взаимосвязи с административно-деликтным законодательством стран Содружества, в результате применения которого выявлены некоторые закономерности системного построения соответствующих нормативных положений. Предложен подход к построению системы субъектов, обеспечивающих реализацию специальных административно-правовых режимов, а также ограничений, налагаемых на граждан и организации в условиях кризисных ситуаций. С учетом этого обозначены основные направления, определяющие полномочия органов публичной власти в данной сфере. Авторы, изучив основной массив нормативных правовых актов стран Содружества на предмет соответствия содержания компетенции, формулируют свое видение нормативного закрепления полномочий высших государственных органов власти, органов государственной власти субъектов и местных исполнительных органов.

Ключевые слова: административно-правовой режим, экстраординарная ситуация, законодательство стран СНГ, сравнительно-правовое исследование, административно-деликтное законодательство

Публикация подготовлена в рамках реализации научного проекта «Экстраординарные правовые режимы деятельности публичной администрации: проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной практики».

**Legislation on extraordinary (special) legal regimes
of the member states of the Commonwealth of Independent States:
comparative legal analysis
(part 2)**

Sergey D. Khazanov, Dmitry M. Lifanov²

Abstract. The article deals with normative legal acts in the field of legislation on extraordinary (special) legal regimes of the member states of the Commonwealth of Independent States. Special attention is paid to the study of the features of the introduction and implementation of legal regimes of military, state of emergency, emergency, counter-terrorism operation and countering

* Начало статьи см.: Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 3.

¹ Для цитирования: Хазанов С. Д., Лифанов Д. М. Законодательство об экстраординарных (специальных) правовых режимах государств-участников Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовой анализ (часть 2) // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 71–75.

² For reference: Khazanov S. D., Lifanov D. M. Legislation on extraordinary (special) legal regimes of the member states of the Commonwealth of Independent States: comparative legal analysis (part 2) // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 71–75.

extremism. On the basis of the comparative legal method, the changes in the legislation on extraordinary (special) legal regimes in connection with the administrative-tort legislation of the Commonwealth countries are analyzed, as a result of which some patterns of the system construction of the relevant regulations are revealed.

Keywords: administrative and legal regime, extraordinary situation, legislation of the Commonwealth of Independent States countries, comparative legal research, administrative and tort legislation

The publication was prepared within the framework of the scientific project "Extraordinary legal regimes of public administration: problems of improving legislation and law enforcement practice".

Введение на каких-то территориях специальных административно-правовых режимов (далее – САПР), в том числе правовых режимов военного, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции и противодействия экстремизму, предполагает необходимость комплексного правового регулирования общественных отношений, которые при этом возникают в процессе деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, граждан, а также предприятий, учреждений и организаций независимо от их организационно-правовой формы. В условиях экстремальных ситуаций органы публичной власти и их должностные лица должны своевременно реагировать на различные угрозы и но-

нормальные механизмы правового регулирования не работают»¹.

Компетенции органов публичной администрации и их должностных лиц имеют определенную специфику, обусловленную различными видами САПР. Так, при введении военного положения связанные с обороной, общественным порядком и государственной безопасностью полномочия местных исполнительных и представительных государственных органов могут осуществлять как президент, органы общей компетенции (правительство, органы государственного управления и местного самоуправления), так и специально уполномоченные органы (военная комендатура, комендант территории, временный орган особого управления, государственная комиссия). При этом применяются силы и средства обороны, органов национальной безопасности, полиции, юстиции, спасательных служб и других уполномоченных государственных органов.

Сравнительно-правовой анализ законодательства стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) на предмет соответствия содержания компетенции позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, определяя правовой статус субъектов, обеспечивающих реализацию САПР, их законодатели использует такие синонимичные или тождественные термины, как «комендатура», «орган особого управления» «военное командование» и ряд других².

Во-вторых, ведущая роль в обеспечении САПР принадлежит главе государства и высшим исполнительным органам власти, в частности правительству (кабинету

Компетенции органов публичной администрации и их должностных лиц имеют определенную специфику, обусловленную различными видами САПР

вые вызовы. Установление особого режима их функционирования, а также правил, требований и запретов для граждан и организаций обуславливает наделение уполномоченных органов, организаций и учреждений, которые привлечены к реализации САПР, неограниченными полномочиями в том случае, когда «общий административно-правовой режим не действует,

¹ См.: Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журн. рос. права. 2016. № 4 (232). С. 75.

² Так, участие в деятельности по обеспечению правового режима военного положения в одних странах принимает военная комендатура (Азербайджанская Республика), в других – уполномоченные государственные органы (Республика Армения), органы исполнительной власти (Республики Казахстан, Таджикистан), а также военное командование (Кыргызская Республика, Туркменистан), граждане, организации, предприятия и учреждения (Республика Узбекистан). В свою очередь, при введении правового режима чрезвычайного положения в одних странах полномочия осуществляют комендант, орган особого управления на территории, где введено чрезвычайное положение (Азербайджанская Республика, Туркменистан), Государственная комиссия по обеспечению режима чрезвычайного положения (Республика Узбекистан), Вооруженные Силы (Республика Беларусь), временная администрация, органы, ведающие вопросами внутренних дел и национальной безопасности, военные комиссариаты (Кыргызская Республика). При этом в Республике Казахстан законодателем использован дифференцированный подход к определению компетенции государственных органов в условиях 1) чрезвычайных ситуаций социального характера (глава 1-1 Закона Республики Казахстан «О чрезвычайном положении»), 2) чрезвычайного положения (глава 2 Закона).

министров), органам государственной власти и др. Вместе с тем законодательство стран СНГ в этой сфере существенно расширило перечень уполномоченных субъектов, включив в него иные государственные органы¹.

В-третьих, проведенный анализ свидетельствует об отсутствии четких формулировок, позволяющих определить, какие субъекты обеспечивают реализацию правового режима контртеррористической операции. В одних государствах такими уполномоченными субъектами являются президент, правительство (кабинет министров), органы местного самоуправления (Кыргызская Республика, Республика Таджикистан), в других – государственные органы, осуществляющие борьбу с терроризмом (Республики Армения, Беларусь, Узбекистан), противодействие терроризму (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Туркменистан²).

Таким образом, в систему субъектов, обеспечивающих реализацию САПР, входят: 1) индивидуальные субъекты – граждане, привлекаемые к выполнению задач в условиях экстраординарной ситуации; 2) организации; 3) органы публичной власти как общей, так и специальной компетенции, а также временно создаваемые органы, основной целью которых является обеспечение безопасности жизни и здоровья людей, устранение опасности, представляющей угрозу территориальной целостности государства.

При несоблюдении законодательных требований в условиях САПР наступает юридическая ответственность разных видов: уголовная, административная, дисциплинарная и материальная. Но данный подход к дифференциации ответственности отражен только в законодательстве о военном положении Азербайджанской

Республики. Однако в отдельных случаях законодатели предусматривают возможность индивидуализации наказания за нарушение требований в рамках САПР³.

Изучение нормативных правовых актов стран СНГ в сфере САПР позволяет резюмировать, что нормы, устанавливающие ответственность за нарушение специальных правовых режимов, выделены в отдельную главу в законодательстве таких государств, как Республика Беларусь, Казахстан, Кыргызская Республика, Туркменистан, Республика Узбекистан. Кроме того, в законодательстве отдельных стран (Азербайджанская Республика, Республика Беларусь, Казахстан, Кыргызская Республика, Туркменистан, Республики Таджикистан, Узбекистан) в рамках отдельных юридических конструкций разграничивается ответственность как физических лиц за участие в террористической деятельности, так и юридических лиц за террористическую деятельность.

С точки зрения административно-деликтного законодательства в странах СНГ введена ответственность за нарушение правопорядка в условиях чрезвычайного или военного положения (Республика Беларусь⁴, Кыргызская Республика⁵, Республика Таджикистан⁶), правового режима в зоне проведения контртеррористической операции (Республика Казахстан⁷), специальной операции против религиозного экстремизма (Азербайджанская Республика⁸). Кроме того, в Республиках Казахстан⁹, Узбекистан¹⁰ установлена ответственность за действия, провоцирующие нарушение правопорядка в условиях чрезвычайного положения.

Особого внимания, как представляется, заслуживает опыт Туркменистана, в котором законодательство об административных правонарушениях

¹ Так, в условиях чрезвычайной ситуации устанавливается компетенция органов государственного управления и местного самоуправления (местных исполнительно-распорядительных органов), предприятий, учреждений, организаций в области защиты населения (Республики Армения, Беларусь, Казахстан), уполномоченного государственного органа в области гражданской защиты (Кыргызская Республика), защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (Республики Таджикистан, Узбекистан), предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также Государственной комиссии по чрезвычайным ситуациям (Туркменистан).

² Следует отметить, что законодатель Туркменистана дифференцирует полномочия государственных органов, непосредственно осуществляющих противодействие терроризму (ст. 7 Закона Туркменистана «О противодействии терроризму»), и других государственных органов, осуществляющих это противодействие (ст. 9 Закона).

³ Так, в ст. 29 Конституционного закона Кыргызской Республики от 24 октября 1998 г. № 135 «О чрезвычайном положении» закреплена норма, позволяющая назначить как основное, так и дополнительное наказание за нарушение режима чрезвычайного положения.

⁴ Статья 24.39 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. При этом Кодекс предусматривает ответственность за нарушение законодательства в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (ст. 24.38).

⁵ Статья 130 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях.

⁶ Статья 471, ст. 471(1) Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях.

⁷ Статья 477 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях.

⁸ Статья 517-1 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках.

⁹ В соответствии со ст. 478 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за действия, провоцирующие нарушение правопорядка в условиях чрезвычайного положения.

¹⁰ Так, в главе XVI Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности закреплены нормы, содержащие санкции за нарушение требований режима чрезвычайного положения (ст. 204), невыполнение требований законодательства о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также о гражданской защите (ст. 204-1), посягательство на общественный порядок в условиях режима чрезвычайного положения.

предусматривает ответственность за нарушение отдельных правил и запретов, налагаемых на граждан и организации в условиях чрезвычайного положения¹, а также ответственность за невыполнение норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Думается, что это обусловлено прежде всего особенностями применения нормотворческой техники в законодательстве Туркменистана о чрезвычайном положении².

Подводя итоги настоящего анализа, можно сделать следующие выводы.

1. В разных странах СНГ формы внешнего закрепления правовых норм о САПР различны: конституционные законы (Кыргызская Республика, Республики Таджикистан, Узбекистан) и законы (Азербайджанская Республика, Республики Армения, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан).

2. Предмет регулирования и основания введения САПР регламентированы отдельными нормативными правовыми актами лишь отчасти. Вместе с тем в каждом из них предусмотрены ограничения, налагаемые на граждан и организации, которые можно представить в следующем виде: 1) ограничение свободы передвижения по территории, на которой введен САПР; 2) ограничения, применяемые в отношении отдельных видов финансово-хозяйственной деятельности; 3) установление особого порядка реализации пищевых продуктов, лекарственных средств, товаров первой необходимости,

оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ, специальных средств; 4) запрещение или ограничение массовых мероприятий, деятельности средств массовой информации.

3. Компетенции органов публичной администрации и их должностных лиц обусловлены спецификой экстраординарного правового режима, который реализуется на соответствующей территории. Наиболее оптимальным подходом к правовому регулированию в этом случае видится выделение и обособленное закрепление полномочий высших государственных органов власти, органов государственной власти субъектов (областей, районов и городов) и местных исполнительных органов (советов) в отдельных разделах и соответствующих главах.

4. Последствия несоблюдения правил и норм в условиях экстраординарных правовых режимов в основном выражены в бланкетном способе их изложения. Ответственность за нарушение САПР носит публичный характер, что предполагает применение мер уголовно-правового, административно-правового и дисциплинарного воздействия, а также материальной ответственности за причиненный вред (ущерб). Субъектами ответственности за нарушение особых правовых режимов выступают физические и юридические лица (организации), а также должностные лица. Следовательно, ответственность носит не только персонифицированный, но и коллективный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989. – 288 с.
2. Гончаров И. В. Защита прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации с использованием мер федерального вмешательства. – М., 2004. – 264 с.
3. Захарова В. А., Сергеев А. В. Опыт применения административно-правовых режимов странами СНГ в целях обеспечения национальной безопасности // Вестн. МФЮА. – 2016. – № 2. – С. 154–163.
4. Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журн. рос. права. – 2016. – № 4 (232). – С. 72–81.
5. Ларин А. М. Чрезвычайные ситуации и деятельность правоохранительных органов // Сб. науч. трудов. – М., 1992. – С. 101–105.
6. Ноздрачев А. Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журн. рос. права. – 2017. – № 2 (242). – С. 98–110.

¹ В частности, в Кодексе Туркменистана об административных правонарушениях установлена ответственность за нарушение общественного порядка (ст. 347), особых правил въезда, выезда и проживания в условиях чрезвычайного положения (ст. 380), правового режима анти-террористической или иной специальной операции (ст. 348), незаконное проведение массовых мероприятий (ст. 65), требований об ограничении движения транспортных средств (ст. 224), торговли спиртными напитками и спиртосодержащими веществами (ст. 316), оружием, сильнодействующими химическими и ядовитыми веществами в условиях чрезвычайного положения (ст. 318).

² Так, положения ст. 8 Закона Туркменистана «О режиме чрезвычайного положения» полностью корреспондируют с содержанием отдельных норм, предусмотренных главами 7, 14, 17, 20, 21 Кодекса Туркменистана об административных правонарушениях, включая необходимые условия и порядок их соблюдения.

7. Петрухин И. Л. Правовой режим в условиях социального бедствия // Государство и право. – 1993. – № 2. – С. 46–50.
8. Пчелинцев С. В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: моногр. – М., 2006. – 480 с.
9. Сергеев А. В., Воробьев Н. Ф. Опыт использования административно-правовых режимов в целях противодействия терроризму в государствах – участниках СНГ // Юрид. наука. – 2017. – № 3. – С. 188–189.
10. Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях (правовые и организационные аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000. – 469 с.
11. Юсуфов А. Основания введения чрезвычайного положения по законодательству Республики Таджикистан // Учен. зап. Худжандского гос. ун-та им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 218–225.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Хазанов Сергей Дмитриевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.d.hazanov@usla.ru. ORCID: 0000-0002-9936-065X.

Лифанов Дмитрий Максимович

аспирант кафедры административного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: d.m.lifanov@usla.ru. ORCID: 0000-0001-7911-0250.

AUTHOR'S DETAILS

Sergey D. Khazanov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: s.d.hazanov@usla.ru. ORCID: 0000-0002-9936-065X.

Dmitriy M. Lifanov

Post-graduate student of the Department of Administrative Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: d.m.lifanov@usla.ru. ORCID: 0000-0001-7911-0250.

Цифровизация в Республике Беларусь: конституционно-правовой аспект

И. В. Шахновская¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления термина «цифровизация»: от технического аспекта до перехода на уровень междисциплинарных исследований. На основе анализа белорусского законодательства и подходов, сложившихся в науке конституционного права, формулируются выводы о появлении новых конституционно-правовых институтов, о расширении предмета конституционно-правового регулирования, об увеличении под воздействием цифровых процессов разрыва между фактической и реальной конституциями. Отдельное внимание уделяется эволюционному развитию конституционного права в нормативном и доктринальном аспекте. Акцентируется внимание на трансформации государственного управления, связанной с возрастанием роли гражданского общества, различных электронных объединений в процессе принятия государственно значимых решений.

Ключевые слова: цифровизация, предмет конституционно-правового регулирования, цифровые права, информационный суверенитет, цифровое государство, электронные объединения, национальная государственность, эволюция конституционного права

Digitalization in the Republic of Belarus: constitutional and legal aspect

Irina V. Shakhnovskaya²

Abstract. This article discusses the formation of the term «digitalization»: from the technical aspect to the transition to the level of interdisciplinary research. Based on the analysis of Belarusian legislation and approaches in the science of constitutional law, conclusions are formulated on the emergence of new constitutional legal institutions, on the expansion of the subject of constitutional legal regulation, on the widening gap between the actual and real constitution under the influence of digital processes. Special attention is paid to the evolutionary development of constitutional law in the normative and doctrinal aspect. The article focuses on the transformation of public administration associated with the increasing role of civil society and various electronic associations in the process of making nationally significant decisions.

Keywords: digitalization; subject of constitutional legal regulation; digital rights; information sovereignty; digital state; electronic associations; national statehood; evolution of constitutional law

Термин «цифровизация» зарождался в 1960–1970-х гг. в ходе компьютерной революции, результатом которой стал переход от аналоговых методов записи и обработки информации к определенным цифровым стандартам.

Первоначально цифровизация рассматривалась лишь в техническом аспекте. По мнению отдельных ученых, на стадии введения в научный оборот

цифровизация относилась к понятийному аппарату инженерии³. Основным отличием исследования цифровых процессов в рамках технических наук является особый предмет – технологическое поле. Кроме того, в рамках таких исследований не рассматриваются вопросы, связанные с воздействием процессов цифровизации на общественные отношения.

¹ Для цитирования: Шахновская И. В. Цифровизация в Республике Беларусь: конституционно-правовой аспект // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 76–80.

² For reference: Shakhnovskaya I. V. Digitalization in the Republic of Belarus: constitutional and legal aspect // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 76–80.

³ Карпова Д. Н., Проскурина А. С. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // Власть. 2020. № 1. С. 97.

Дальнейшее развитие этих исследований, появление междисциплинарных подходов, зарождение идей о возможном взаимном развитии естественных, точных и социогуманитарных наук¹ позволили исследовать процессы цифровизации с различных позиций. В настоящий момент актуальными становятся вопросы цифровизации права, экономики, образования, здравоохранения и др.

Сегодня большинство стран мира активно внедряют информационно-коммуникационные технологии в различные сферы деятельности государства и общества. При этом приоритетные области цифрового развития каждое государство определяет самостоятельно.

В Республике Беларусь цифровизация как процесс является одним из направлений внутренней государственной политики. Анализ положений Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. позволяет сформулировать вывод о направленности внедрения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности: совершенствование национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, дальнейшее внедрение системы оказания государственных услуг в электронном формате, обеспечение доступности образования с помощью ИКТ, здравоохранение, государственное управление и др.²

Термин «цифровизация» пришел на смену понятию «информатизация». По мнению К. Шваба, процессы информатизации несомненно следует считать «третьей промышленной революцией» и относить их к исторически состоявшемуся факту, тогда как цифровизация открывает перспективы «постсовременности»³. Цифровизация – процесс, содержательное значение которого значительно шире, чем у понятия «информатизация».

Цифровизация права представляет собой трансформацию права под воздействием информационных технологий, способных оказывать влияние на его регулятивную функцию. Анализ информационно-правовых систем Республики Беларусь показал, что термин «цифровизация» используется в достаточно большом количестве нормативных правовых актов (Закон Республики Беларусь «О туризме», Указ Президента Республики Беларусь «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования», Указ Президента Республики Беларусь «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности и др.). На основании проведенного анализа

Цифровизация права представляет собой трансформацию права под воздействием информационных технологий, способных оказывать влияние на его регулятивную функцию

выявлены следующие перспективные направления процессов цифровизации в Республике Беларусь:

1) цифровизация как процесс закладывается в качестве цели правового регулирования определенной сферы правовых отношений (туристическая деятельность, цифровизация экономики);

2) введение новых правовых понятий с использованием термина «цифровизация». В частности, под цифровизацией административных процедур понимается максимальное использование информационных технологий в процессе осуществления административных процедур, в том числе путем их перевода в электронную форму;

3) цифровизация нормотворческого процесса. Так, с 1 апреля 2021 г. в Республике Беларусь введена в действие Автоматизированная информационная система (АИС НРПА), посредством которой осуществляется направление правовых актов на визирование, согласование, проведение юридической экспертизы в соответствующие государственные органы;

4) цифровизация определяется как механизм правового решения ряда задач инновационного развития государства (цифровизация процедур государственной экспертизы и перевод их в онлайн-режим).

Полномочиями органа государственного управления в сфере цифрового развития наделено Министерство связи и информатизации Республики Беларусь.

Цифровизация в конституционно-правовом измерении свидетельствует о появлении новых конституционно-правовых институтов. Речь идет о создании и развитии электронного правительства, электронного правосудия, внедрении института электронной демократии и электронного голосования, получают развитие исследования в области цифровых прав и свобод личности. Следовательно, необходимо вести речь о расширении предмета конституционно-правового регулирования за счет включения в него общественных

¹ Социолог Дж. Урри обосновал возможность интеграции естественных и социальных наук (См.: Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press. 2003. 184 p.)

² О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г.

³ Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018.

отношений по цифровизации конституционно-правовой действительности.

Идея о расширении пределов конституционного регулирования не является новой для науки конституционного права. К примеру, В. Е. Чиркин предлагает

Объективно процессы цифровизации способствуют возрастанию динамики развития реальных конституционно-правовых отношений

включить в Конституцию главу «Государство и его организация», которая должна содержать нормы, связанные с цифровизацией, глобализацией, борьбой с терроризмом, теневой инженерией, современными способами пиратства в открытом море (для отдельных государств)¹.

Итогом цифровых процессов выступает также пересмотр устоявшихся и общепризнанных прав человека. Выделяются цифровые права личности, где основополагающее место принадлежит праву на доступ в Интернет, праву на цифровую смерть, праву на сохранение цифрового наследия и др. Такая тенденция приводит к переосмыслению места личности во взаимоотношениях с обществом и государством, особенностей реализации и защиты прав и свобод посредством использования информационных технологий.

По вопросам реализации отдельных конституционных прав и свобод личности в условиях цифровизации Организация Объединенных Наций (далее – ООН) приняла ряд резолюций. В частности, Резолюция Совета ООН по правам человека A/HRC/RES/20/8 Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете подтвердила, что «те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также защищаться и в онлайн-среде, в частности право на свободу выражения мнений, которое осуществляется независимо от государственных границ и любыми средствами по собственному выбору, в соответствии со статьями 19 Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах»². При этом ООН признает Интернет в качестве движущей силы роста прогресса во всех сферах.

Одной из тенденций цифровизации конституционного права является увеличение разрыва между фактической и юридической конституциями независимо от принадлежности государства к той или иной правовой семье. Объективно процессы цифровизации способствуют возрастанию динамики развития реальных конституционно-правовых отношений. В такой ситуации важно учитывать дух закона и обращаться к важнейшим конституционным принципам регулирования общественных отношений. Особое значение в период цифровизации должны приобрести фундаментальные принципы гуманизма, верховенства права, народовластия и др.

Цифровизация, выступая движущей силой развития конституционного права, предполагает его эволюцию, которая происходит по двум направлениям:

- 1) нормативная эволюция конституционного права;
- 2) доктринальная эволюция конституционного права.

Нормативная эволюция конституционного права имеет место в случае проведения конституционных реформ в определенном государстве. Такая эволюция носит национальный характер и ограничена действием конституционных норм отдельного государства. Причины проведения конституционных реформ могут быть различны по своему характеру и целям. Например, это необходимость перераспределения политических сил в государстве, необходимость перераспределения полномочий в рамках действующей и закреплённой системы сдержек и противовесов, установления нового конституционного правопорядка после возникшего ранее юридического конфликта в системе государственных органов и др. При этом причины таких реформ для целей настоящей статьи не имеют значения. Нам важно акцентировать внимание на отражении цифровизации в праве на уровне Основного закона государства, внедрить элементы цифровизации в действующие конституционно-правовые нормы. Отметим, что последняя конституционная реформа в Республике Беларусь в 2022 г. закрепила обязанность государства в области создания условий по защите персональных данных личности.

Доктринальная эволюция конституционного права характеризуется развитием не свойственных устоявшейся теории конституционного права научных идей, связанных с новым подходом к пониманию конституционно-правовых институтов. На данном направлении ведущее место занимают такие ученые, как Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева, Г. А. Василевич, Т. А. Полякова,

¹ Чиркин В. Е. Конституция России 1993 года в проекции будущего // Либеральная конституция России 1993 года: проблема смены: материалы науч.-эксперт. сессии. М., 2014. С. 63.

² Резолюция Совета ООН по правам человека от 5 июля 2018 г. // URL: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2005/03/Rezolyutsii-OON.pdf> (дата обращения: 18.10.2023).

С. В. Липень и др.¹ К примеру, С. В. Липень затрагивает не известные ранее юридической доктрине вопросы о соотношении виртуального и реального в праве, о различии цифрового, виртуального и сетевого государства². Таким образом, не свойственные ранее конституционно-правовой науке предметы исследований становятся «обыденными» при формулировании современных научных подходов.

Интересной теории придерживается В. И. Крусс, акцентируя внимание на появлении конституционной футурологии права, задача которой заключается в исследовании конституционно-правовых институтов, помеченных «геном будущего»³. Тем самым он отмечает повышение значимости прогностической функции классической науки конституционного права в условиях цифровизации.

Отдельные ученые придерживаются идеи о необходимости пересмотра преамбулы Конституции как вводной части Основного закона любого государства⁴. Классическая преамбула должна приобретать характер «будущего» и определять приоритеты государства в условиях происходящих цифровых процессов. Преамбула нашей Конституции в полной мере отражает важнейшие конституционные ценности Белорусского государства (национальная самобытность, суверенитет, гражданское согласие, социальная справедливость и др.), однако не закрепляет для государства цифровые приоритеты.

Особую значимость для конституционного регулирования и обеспечения интересов национальной безопасности приобретает категория «информационный суверенитет». Под информационным суверенитетом цифрового государства следует понимать независимость, полноту и верховенство государственной власти в информационной сфере⁵. В Проекте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь появляется новое для белорусской действительности понятие «электронный суверенитет», который означает неотъемлемое и исключительное право государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы,

референдумы в целях обеспечения реализации полномочия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства, недопущения вмешательства в избирательный процесс⁶. Одной из угроз обеспечения электронного суверенитета безусловно является информационное пространство. В связи с этим проведение внутренней охранительной политики государства должно быть в первую очередь ориентировано на цифровую среду.

Цифровизация права в конституционном измерении в определенной степени «вмешивается» и в конституционные духовные ценности народа. Зарубежной практике известны такие случаи. Например, в Китайской Народной Республике в последние годы на смену устоявшейся духовной традиции китайского народа, связанной с «классическим захоронением» праха своих предков, пришли «цифровые захоронения», по-другому именуемые «цифровые кладбища». Сущность таких «кладбищ» состоит в выделении специальных «цифровых участков», где расположены отсеки с прахом, сопровождаемые фотографиями и видеоматериалами из жизни умершего.

Как видится, в условиях цифровых процессов на повестке дня должна стоять значимость обеспечения конституционных принципов и духа и буквы Основного закона государства. Несмотря на неизбежность конституционализации цифровых процессов, для Белорусского государства и общества важными остаются принципы приоритета прав и свобод человека как высшей ценности, верховенства права, демократизма, запрета дискриминации и др.

В условиях цифровизации не должны остаться без внимания вопросы сохранения национальной государственности и самобытности народов. Появление нового для конституционного права термина «цифровое государство» неизбежно повлечет за собой изменение основ конституционного строя. Цифровое государство означает новый вектор в развитии государства, который с учетом новой информационной реальности требует

¹ Изучение этой тематики входит в сферу научных интересов и автора этих строк. Например, ранее нами был сформулирован подход к определению цифрового государства и его признаков (См.: Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. Д. Экономические и юридические науки. 2022. № 6. С. 134).

² Липень С. В. Аспекты виртуализации политической жизни и виртуальное государство в современных юридических исследованиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 31.

³ Крусс В. И. Конституционная футурология и наука права. Файл «криптовалюта» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 126.

⁴ В качестве новых конституционных ценностей в преамбуле должны быть закреплены «цифровое равенство», «повышенная ответственность государства в условиях цифровизации» и др. (Хабриева Т. Я. Конституция Российской Федерации в фокусе современной конституционно-правовой доктрины (к 25-летию Основного закона России) // Журн. рос. права. 2018. № 12. С. 6).

⁵ См. подробнее: Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства. С. 134.

⁶ О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 6 марта 2023 г. № 1 // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001> (дата обращения: 19.10.2023).

правового закрепления. Характеристику «цифровое государство» следует закрепить в конституциях наряду с характеристиками правового, социального и демократического государства.

Одним из признаков национальной государственности являются ее территориальные границы. В связи с развитием цифровых процессов и «стирания» таких границ государство сталкивается с определенными сложностями в сфере контроля за отдельными экономическими процессами, в области защиты прав цифровой личности в Интернете и др.

Трансформации подвергается также сфера государственного управления. Использование информационных технологий значительно упрощает вовлечение гражданского общества в процесс управления делами общества и государства, в том числе в процесс принятия конституционно значимых решений. Значимую

роль в современных условиях приобретают такие «новые» субъекты конституционно-правовых отношений, как электронные объединения. Подобные коллективные субъекты обычно создаются с целью решения разовых вопросов, на временный срок и выступают как наиболее быстрый, эффективный и доступный способ участия граждан в управлении делами общества и государства. К примеру, в Исландии в сети Facebook созданный специальный совет подготовил проект конституции с учетом более 300 предложений и комментариев, полученных через Интернет.

Таким образом, происходящие в обществе и государстве процессы цифровизации приводят к трансформации конституционно-правовой действительности. На смену устоявшимся конституционно-правовым институтам приходят новые, требующие должного научного осмысления и правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпова Д. Н., Проскурина А. С. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // Власть. – 2020. – № 1. – С. 97–105.
2. Красс В. И. Конституционная футурология и наука права. Файл «криптовалюта» // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10. – С. 126–142. – DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.126-142
3. Липень С. В. Аспекты виртуализации политической жизни и виртуальное государство в современных юридических исследованиях // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 1. – С. 31–40. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.031-040
4. Хабриева Т. Я. Конституция Российской Федерации в фокусе современной конституционно-правовой доктрины (к 25-летию Основного закона России) // Журн. рос. права. – 2018. – № 12. – С. 5–17. – DOI: 10.12737/art_2018_12_1
5. Чиркин В. Е. Конституция России 1993 года в проекции будущего // Либеральная конституция России 1993 года: проблема смены: материалы науч.-эксперт. сессии. – М., 2014. – С. 63–70.
6. Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. Д. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 6. – С. 134–137. – DOI: 10.52928/2070-1632-2022-61-6-134-137
7. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. – М., 2018. – 317 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шахновская Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и уголовного права Полоцкого государственного университета им. Евфросинии Полоцкой (Республика Беларусь, Новополоцк). E-mail: i.shakhnovskaya@psu.by, ORCID: 0000-0002-8828-1091.

AUTHOR'S DETAILS

Irina V. Shakhnovskaya

Phd in law, Head of the Department of Constitutional and Criminal Law of Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk (Republic of Belarus, Novopolotsk). E-mail: i.shakhnovskaya@psu.by, ORCID: 0000-0002-8828-1091.

УДК 342

Государство как важнейшая ценность идеологии России

А. В. Гайда, В. Р. Дубичев¹

Аннотация. В статье рассматривается система организации власти Российской Федерации в связи с необходимостью усиления роли и места Российского государства в борьбе с глобальным, цивилизационным и национальным вызовами.

Ключевые слова: государство, идеология России, публичная власть, гражданское общество, органы местного самоуправления

The state as the most important value of the ideology of Russia

Anatoly V. Gaida, Vadim R. Dubichev²

Abstract: This article considers the system of organization of power of the Russian Federation in connection with the need to strengthen the role and place of the Russian state in the fight against global, civilizational and national challenges.

Keywords: state; ideology of Russia; public power; civil society; local government

Основная идея статьи – раскрыть функции государства в идеологии России при определении целей и механизмов противостояния глобальной, цивилизационной и национальной угроз.

Одной из задач государственной идеологии выступает формирование развитого, высококультурного, высокообразованного гражданина Российской Федерации и в целом русского мира. Государственная идеология порождает систему убеждений человека русского мира, мотивирующую на достижение Россией лидирующих позиций в новом трансформируемом мире, сохранение и развитие российской нации. Описывает идеальную систему общественных отношений. Но прежде всего она фиксирует роль и значение Российского государства. Этот важнейший аспект государственной идеологии основывается на признании за Российским государством функции защиты, сохранения и развития русской цивилизации. Чем оно сильнее, тем выше шансы успешно противостоять угрозам и вызовам.

Позиция эта разделяется Президентом Российской Федерации В. В. Путиным. На заседании Клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. Президент заявил:

«Пандемия коронавируса наглядно продемонстрировала, что структурообразующей единицей мирового устройства является только государство... Только суверенные государства способны эффективно отвечать на вызовы времени и запросы граждан»³.

Государство мы понимаем как единую систему публичной власти – совокупность всех органов государственного и муниципального управления, осуществляющих политическое, экономическое, социальное управление территорией России, обеспечивающих безопасность граждан страны.

Согласно Конституции Российской Федерации государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Она формируется из федеральных и региональных органов государственной власти.

¹ Для цитирования: Гайда А. В., Дубичев В. Р. Государство как важнейшая ценность идеологии России // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 81–85.

² For reference: Gaida A. V., Dubichev V. R. The state as the most important value of the ideology of Russia // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 81–85.

³ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>.

Конструкция современного Российского государства, вопреки декларируемым с начала «эпохи перестройки и гласности» либеральным лозунгам о развитии демократических форм устройства государства, несмотря на существующую систему сдержек и противовесов, последовательно формируется в виде президентской республики с доминантой исполнительных органов власти над законодательными. Родовые черты тысячелетнего Российского государства, обусловленные историей и особенностями русской цивилизации, особенностями географии и природы, традициями и верованиями представителей русского мира, преодолевают

Конституционное обособление Центрального банка России от деятельности государственных органов власти является реликтом, архаическим проявлением либеральной идеологии, зафиксированной в Конституции России

политическую волю либеральных лидеров Российской Федерации, пришедших к власти в 1990-е гг.

Усиление государства в жизни русского мира отражают следующие процессы:

- активизация роли органов власти всех ветвей и уровней в управлении социально-экономическими процессами;
- распределение полномочий в пользу федеральных органов государственной власти;
- углубление справедливого характера государства в виде борьбы с коррупцией и расширение социальной функции государственной политики;
- формирование основ государственной идеологии консервативного характера.

Либеральная концепция о невмешательстве государства в экономические процессы вытесняется прагматическим пониманием необходимости усиления в современных условиях роли государства прежде всего в сфере планирования. Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Совета Безопасности, состоявшемся 27 сентября 2021 г., заявил: «Нам нужна сбалансированная, единая и целостная система стратегического планирования, чтобы создавать современные, выверенные, нацеленные на конкретный результат планы и программы, которые будут настраивать все органы

власти, гражданское общество в целом, деловые круги работать в единой логике и вместе добиваться достижения приоритетных целей ради успешного, благополучного будущего России»¹.

В данном заявлении принципиально верным является видение совокупности власти, гражданского общества и бизнеса России как единой системы управления, перед которой ставятся цели развития и формулируются механизмы их достижения.

Определенным образом противоречит с данным видением перспектив планового развития экономики России, выступает как очевидное проявление либеральной идеологии особая роль Центрального банка России. В ст. 75 Конституции Российской Федерации установлен особый конституционно-правовой статус Центрального банка России, который обладает исключительным правом на осуществление денежной эмиссии, не являясь при этом органом государственной власти. Более того, Основной закон в той же ст. 75 определяет главную функцию Центрального банка Российской Федерации – защита и обеспечение устойчивости рубля, которую «он осуществляет независимо от других органов государственной власти».

Означает ли это, что Центральный банк России освобождается от решения основной задачи Российского государства, зафиксированной ст. 7 Конституции России, согласно которой Российское государство – социальное государство, политика которого направлена «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»? И как особое положение Центрального банка России согласуется со ст. 114 Конституции Российской Федерации, которая обязывает Правительство Российской Федерации обеспечивать проведение в Российской Федерации «единой финансовой, кредитной и денежной политики»?

Развитие России во всей широте понимания этого сложного процесса, включающего экономические, социальные, научные, культурные, спортивные и иные направления деятельности, большая часть которых оформлена в виде национальных проектов, реализуется с активным участием государственных органов власти, которые планируют, заказывают и инвестируют средства. Конституционное обособление Центрального банка России от этой деятельности является реликтом, архаическим проявлением либеральной идеологии, зафиксированной в Конституции России.

В сфере распределения полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления логика

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66777>.

реализации консервативной государственной идеологии России предопределяет усиление государства, что невозможно без пересмотра баланса ветвей власти в сторону увеличения полномочий федеральных и региональных органов власти.

Между тем включение в Конституцию Российской Федерации положения о «единой системе публичной власти», денонсация ряда международных договоров, в том числе Европейской хартии местного самоуправления, появление в РФ новых регионов с особенностями местной самоорганизации граждан позволяют объективно оценить тезис о целесообразности существования в России двух самостоятельных видов публичной власти – государственной и местного самоуправления (МСУ).

В Конституции Российской Федерации указано: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». При этом в ст. 132 (гл. 8 «Местное самоуправление») закреплено: «3. Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Практика работы МСУ строится на тесном взаимодействии органов МСУ с органами государственной власти субъектов РФ, прежде всего на основе межбюджетной деятельности. Более того, в целом социально-экономическое развитие, решение политических задач, кадровая политика на территориях муниципальных образований находятся под постоянным и жестким контролем исполнительных органов государственной власти (ИОГВ). При этом некоторая концептуальная противоречивость нормативно-правовой базы и способы организации МСУ через выборные процессы являются источниками попыток отстоять экономическую и политическую самостоятельность органов МСУ, что приводит в ряде территорий к проявлениям феномена «муниципального сепаратизма».

Проблемы вызывает и то, как в ходе «муниципальной реформы» было определено понятие местного самоуправления. Местное самоуправление верно обозначено как способ самоорганизации граждан для решения небольшого круга местных вопросов. Но в классическом, историческом определении МСУ местное сообщество трактуется как компактная группа с устойчивыми социальными связями. Авторы либеральной

«муниципальной реформы» несправедливо распространили понятие местной общины на крупные и средние городские поселения, создав базу для появления политического и экономического феномена «государства в государстве», что с 1990-х гг., погрузило систему управления Россией в непрекращающиеся конфликты между государственным и муниципальным уровнями управления.

Распределение полномочий в Конституции Российской Федерации носит характер идеологического противоречия принципу сильного, единого государства. Так, ст. 5 справедливо декларирует: «3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации».

Между тем в ст. 130 указано: «1. Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью».

Возможность исполнения органами местного самоуправления отдельных переданных им государственных полномочий лишь подчеркивает сложность реализации государственных полномочий, порождает феномен постоянного недофинансирования местных бюджетов, что прямо отражается на отношении населения к системе власти Российской Федерации.

Для изменения сложившейся ситуации либо полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения должны быть уменьшены, либо исполнительная власть МСУ должна быть встроена в систему исполнительных органов власти Российской Федерации, что послужит последовательной реализации принципа «системы единой публичной власти». Тем самым возможно внесение изменений в ст. 77 Конституции Российской Федерации, которая на данный момент определяет, что «в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации».

В рамках государственной идеологии устройства России правомерно поставить вопрос о пересмотре всей ее нормативно-правовой базы, начиная с Основного

закона, в целях формирования действительно единой системы публичной власти.

К основам государственной идеологии России относится установление справедливых отношений между людьми как идеал социальной гармонии, ликвидации неравенства, усиления справедливого характера социального государства. Поэтому правомерно заявить, что

В рамках государственной идеологии устройства России правомерно поставить вопрос о пересмотре всей ее нормативно-правовой базы, начиная с Основного закона, в целях формирования действительно единой системы публичной власти

разрешение вопросов собственности, государственной собственности, в целом вещного права является важным элементом консервативной государственной идеологии в установлении справедливых общественных отношений.

В ст. 8 Конституции Российской Федерации определяется следующая структура собственности:

«2. В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». В то же время в отношении земли и природных ресурсов Конституция не столь категорична. В ст. 9 определено, что «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

Такие «несстыковки» и другие факторы привели к тому, что в 1990-е гг. в стране в радикально либеральных формах была проведена приватизация государственно образующих отраслей экономики, земли и природных ресурсов.

Статья 71 Конституции относит к ведению Российской Федерации «федеральную собственность и управление ею». Это справедливое утверждение требует расшифровки и обеспечения в виде расширения круга объектов государственной собственности. Исключительные условия, в которых находится наша страна и русский мир, требуют исключительных федеральных полномочий и исключительной собственности в их обеспечение.

Закономерным в контексте государственной идеологии является установление принципа закрепления собственности и вопросов природопользования в соответствии с государственными функциями «единой

системы публичной власти». Сильное государство, не разделенное на два публичных уровня власти, должно обеспечить реализацию стратегий национального развития и государственной идеологии, правомерно претендует на расширение управления природными ресурсами и собственностью в виде национально образующих экономических систем: в науке, в энергетической сфере, недропользовании, сложном машиностроении и других. Равно как в тех сферах, где присутствие государства обеспечено существующей нормативно-правовой базой: в сферах образования, культуры, спорта, социальной политики и безопасности. Управление собственностью возможно передавать в местное или частное ведение, но при сохранении государственного характера собственности в случаях, когда эта собственность обеспечивает функции государственного управления, реализацию государственных полномочий.

Для поддержки этой позиции, процитируем еще одно заявление Президента Российской Федерации В. В. Путина в уже упомянутом выступлении на заседании Клуба «Валдай»: «Все говорят о том, что существующая модель капитализма – а это сегодня основа общественного устройства в подавляющем большинстве стран – исчерпала себя, в ее рамках нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий. Повсеместно, даже в самых богатых странах и регионах, неравномерное распределение материальных благ ведет к усугубляющемуся неравенству, прежде всего неравенству возможностей – и внутри обществ, и на международном уровне».

Это заявление в полной мере относится и к России. Эксперты пока не дали научно обоснованное определение экономической модели России, чаще всего звучат публицистические определения в марксистском духе: государственный капитализм, олигархический капитализм, частно-государственный капитализм. Но эксперты едины в описании тенденции: налицо процесс, когда капитализма все меньше, а государства все больше. Справедливо утверждение, что частный капитал не будет заниматься решением социальных проблем, вопросов безопасности, убыточными или малоприбыльными отраслями, в деятельности которых, однако, заинтересованы и граждане государства, и само государство. Это вынуждает государство брать на себя больше полномочий, собственности, в конечном счете политической власти, в ущерб либеральным мифам о том, что справедливое и благополучное общество построят рыночная экономика и политически свободные граждане. И это, как верно отметил Президент России, глобальная тенденция.

Отметим, что основные положения либеральной государственной политики отражены в «нередатируе-

мых» главах 1 и 2 Конституции Российской Федерации. Поэтому реализация консервативной государственной политики возможна только в случае принятия новой Конституции Российской Федерации.

Неизбежный характер будущей государственной идеологии России как идеологии консервативной отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин в выступлении на уже упомянутом заседании Клуба

«Валдай»: «Сейчас, когда мир переживает структурный слом, значение разумного консерватизма как основы политического курса многократно возросло именно в силу множатся рисков и опасностей, хрупкости окружающей нас реальности. Наш консерватизм – это консерватизм оптимистов, это самое главное. Мы верим, что стабильное, успешное развитие возможно. Все в первую очередь зависит от наших собственных усилий».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гайда Анатолий Войцехович

доктор философских наук, профессор, советник Губернатора Свердловской области (Россия, Екатеринбург). E-mail: avgayda@mail.ru, ORCID 0009-0006-5087-7064.

Дубичев Вадим Рудольфович

первый заместитель руководителя аппарата Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области, директор департамента по местному самоуправлению Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области (Россия, Екатеринбург). E-mail: vrdubichev2018@gmail.com, ORCID 0009-0000-5881-0290.

AUTHOR'S DETAILS

Anatoly V. Gaida

Doctor of Philosophy, Professor, Advisor to the Governor of the Sverdlovsk region (Russia, Yekaterinburg). E-mail: avgayda@mail.ru, ORCID 0009-0006-5087-7064.

Vadim R. Dubichev

First Deputy Chief of Staff of the Governor of the Sverdlovsk Region and the Government of the Sverdlovsk Region, Director of the Department of Local Self-Government of the Governor of the Sverdlovsk Region and the Government of the Sverdlovsk Region (Russia, Yekaterinburg). E-mail: vrdubichev2018@gmail.com, ORCID 0009-0000-5881-0290.

«ЭКСПЕРИМЕНТ» О. А. КРАСАВЧИКОВА

М. Р. Миндибаева, А. О. Питиримова¹

Аннотация. В статье анализируется влияние трудов Октября Алексеевича Красавчикова на современную юридическую науку и практику правоприменения. В частности, рассматривается, как ученый решал проблему эксперимента в праве. С современных позиций раскрывается значение экспериментирования для науки в целом и правоприменительной практики. Выделяются проблемные аспекты понимания эксперимента в различных областях науки. Поднимается вопрос о возможности применения эксперимента в правовой сфере. Авторы приходят к выводу, что реализация такой возможности будет успешной при соблюдении «сложной процедуры».

Ключевые слова: О. А. Красавчиков, эксперимент, экспериментирование, экспериментальный правовой режим

“EXPERIMENT” BY O. A. KRASAVCHIKOV

Margarita R. Mindibaeva, Anna O. Pitirimova²

Abstract. This article analyzes the influence of the scientific works of October Alekseevich Krasavchikov on modern science and enforcement practice. In particular, such a concept as an experiment is considered. The importance of experimentation for science in general, as well as law enforcement practice, is revealed. The problematic aspects of understanding the experiment in various fields of science are highlighted. As a result, the question of the possibility of applying the experiment in the legal sphere is raised. The authors conclude that the application of the experiment in law enforcement practice will be successful if the “complex procedure” is followed.

Keywords: O. A. Krasavchikov; experiment; experimentation; experimental legal regime

Обращаясь к трудам великих ученых, невольно преклоняешься перед тем, насколько они были увлечены наукой, подчинены ей полностью и безгранично. Не случайно и по прошествии очень многих лет их научные достижения остаются востребованными.

Одним из таких, поистине великих, ученых является Октябрь Алексеевич Красавчиков, труды которого играют значительную роль в совершенствовании цивилистической науки, да и правовой науки в целом, а также правоприменительной практики. Изучая научное наследие О. А. Красавчикова, нельзя не заметить того, что в них описывается вся система гражданского права – от его предмета до творческой подотрасли. Ценность его работ в первую очередь, обусловлена основательностью

подхода к решению той или иной проблемы³. Точно проработанный материал Октября Алексеевича полезен и сегодня, поэтому его называют не просто классиком, а классиком-современником⁴.

Однако результаты научных исследований не всегда сразу получают признание и практическое применение, причем обычно из-за того, что просто не пришло время для осознания их значимости.

Так, в работе «Советская наука гражданского права» Октябрь Алексеевич рассматривает такое понятие, как «эксперимент»⁵. Под ним понимается научно поставленный опыт, в ходе которого осуществляется наблюдение за предметом исследования. При анализе данной тематики возникает вопрос о возможности применения

¹ Для цитирования: Миндибаева М. Р., Питиримова А. О. «Эксперимент» О. А. Красавчикова // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 86–88.

² For reference: Mindibaeva M. R., Pitirimova A. O. “Experiment” by O. A. Krasavchikov // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 86–88.

³ Гонгало Б. М. Метод профессора О. А. Красавчикова // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер. История и право. 2022. Т. 12. № 5. С. 15.

⁴ Братусь Д. В. Вклад Октября Алексеевича Красавчикова в развитие науки гражданского права // URL: <https://www.civillawuslu.com/книжные-ревью/вклад-октября-алексеевича-красавчикова-в-развитие-науки-гражданского-права> (дата обращения: 05.04.2023).

⁵ Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 324–332.

эксперимента в правовой сфере. Октябрь Алексеевич не сразу соглашается с этой идеей, потому что в юридической литературе молчаливо разделялось мнение, что эксперимент не может быть взят на «вооружение», так как субъекты правоотношения – «не фигуры на шахматной доске»¹. Но мысль эту он не оставляет, предпочитая досконально выяснить, наконец, пригоден ли эксперимент «в познании правовых явлений».

Для решения данной проблемы О. А. Красавчиков разграничивает два вида эксперимента: социально-правовой и естественный. В понимании ученого, первый отличается от второго тем, что для проведения социально-правового эксперимента необходимы не только представители науки, но и компетентные органы, которые обладают властными полномочиями. Исходя из этого, следует исключить естественно-научный эксперимент из приемов познавательной деятельности науки. При таком условии допускается проверка по отношению к нормативным установлениям государства, в частности делается вывод о необходимости проведения эксперимента по проверке гражданско-правовых норм и институтов.

Однако такое социально-правовое «экспериментирование» должно выполняться с соблюдением «сложной процедуры»: оно должно иметь научные (доктринальные) предпосылки и властную (полномочную) основу. И возражений по поводу «сложности» данной процедуры О. А. Красавчиков не принимает, ведь речь идет не об экспериментировании по всякому поводу и без повода, а о выработке «вполне адекватных норм гражданского права», что есть «дело трудное».

Рассмотрим подробнее «эксперимент» О. А. Красавчикова.

Под научными предпосылками он понимает теоретическую разработку правовых норм (институтов), подлежащих изучению в практике их применения.

Теоретическая разработка правовых норм состоит из пяти последовательных шагов. Первым шагом является постановка проблемы, которая формируется на анализе существующих общественных отношений. Второй шаг – предварительный анализ сформировавшихся точек зрения в отношении обозначенной проблемы. Третьим шагом выдвигается гипотеза, на основе которой разрабатывается проект нормативного акта. Четвертый шаг – формулирование теоретических предположений о возможных результатах применения предлагаемого к изданию нормативного акта. Завершающий, пятый, шаг – внесение проекта на рассмотрение компетентного органа. При положительном результате рассмотрения

проекта компетентный орган вводит в действие принятый им акт на определенный промежуток времени, определяя одновременно с этим территориальные границы действия данного акта².

Под властной основой ученый понимал компетентность государственного органа на издание нормативного акта.

«Экспериментирование» позволяет выявить возможность и обоснованность применения принятого компетентным органом акта в существующих общественных отношениях, а также определить недочеты, которые необходимо устранить в акте в целях его совершенствования

«Экспериментирование» позволяет выявить возможность и обоснованность применения принятого компетентным органом акта в существующих общественных отношениях, а также определить недочеты, которые необходимо устранить в акте в целях его совершенствования.

«Эксперимент» О. А. Красавчикова полностью оправдывает себя и до сих пор не утрачивает своей актуальности. Более того, в современных условиях развития цифровой экономики он проявляет себя особо.

В 2021 г. в силу вступил Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», основной идеей которого является создание правовых условий для ускоренного появления и внедрения новых продуктов и услуг в сферах применения цифровых инноваций. Экспериментальный правовой режим позволит оценить возможность исполнения нормативного правового акта, его качество.

Закон определяет восемь основных направлений, относительно которых можно будет устанавливать экспериментальный правовой режим. Это медицина, транспорт, сельское хозяйство, финансовый рынок, продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом, строительство, предоставление государственных и муниципальных услуг и промышленное производство.

Таким образом, идеи О. А. Красавчикова успешно реализуются в настоящее время. Предложенный им

¹ Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. С. 325.

² Там же. С. 328–331.

способ изучения реальной действительности становится все более эффективным. Способность генерировать информацию, рациональность и согласованность делают экспериментальные нормативные установления очень ценным инструментом, за что спасибо мы должны сказать Октябрю Алексеевичу. Вот только было бы

неплохо, чтобы каждый, кто на любом уровне и в любом процессе занимается правовым экспериментированием, в первую очередь внимательно изучил данный труд ученого. Думается, что в этом случае качество такого эксперимента было бы достойно «эксперимента» О. А. Красавчикова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь Д. В. Вклад Октября Алексеевича Красавчикова в развитие науки гражданского права // URL: <https://www.civillawuslu.com/книжные-ревью/вклад-октября-алексеевича-красавчикова-в-развитие-науки-гражданского-права> (дата обращения: 05.04.2023).
2. Гонгало Б. М. Метод профессора О. А. Красавчикова // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер. История и право. – 2022. – Т. 12. – № 5. – С. 10–27.
3. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. – М., 2005. – Т. 1. – 492 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Миндибаева Маргарита Равиелевна

студент 5-го курса Института юстиции Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: mindibaeva0101@mail.ru, ORCID: 0009-0009-9529-3806.

Питиримова Анна Олеговна

студент 5-го курса Института юстиции Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: a.o.pitirimova@mail.ru, ORCID: 0009-0000-8835-1152.

AUTHOR'S DETAILS

Margarita R. Mindibaeva

5th year student of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: mindibaeva0101@mail.ru, ORCID: 0009-0009-9529-3806.

Anna O. Pitirimova

5th year student of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: a.o.pitirimova@mail.ru, ORCID: 0009-0000-8835-1152.

УДК 346.21, 347

LegalTech в России: текущее состояние и перспективы развития

С. А. Эбергарт¹

Аннотация. Развитие цифровых технологий вызывает повышенный интерес к автоматизации и оптимизации процессов в различных сферах, в том числе юридической. Сложность юридических процедур, растущие объемы информации и высокие требования к скорости реагирования обуславливают поиск новых эффективных решений, которые помогут справиться с современными вызовами. В этом контексте LegalTech становится необходимостью для юридического сообщества. Цель статьи – анализ текущего состояния рынка юридических технологий и возможностей, которые эта область предоставляет. Оценивается степень развития данного рынка в России, определяются преимущества автоматизации и оптимизации, обозначаются факторы, замедляющие развитие рынка LegalTech. Подробно рассматриваются технологические решения, уже применяемые в юридической сфере, и обозначаются ключевые тренды, которые наблюдаются в данной области. По мнению автора, работа должна представлять интерес как для юристов, являющихся потенциальными пользователями юридических технологий, так и для организаций, занимающихся разработкой технологических решений и их внедрением в юридическую сферу.

Ключевые слова: LegalTech, автоматизация и оптимизация юридических процессов, технологии, искусственный интеллект

Работа выполнена при поддержке Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева в рамках реализации научного проекта «Концепция машиночитаемого права в сфере правового регулирования экономики и бизнеса: перспективы и риски».

LEGALTECH IN RUSSIA: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Semyon A. Ebergardt²

Abstract. The development of digital technologies has led to an increased interest in automating and optimising processes in various areas, including legal. The complexity of legal procedures, growing volumes of information and high demands for speed of response push us to search for new effective solutions that will help us cope with modern challenges. In this context, LegalTech is becoming a necessity for the legal community. We aim to provide a comprehensive analysis of the current state of the legal technology market and explore the prospects this field presents for further development and improvement. The author names the world's LegalTech leaders and assesses the degree of development of this market in Russia. The author identifies the advantages of automation and optimisation, and outlines the factors slowing down the development of the LegalTech market. The paper discusses in detail the existing technological solutions already used in the legal sphere and identifies the key trends in this area. In the author's opinion, the paper should be of interest both to lawyers who are potential users of legal technology and to organisations involved in the development and implementation of technological solutions in the legal sphere.

Keywords: LegalTech; automation and optimisation of legal processes; technology; artificial intelligence

The work was supported by the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev within the framework of the research project "The concept of machine-readable law in the sphere of legal regulation of economy and business: prospects and risks".

¹ Для цитирования: Эбергарт С. А. LegalTech в России: текущее состояние и перспективы развития // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 89–93.

² For reference: Ebergardt S. A. LegalTech in Russia: current state and prospects for development // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 89–93.

В современном информационном обществе, в котором технологии играют все более значимую роль в различных сферах деятельности, автоматизация и оптимизация (с использованием технологий) юридических процессов становятся неотъемлемой составляющей эффективного функционирования правовой системы. Сложность юридических процедур, растущие объемы информации и высокие требования к скорости реагирования подталкивают нас к поиску новых эффективных решений, которые помогут справиться с современными вызовами. Одно из таких решений – LegalTech.

LegalTech – это технологии, служащие не столько для упрощения профессиональной юридической деятельности, сколько для упрощения всей юридической сферы

В доктрине не сложилось единого подхода к пониманию термина «LegalTech». А. А. Джикия, М. Д. Джикия, А. В. Шкаленко предлагают исходить при этом из буквального смысла термина «legal technology»: «под LegalTech понимаются специализированные информационно-технические средства: платформы, программы, продукты и инструменты, которые направлены на оптимизацию и упрощение процессов профессиональной юридической деятельности»¹. Авторский коллектив под руководством М. А. Рожковой придерживается схожей позиции и определяет LegalTech как «сервисы на базе информационных систем, разнообразные платформы (B2B), программы, продукты и инструменты, специально разработанные для упрощения и оптимизации процессов, составляющих профессиональную деятельность юристов»².

Между тем другие исследователи понимают LegalTech как технологии, служащие не столько для упрощения профессиональной юридической деятельности, сколько для упрощения всей юридической сферы.

В данном случае субъектами использования юридических технологий будут не только юристы, но и граждане, организации и государственные органы. Например, М. Е. Косов определяет LegalTech как «концепцию использования технологии для решения правовых проблем»³. И. В. Понкин хотя и не формулирует понятие «LegalTech», но дает характеристику его составным элементам, в том числе машиночитаемому праву, отмечая, что машиночитаемое право выражено в возможности прочтения и понимания законов машинами⁴. Очевидно, что он рассматривает LegalTech не только как базу инструментов для упрощения профессиональной деятельности юристов, но и как что-то куда более широкое.

Считая более правильной вторую позицию, в целях настоящей статьи предлагаем придерживаться следующего определения: LegalTech – это передовые информационные технологии, применяемые для оптимизации и автоматизации юридической сферы.

Мировой рынок LegalTech с каждым годом растет: в 2021 г. он оценивался в 18,4 млрд \$, в 2022 г. он составил около 20 млрд \$, а к 2025 г., как ожидается, он достигнет 25,17 млрд \$⁵. Количество LegalTech-стартапов в мире на 2021 г., по данным Агентства инноваций Москвы, составляет порядка 4 тысяч⁶. Однозначным лидером в этой сфере являются США. Так, на 2021 г. объем рынка LegalTech в США оценивался в 16 млрд \$⁷. Далее следуют Великобритания и Китай. В этих странах рынки юридических услуг наиболее развиты.

Россия по уровню развития LegalTech сильно отстает от мировых лидеров. По информации некоторых источников, в 2020 г. объем этого рынка в России составлял порядка 2 млрд \$⁸. А. М. Вашкевич, управляющий партнер юридической технологической компании «Симплоер», отмечает, что на каждый российский проект приходится 15–20 проектов в США или 7–10 проектов в Великобритании (на 2018 г.). Но стоит учитывать, что и объем юридического рынка в этих странах намного больше⁹.

Агентство инноваций Москвы отмечает низкий уровень проникновения технологий в юридическую

¹ Джикия М. Д., Шкаленко А. В., Джикия А. А. Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности // Вестн. Московского ун-та МВД России. 2021. № 6. С. 114–119.

² Рожкова М. А. и др. Legaltech, Fintech, Regtech: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллект. моногр. М., 2021. С. 202.

³ Косов М. Е. Рынок LegalTech: обзор и перспективы развития // Международный журн. гражданского и торгового права. 2019. № 2. С. 19.

⁴ Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 231–232, 235.

⁵ URL: <https://www.statista.com/statistics/1155852> (дата обращения: 17.06.2023).

⁶ URL: https://innoagency.ru/files/Obzor_rynka_RegTech_LegalTech_2021.pdf (дата обращения: 17.06.2023).

⁷ URL: <https://ascendixtech.com/legal-tech> (дата обращения: 17.06.2023).

⁸ URL: <https://www.forbes.ru/brandvoice/ipquorum/410779> (дата обращения: 17.06.2023).

⁹ URL: <https://www.theparagraph.ru/business/efficiency/legal-tech-glazami-rossijskih> (дата обращения: 17.06.2023)

сферу. Только 15 % юридических компаний используют технологии в своей деятельности (на 2021 г.). При этом более 50 % юридических департаментов и фирм в 2019 г. не планировали автоматизацию своих процессов.

Несмотря на явные преимущества развития LegalTech, среди которых выделяют снижение количества ошибок, вызванных человеческим фактором, оперативную обработку данных, снижение стоимости юридических услуг и др.¹, рынок LegalTech в России развивается достаточно медленно, и это обусловлено рядом причин. Назовем основные.

Первая причина – недостаточная включенность государства в развитие данной сферы, его пассивная здесь позиция. Д. С. Руханов отмечает, что «государство не выступает ни как полноценный участник отрасли, ни как флагман, ни как ее регулятор». Из шагов в сторону развития можно отметить утверждение Концепции развития технологий машиночитаемого права, разработанной Минэкономразвития России, принятие Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и утверждение Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, однако этих документов явно недостаточно. При этом нельзя не обратить внимание на то, что отдельные государственные органы внедряют технологические решения в свою деятельность. Например, О. И. Юстус отмечает разнообразие электронных сервисов, которые доступны гражданам на портале «Налог.ру»².

Вторая причина – отсутствие заинтересованности рынка в LegalTech-продуктах. Разработка и внедрение юридических технологий – трудоемкий процесс, требующий серьезных финансовых вложений, которые могут позволить себе только крупные организации.

Третья причина – текущая внешнеполитическая обстановка. Международное сотрудничество – необходимое условие для успешной реализации научного потенциала. Как отмечалось выше, мировыми лидерами в сфере автоматизации и оптимизации юридических процессов являются США и Великобритания, отношения России с которыми в настоящее время крайне напряженные.

Если рассмотреть рынок LegalTech не с количественной, а с качественной стороны, то можно отметить разнообразие направлений, в которых развивается сфера: документооборот и отчетность (Case.one – система для управления делами, проектами, документами, задачами и отчетами), цифровая юриспруденция (DestraLegal.ru – онлайн-сервис для решения юридических задач), управление интеллектуальной собственностью (Linkmark – мгновенное получение информации о товарных знаках и правообладателях), правовой поиск и анализ данных (СПС «КонсультантПлюс»), управление контрактами (Contract – помощник в проверке и анализе догово-

Одним из трендов в LegalTech является использование искусственного интеллекта

ров на базе машинного обучения), управление юридической практикой (DeFacto – электронная база данных судебных прецедентов), разрешение споров (Debetok – онлайн-сервис взыскания дебиторской задолженности юридических лиц через суд), маркетплейсы юридических услуг (маркетплейс бракоразводных услуг «SPLIT FAMILY»).

Рынок LegalTech в России по объемам находится на той стадии, которую мировые лидеры давно миновали, однако разнообразие освоенных нами направлений и наличие множества реальных кейсов дают повод думать, что в качественном отношении мы отстаем незначительно.

Одним из трендов в LegalTech является использование искусственного интеллекта. И. В. Понкин и А. И. Редькина определяют его как «искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия», обладающую рядом свойств, присущих человеку³. Эта технология уже сейчас позволяет сократить время на обработку и анализ юридической информации, автоматически формирует несложные документы, а также оптимизирует иные процессы. Это необходимо развивать.

¹ Лялюшкина К. Р. LegalTech – ответ на вызовы времени // Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2021. С. 110–113.

² Юстус О. И. Значение LegalTech-решений для реализации социальных прав граждан // Защита прав и охраняемых законом интересов граждан: факультетские научные чтения им. профессора Р. Е. Лукасяна. Тверь, 2022. Вып. 3. С. 74–81.

³ Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Юридические науки. 2018. № 1. Т. 22. С. 94–95.

П. А. Курилович, И. Д. Котилевец, И. А. Иванова, проанализировав статистические данные, пришли к выводу, что «наблюдается достаточно большое число пилотных проектов, направленных на внедрение машинного обучения для выполнения тех или иных функций в системе. В целом отмечен высокий прирост разработок в мире, направленных на интеграцию ИИ в CRM и ERP-системы»¹. Однако, как полагает большинство ученых, искусственный интеллект в юридической деятельности надо рассматривать не в качестве полной альтернативы «живым» юристам, а только как вспомогательное средство. Такой позиции, в частности, придерживаются А. А. Терениченко и Е. А. Шульга. Они пишут: «Несмотря на многие преимущества, профессия юриста не шаблонная, а креативная, и поэтому использование роботов с попыткой полной замены ими человека может негативно сказаться на многих сферах жизнедеятельности и существования людей»².

Еще одно перспективное направление – использование технологии блокчейн государственными органами. В. С. Белых и М. А. Егорова отмечают, что ее суть состоит в сохранении данных через растущее количество единичных «блоков», которые связаны друг с другом и защищены криптографией. Одной из самых перспективных сфер применения данной технологии признают сферу интеллектуальной собственности³. Например, В. П. Камышанский предлагает внедрять блокчейн-технологии в систему учета прав интеллектуальной собственности⁴.

Можно ожидать дальнейшего совершенствования электронных платформ для обмена юридической информацией и услугами аутсорсинга юридических фирм, которые уже сейчас предоставляют широкий спектр услуг с использованием инновационных решений. Существует потребность в создании единой

автоматизированной платформы для работы с огромной базой данных и юридических документов, которая объединила бы несколько независимых программ. Из уже разрабатываемых решений необходимо упомянуть «Единый портал правового информирования и правового просвещения в Российской Федерации», который должен объединить на своей платформе автоматизированные сервисы, а также программно-аппаратную среду, предоставляющую информационно-технологические сервисы, с помощью которых будут осуществляться информирование и оказание помощи по правовым вопросам на бесплатной основе с помощью современных информационных технологий⁵.

Deloitte прогнозирует, что в ближайшие пять лет 52 % компаний будут использовать те или иные инструменты LegalTech (сейчас об их использовании заявили 18 % опрошенных компаний). Опросы НАФИ (аналитический центр) и АМУЛЕКС (национальная юридическая служба) также подтверждают готовность отечественных потребителей правовых услуг к инновациям в этой сфере, позволяющим получать правовую помощь быстрее и качественнее⁶.

Ожидается повышение спроса на выпускников, целенаправленно изучавших LegalTech. Так, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) открыл магистерское направление по legaltechnology. Программа включает курсы по анализу данных, программированию, автоматизации юридических процессов, машиночитаемому праву⁷.

Подводя итог, скажем, что развитие LegalTech как в России, так и в мире только набирает обороты. Рынок продолжит развиваться в плане и масштабов, и качества предоставляемых продуктов. Хотя Россия по темпам развития LegalTech отстает от мировых лидеров, мы считаем, что российский LegalTech находится на достойном уровне и имеет отличные перспективы.

¹ Курилович П. А., Котилевец И. Д., Иванова И. А. О некоторых особенностях использования искусственного интеллекта в электронных системах автоматизации бизнес-процессов // Хроники цифровых трансформаций. Волгоград, 2022. С. 41.

² Терениченко А. А., Шульга Е. Д. Роботы-юристы: проблемы внедрения искусственного интеллекта в области юриспруденции // Аграрное и земельное право. 2022. № 2 (206). С. 56–58. DOI 10.47643/1815–1329_2022_2_56.

³ Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестн. Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 139–146. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.139-146.

⁴ Камышанский В. П. Некоторые особенности регистрации права на результаты интеллектуальной деятельности при реорганизации правообладателя в условиях цифровизации экономики // Власть закона. 2022. № 2 (50). С. 26–33.

⁵ Троян Н. А. Информационно-правовое обеспечение развития национальной системы правовой информации в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (37). С. 28–32. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-4-28-32.

⁶ URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/035> (дата обращения: 17.06.2023).

⁷ URL: <https://www.hse.ru/ma/legaltech/?ysclid=lj1655sh1337228759>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джикия М. Д., Шкаленко А. В., Джикия А. А. Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности // Вестн. Московского ун-та МВД России. – 2021. – № 6. – С. 114–119.
2. Косов М. Е. Рынок LegalTech: обзор и перспективы развития // Международный журнал гражданского и торгового права. – 2019. – № 2. – С. 19–29.
3. Курилович П. А., Котилевец И. Д., Иванова И. А. О некоторых особенностях использования искусственного интеллекта в электронных системах автоматизации бизнес-процессов // Хроники цифровых трансформаций. – 2022. – С. 40–44.
4. Лялюшкина К. Р. LegalTech – ответ на вызовы времени // Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. – Симферополь, 2021. – С. 110–113.
5. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 231–236.
6. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 94–95.
7. Рожкова М. А. и др. Legaltech, Fintech, Regtechetc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллект. моногр. М., 2021.
8. Терениченко А. А., Шульга Е. Д. Роботы-юристы: проблемы внедрения искусственного интеллекта в области юриспруденции // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 2(206). – С. 56–58. – DOI: 10.47643/1815-1329_2022_2_56.
9. Троян Н. А. Информационно-правовое обеспечение развития национальной системы правовой информации в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 4 (37). – С. 28–32. – DOI: 10.21681/2226-0692-2020-4-28-32.
10. Юстус О. И. Значение LegalTech-решений для реализации социальных прав граждан // Защита прав и охраняемых законом интересов граждан: факультетские научные чтения им. профессора Р. Е. Гукасяна. – Тверь, 2022. – Вып. 3. – С. 74–81.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Эбергардт Семен Александрович

сотрудник лаборатории цифрового права при кафедре предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: semen_nkz77@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0714-5400.

AUTHOR'S DETAILS

Semyon A. Ebergardt

employee of the Laboratory of Digital Law at the Department of Business Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovleva (Russia, Ekaterinburg). E-mail: semen_nkz77@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0714-5400.

УДК 346.21, 347

Цифровые технологии в праве: LegalTech

Н. С. Борисова¹

Аннотация. Активное развитие цифровых технологий, усложнение общественных отношений влекут за собой потребность в изменении подходов к правовому регулированию отдельных правовых институтов. В соответствии с Программой фундаментальных научных исследований на долгосрочный период (2021–2030 гг.), утвержденной Правительством РФ, трансформация парадигмы права в условиях цифровой экономики, правовое регулирование наукоемких технологий, развитие технологического предпринимательства и создание комфортной юрисдикции для глобального технологического лидерства Российской Федерации являются приоритетными научными направлениями в области юриспруденции. В связи с этим особо важными являются внедрение и использование инновационных информационных технологий в юридической практике и государственном управлении. В статье рассматриваются подходы ученых к определению сущности терминов LegalTech и LawTech, механизация и автоматизация права, на основе анализа российской и зарубежной литературы выделяются этапы развития применения технологий в праве.

Ключевые слова: цифровые технологии, оптимизация юридических процессов, юридические услуги, обработка данных, цифровизация законодательства, автоматизация права, машиночитаемое право, онтология права, юридические технологии, LegalTech, LawTech, искусственный интеллект

Работа выполнена при поддержке Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева в рамках реализации научного проекта «Концепция машиночитаемого права в сфере правового регулирования экономики и бизнеса: перспективы и риски».

Digital technologies in law: LegalTech

Nadezhda S. Borisova²

Abstract. The active development of digital technologies, the complication of public relations need to change approaches to the legal regulation of individual legal institutions. According to the Program for fundamental scientific research long term 2021–2030 by order of the Russian government, transformation of the legal paradigm in the digital economy, legal regulation of high technologies development of technological business and creation of comfortable jurisdiction for the global technological leadership of the Russian Federation is priority scientific directions in the field of jurisprudence. Introduction and using of innovative technologies in legal practice and public administration. The article considers the approaches of scientists to the definition of the terms LegalTech and LawTech, mechanization and automation of law. Based on the analysis of Russian and foreign literature, the stages of development of legal technologies.

Keywords: digital technologies; optimization of legal processes; legal services; data processing; legislation as code; automation of law; machine-readable law; ontology of law; legal technology; LegalTech; LawTech; artificial intelligence

The work was supported by the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev within the framework of the research project “The concept of machine-readable law in the sphere of legal regulation of economy and business: prospects and risks”.

Как следует из Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., формирование цифровой экономики и информационного пространства, развитие информационной

и коммуникационной инфраструктуры РФ, создание и применение российских информационных технологий, обеспечение их конкурентоспособности на международном уровне, формирование новой технологической

¹ Для цитирования: Борисова Н. С. Цифровые технологии в праве: LegalTech // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 94–98.

² For reference: Borisova N. S. Digital technologies in law: LegalTech // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 94–98.

основы для развития экономики и социальной сферы, обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики являются приоритетными направлениями обеспечения национальных интересов РФ при развитии информационного общества.

В ходе реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» сделаны акценты на обеспечении безопасности цифровых данных, широком применении информационных технологий и искусственного интеллекта в принятии решений на всех уровнях управления. Следствием этого должно стать создание экосистемы цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан, а также повышение конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей экономики Российской Федерации, так и экономики в целом. Реализация указанных приоритетов не только требует пересмотра правовых норм и регулирования вновь возникших технологий и явлений, но и обуславливает необходимость внедрения новой технологии права. Кроме того, рациональное использование технологий позволяет снизить временные и денежные затраты, повышает эффективность деятельности и качество предоставляемых услуг, обеспечивает оперативное взаимодействие, снижает риски¹.

В контексте права и технологий чаще стали употребляться понятия «LegalTech» и «LawTech», «машиночитаемое право», «автоматизация права», «онтологии права». Однако сегодня в доктрине отсутствует единый подход к формулированию определений данных терминов, выявлению их соотношения, что создает неопределенность в понятийном аппарате, а в результате происходит подмена понятий в практической юридической деятельности.

Так, некоторые исследователи считают, что отрасль LegalTech можно рассматривать в широком и узком смысле. В узком смысле данная отрасль рассматривается как сфера информационно-технологического обслуживания профессиональной юридической деятельности, например, это создание сайта правовой направленности с возможностью онлайн-посредничества между клиентом и юристом либо предоставление

программного обеспечения для самообслуживания, которое исключает необходимость обращения к юристам. В широком смысле она направлена на разработку, внедрение и использование информационных, в том числе цифровых, технологий в процессе оказания юридических услуг, а также в процессе реализации юридического образования². Представляется, что в этом случае происходит разделение между использованием инфор-

В контексте права и технологий чаще стали употребляться понятия «LegalTech» и «LawTech», «машиночитаемое право», «автоматизация права», «онтологии права»

мационно-телекоммуникационных технологий как способом поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и разработкой и внедрением цифровых технологий, когда реализуется непосредственное участие технологий в юридической деятельности, а не ее обслуживание в контексте сбора и передачи информации.

В свою очередь, М. А. Рожкова считает, что LegalTech – это разнообразные платформы, программы, продукты и инструменты, специально разработанные для упрощения и оптимизации процессов, составляющих профессиональную деятельность юристов. То есть LegalTech представляет собой технологические решения, создаваемые для профессиональных юристов и юридического бизнеса с целью повышения эффективности оказания юридических услуг или юридического сопровождения бизнеса³. В данном случае LegalTech выступает как готовый продукт и результат внедрения цифровых технологий в юридическую деятельность. Безусловно, внедрение технологий в юридическую деятельность проходит разные стадии – от идеи до создания готового продукта, однако, на наш взгляд, платформа и программа – это итоговый визуальный способ представления определенной технологии. Поэтому уникальное технологическое решение, направленное на осуществление юридической деятельности, но еще не облеченное в образ платформы или конкретного продукта, также является достижением LegalTech. Таким образом, авторы приведенных определений исходят

¹ Основные направления развития технологий Suptech и Regtech на период 2021–2023 годов // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120709/SupTech_RegTech_2021-2023.pdf (дата обращения: 09.06.2023).

² Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учеб. / под ред. А. В. Минбалева. М., 2022. С. 6.

³ Рожкова М. А. О правовых аспектах использования технологий: LegalTech и LawTech // Хозяйство и право. 2020. № 3. С. 3–4.

из разных критериев и стадий развития технологического решения.

На наш взгляд, при формулировании определения данного термина необходимо использовать эволюционный подход. Условно в истории развития LegalTech можно выделить четыре этапа.

1. Начало 1990-х гг. – накопление данных и цифровизация документов, преобладание ручных сбора и обработки данных, появление простейших программ для работы с документами, сайтов для взаимодействия государственных органов и участников рынка.

2. 2000-е гг. – автоматизация рутинных процессов, в частности создание и внедрение систем электронного документооборота, справочно-правовых систем, со-

Технологии способны не только выполнять примитивные действия и рутинные процессы по заданному алгоритму, но и генерировать решения, которые до этого были исключительно результатом интеллектуальной деятельности человека

ответствующий анализ данных в отдельных государственных службах (например, налоговой).

Анализируя первые два этапа, мы можем говорить о том, что использование простейших программ для работы с документами, взаимодействие с регуляторами посредством интернет-порталов можно характеризовать как информационно-технологическое обслуживание юридической деятельности. То есть в данном случае технологии не заменяют собой составляющие процесса юридической деятельности, а лишь вносят в нее новые способы ввода, передачи информации, а также взаимодействия между участниками.

3. 2010-е гг. – автоматизация всех бизнес-процессов (англ. *Robotic process automation*), для которой характерно активное использование больших данных в государственных органах, бизнесе для выявления преступных посягательств и борьбы с ними.

На этом этапе технологии внедряются непосредственно в процесс юридической деятельности, т. е. они уже способны осуществлять «интеллектуальную» деятельность, хотя и на примитивном уровне.

4. 2020-е гг. – цифровая трансформация на основе искусственного интеллекта, которая направлена

на адаптивное регулирование с учетом трансформации общественных отношений, автоматизация законодательства (англ. *Legislation as code*) – перевод текстов в машиночитаемый формат, а также использование искусственного интеллекта в разработке законов.

Здесь технологии уже способны не только выполнять примитивные действия и рутинные процессы по заданному алгоритму, но и генерировать решения, которые до этого были исключительно результатом интеллектуальной деятельности человека. В связи с этим меняется и подход к управлению: идет ориентация на предотвращение нарушений до их возникновения, в отличие от первого этапа, где акцент был сделан на решении проблем, поскольку технологии способны «работать на опережение».

Таким образом, этапы развития LegalTech напрямую зависят от уровня развития технологий. Так, если для 2000-х гг. было характерно создание интернет-порталов для взаимодействия с государственными органами или сайтов правовой направленности с возможностью онлайн-посредничества между клиентом и юристом, то нашему времени уже присуща машинизация правовых норм. Причем на каждом из этапов технологии могут быть представлены в форме готового продукта, платформы или программы.

Говоря о разграничении LegalTech и LawTech, необходимо отметить, что LegalTech-решения, как правило, ориентированы на юридическое профессиональное сообщество и бизнес, основной целью их является повышение эффективности юридической функции, а LawTech-сервисы предназначены для потребителей юридических услуг и направлены на оказание правовой помощи. На наш взгляд, разграничение это является условным, а ключевые отличия между ними связаны с субъектным составом и функциональным назначением применяемых технологий.

Анализируя понятия «автоматизация права» и «машинизация права», необходимо отметить, что под автоматизацией права в литературе понимаются процессы, связанные с компьютерной обработкой информации в сфере права, а именно: цифровизация оборота правовых документов, разработка алгоритмов, описывающих правоприменение, разработка информационных систем, способных формировать правовые суждения или рекомендации на основе одной или нескольких технологий, относящихся к областям логического или правдоподобного вывода¹. При этом разработка алгоритмов и информационных систем в данном случае осуществляется без применения онтологии права.

¹ Израйлит С. и др. Концепция развития технологий машиночитаемого права. Сколково, 2021. С. 14.

Так, О. М. Родионова справедливо подчеркивает, что сама по себе возможность создания машиночитаемой записи нормативных положений, позволяющей использовать их для обработки с помощью ЭВМ, не приводит к формированию права в новой онтологии как системы¹. Например, системы управления массивами правовых документов (Westlaw, LexisNexis, LegalZoom, RocketLawyer и т. п.) не являются примерами машиночитаемого права. Такие системы приносят пользу юристам, помогая пользователям создавать и (или) находить документы, однако сами они не понимают (не в состоянии понять) содержания этих документов².

Машиночитаемое право, в свою очередь, определяется как формальное представление определенного набора правил (норм), относящихся к сфере права, основанное на онтологии права³. И. В. Понкин и А. И. Лаптева определяют термин «онтология» как средство конструирования и (или) репрезентации правовой реальности (действительности) и правового универсума (правового пространства, правового ландшафта)⁴. Согласно позиции Ю. И. Волокитина, В. П. Куприяновского и др. онтология – технология (и результат ее взаимодействия) всеобъемлющей и подробной формализации некоторой области знаний с помощью концептуальной схемы⁵.

Таким образом, можно полагать, что машинизация права является методом автоматизации права, основанным на онтологии права, и предполагает целостный и взаимосвязанный характер формального представления содержания правовых норм, а как следствие – конструирование и формирование новой правовой реальности на формальном языке.

Д. А. Савельев отмечает, что термин «машиночитаемое право» более созвучен терминологии 1990-х гг.⁶ И. В. Понкин и А. И. Лаптева придерживаются аналогичного мнения и считают, что этот термин звучит сегодня достаточно архаично и не вполне адекватно отражает действительность, поэтому более корректно использовать понятия «законодательство как код» или «право как код» (англ. «legislation-as-code» или «rules-as-code»)⁷.

Идеи концепта машиночитаемого права и использования в праве технологий озвучивались уже в 1940 гг., Так, еще Луиса Келсо писал, что экспертные системы, основанные на вычислительных технологиях, потенциально смогут принести ощутимую пользу для юридической науки и практики⁸. Сегодня эта потенциальная возможность превратилась в реальную – уровень развития вычислительных технологий позволяет решать эту задачу, и именно с учетом данного уровня надо исходить при формулировании определений соответствующих понятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волокитин Ю. И., Куприяновский В. П., Гринько О. В. и др. Проблемы цифровой экономики и формализованные онтологии // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – Vol. 6. – № 6. – С. 87–96.
2. Израйлит С. и др. Концепция развития технологий машиночитаемого права. – Сколково, 2022. – 97 с.
3. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учеб. / под ред. А. В. Минбаева. – М., 2022. – 368 с.
4. Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: учеб. – М., 2021. – 174 с.
5. Понкин И. В., Редькина А. И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юрид. альманах. – 2019. – С. 24–37.
6. Родионова О. М. Право и цифровые технологии // Вестн. Саратовской гос. юрид. академии. – 2019. – № 6. – С. 85–89.

¹ Родионова О. М. Право и цифровые технологии // Вестн. Саратовской гос. юрид. академии. 2019. № 6. С. 86.

² Genesereth M. Computational Law: The Cop in the Backseat [Вычислительное право: полицейский на заднем сиденье] // URL: <https://law.stanford.edu/2016/01/13/michael-genesereths-computational-law-the-cop-in-the-backseat> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Израйлит С. и др. Концепция развития технологий машиночитаемого права. С. 14.

⁴ Понкин И. В., Редькина А. И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юрид. альманах. 2019. С. 24–37.

⁵ Волокитин Ю. И., Куприяновский В. П. и др. Проблемы цифровой экономики и формализованные онтологии // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. № 6. С. 87.

⁶ Савельев Д. А. О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 28–29.

⁷ Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: учеб. М., 2021. С. 54.

⁸ Kelso L. O. Does the Law Need a Technological Revolution [Нужна ли праву технологическая революция] // Rocky Mountain Law Review. 1945/1946. Vol. 18. P. 378–383.

7. Савельев Д. А. О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных // Право: Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 28–29.

8. Kelso L. O. Does the Law Need a Technological Revolution [Нужна ли праву технологическая революция] // Rocky Mountain Law Review. – 1945/1946. – Vol. 18. – P. 378–383.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисова Надежда Сергеевна

сотрудник лаборатории цифрового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: nadezhdaborisova.law@gmail.com.

AUTHOR'S DETAILS

Nadezhda S. Borisova

employee of the Digital Law Laboratory of the Ural State University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterin-burg). E-mail: nadezhdaborisova.law@gmail.com.

УДК 349.6

К вопросу о правовой природе возмещения вреда окружающей среде

В. Б. Фетисов¹

Аннотация. В статье исследуются вопросы определения правовой природы возмещения вреда, причиненного окружающей среде, как меры ответственности, соотношение признаков рассматриваемого института с признаками гражданско-правовой и публично-правовой ответственности. Рассмотрена практика толкования и применения данного института в российском праве, на основе выделяемых в науке и практике его признаков сделан вывод о гражданско-правовой природе возмещения экологического вреда.

Ключевые слова: окружающая среда, возмещение вреда, экологический вред, меры ответственности, гражданское право, публичное право, сверхкомпенсация

On the question of the legal nature of compensation for environmental damage

Valery B. Fetisov²

Abstract. The article examines the issue of determining the legal nature of compensation for damage caused to the environment as a measure of responsibility, in the context of the correlation of the characteristics of the institution in question with the signs of civil and public liability. The practice of interpretation and application of this institution in Russian law is considered, on the basis of the features identified in science and practice, a conclusion is made about the civil nature of compensation for environmental damage.

Keywords: environment; compensation for harm; environmental harm; liability measures; civil law; public law; overcompensation

Возмещение вреда, причиненного отдельными лицами окружающей среде, является одним из институтов российского права, причем наличие у него специфических черт ставит на повестку дня вопрос о его правовой природе. Вопрос этот до сих пор является дискуссионным, несмотря на стремление высших судов восполнить пробелы в понимании природы рассматриваемого института, его толковании и применении судами в различных ситуациях.

Одним из актуальных на сегодня является вопрос об отнесении института возмещения вреда, причиненного окружающей среде, к сфере гражданско-правового либо публично-правового регулирования. Данное

обстоятельство обусловлено тем, что, как верно отмечено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П, пагубное воздействие, причиненное экологическим правонарушением, включает «экологический вред окружающей среде, вред, причиняемый здоровью человека (социальный вред), и вред имуществу, находящемуся в частной или публичной собственности (экономический вред)».

Решение данного вопроса будет иметь далеко идущие последствия, основным из которых станет избрание модели теоретической и законодательной проработки рассматриваемой меры ответственности. Кроме того, это предупредит возникновение проблем при применении

¹ Для цитирования: Фетисов В. Б. К вопросу о правовой природе возмещения вреда окружающей среде // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 99–102.

² For reference: Fetisov V. B. On the question of the legal nature of compensation for environmental damage // Business, Management and Law. 2023. № 4. P. 99–102.

рассматриваемого института на практике, которые сегодня неизбежны в силу существенных различий в условиях и пределах ответственности в различных отраслях.

Высшие судебные инстанции однозначно исходят из гражданско-правовой природы рассматриваемого института. Об этом свидетельствует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», положения которого можно определить как основные для применения судами. Конституционный Суд Российской Федерации в п. 3.2 Постановления от 2 июня 2015 г. № 12-П отмечает: «С учетом того, что правовое регулирование отношений, возникающих из причинения вреда, осуществляется на основе гражданско-правового института деликтных обязательств, данная обязанность имеет сходство с мерами гражданско-правовой ответственности».

Приведенные положения позволяют рассматривать вопросы возмещения экологического вреда с использованием конструкции состава гражданского правонарушения, правил о безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности и ограничении ответственности по нормам гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Как следствие, возмещение вреда становится значительно более упорядоченным и справедливым, что невозможно при использовании в этой сфере исключительно норм Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) и норм природоресурсного законодательства с опорой на принципы публично-правовой ответственности.

Указанные преимущества имеют значение и в правоприменительной практике. В частности, суды признают возможность определения границ ответственности с учетом критериев, установленных ГК РФ. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 июня 2023 г. по делу № А56-117739/2021 говорится, что «суд вправе уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином окружающей среде, с учетом его имущественного положения, кроме случаев, когда он причинен действиями, совершенными умышленно». На гражданско-правовую презумпцию

вины правонарушителя в делах данной категории указано в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 апреля 2022 г. № 48-КГ21-28-К7.

В отношениях по возмещению экологического вреда с учетом позиции, изложенной в п. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П, существенное значение имеет тот факт, что экологическое правонарушение причиняет вред «окружающей среде, являющейся общим достоянием, т. е. затрагивает и частные, и публичные интересы». Между тем, по мнению В. В. Витрянского, подобные случаи допустимо считать исключениями из общего правила, в которых допускается гражданско-правовое регулирование¹.

Однако в литературе высказана и противоположная точка зрения. Ее приверженцы исходят из того, что публичный интерес сам по себе является системообразующим явлением именно публичного права². На этом основании М. М. Бринчук указывает, что ответственность в рамках возмещения вреда, причиненного окружающей среде, реализуется по самостоятельной эколого-правовой модели, относящейся к сфере публичного права³.

Но сторонники этой позиции не учитывают, что механизмы гражданско-правовой ответственности могут быть частично направлены и на защиту публичного интереса, нарушенного поведением отдельных субъектов гражданских правоотношений. Представляется, что подобное соприкосновение интересов допустимо в рамках гражданско-правовой ответственности, если ее применение позволяет в наибольшей степени соблюсти баланс частных и публичных интересов при осуществлении их защиты.

Вопрос о гражданско-правовой природе экологического вреда может возникнуть также при исследовании его возмещения с точки зрения соразмерности предоставляемого возмещения объему причиненного вреда. Данное обстоятельство вызвано тем, что, как пишет Г. Н. Шевченко, гражданско-правовая ответственность носит компенсационный характер в силу возмездно-эквивалентного характера гражданских правоотношений в целом⁴. Соглашается с приведенным мнением Ж. Ю. Юзефович, отмечая, что «нормы гражданско-правовой ответственности показывают безусловное

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. первая: Общие положения. 2-е изд. М., 2005. С. 607.

² Тихомиров Ю. А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журн. рос. права. 2001. № 5. С. 3.

³ Бринчук М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 2009. № 4. С. 39–48; См. также: Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Правовое регулирование возмещения вреда окружающей среде в современных реалиях // Экологическое право. 2018. № 5. С. 9.

⁴ Гражданское право: учеб. в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева. М., 2018. С. 978.

доминирование компенсационной функции в этом виде ответственности»¹.

Действительно, норма п. 3 ст. 77 Закона об охране окружающей среды устанавливает в качестве общего правило о возмещении вреда в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде. Стандартная для гражданско-правовой ответственности модель определения размера возмещения исходя из установленного размера убытков, как следует из указанной нормы, применяется лишь субсидиарно, вследствие чего размер ответственности правонарушителя предполагается заведомо максимальным.

Однако при рассмотрении пределов ответственности надлежит учитывать оговорку, закрепленную в абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ, согласно которой законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда. Группу правовых институтов, базирующихся на данной возможности, можно обозначить как меры сверхкомпенсационной ответственности.

Необходимо отметить, что сверхкомпенсационная ответственность в российском гражданском праве традиционно критикуется учеными в силу ее противоречия традиционному пониманию функций гражданско-правовой ответственности. Как правило, в доктрине указывается на не свойственную гражданскому праву цель наказания путем присуждения завышенной компенсации, а также на требуемое зачастую для реализации данных мер вмешательство государства с привнесением элемента принуждения².

Между тем достаточно разумно обосновал важность наличия сверхкомпенсационной защиты в правовой системе Г. А. Гаджиев. Он пишет, что убытки потерпевшего от правонарушения могут быть трудноисчислимыми либо неисчислимыми, в связи с чем присуждение компенсации на основе лишь объективно доказуемых потерь в таких случаях оказывается несправедливым и не соответствующим цели восстановления нарушенного права. Как следствие, снижается эффективность защиты прав и доверие к судебной системе, а также увеличивается заинтересованность недобросовестных участников оборота в создании выгод посредством нарушения прав иных лиц³. Именно на невозможность объективной

Сверхкомпенсационная ответственность в российском гражданском праве традиционно критикуется учеными в силу ее противоречия традиционному пониманию функций гражданско-правовой ответственности

оценки вреда окружающей среде в силу взаимозависимости компонентов друг от друга и, как следствие, возможности наступления отдаленных последствий, указано, в частности, в п. 3.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П.

Характер ответственности подчеркивается также в недавней практике Верховного Суда РФ. Так, в Определении от 20 апреля 2023 г. № 308-ЭС22-27164 Суд отметил, что «правовое регулирование отношений, возникающих из причинения вреда окружающей среде, осуществляется на основе гражданско-правового института внедоговорных (деликтных) обязательств. Гражданская ответственность за экологический вред носит имущественный (компенсационный) характер и призвана обеспечить в хозяйственном обороте реализацию принципа „загрязнитель платит“, создать экономические стимулы к недопущению причинения экологического ущерба при ведении своей деятельности хозяйствующими субъектами, иными участниками гражданского оборота».

Таким образом, механизм возмещения экологического вреда в достаточной мере соответствует характеристикам гражданско-правового института возмещения вреда. Между тем нельзя не признать, что по отдельным признакам (осуществление полномочий кредитора только органами публичной власти, зачисление денежных средств в бюджет, направленность на защиту публичного интереса) он в значительной мере тяготеет и к институту публично-правовой ответственности. Тем не менее эффективность иска о возмещении экологического вреда и достижение его целей в справедливом объеме в настоящее время обусловлены применением именно норм о гражданско-правовой ответственности.

¹ Юзефович Ж. Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 17.

² Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестн. экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 108.

³ Гаджиев Г. А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // Вестн. экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 65–85.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. первая: Общие положения. 2-е изд. – М., 2005.
2. Бринчук М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 39–48.
3. Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Правовое регулирование возмещения вреда окружающей среде в современных реалиях // Экологическое право. – 2018. – № 5.
4. Гаджиев Г. А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // Вестн. экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 4. – С. 65–85.
5. Гражданское право: учеб. в 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева. – М., 2018.
6. Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестн. экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 1.
7. Тихомиров Ю. А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журн. рос. права. – 2001. – № 5.
8. Юзефович Ж. Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фетисов Валерий Борисович

аспирант Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: vd-fetisov@mail.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Valery B. Fetisov

graduate student of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: vd-fetisov@mail.ru.

Воспоминания об Учителе. Валентин Карлович Мамутов – выдающийся ученый, экономист-правовед (к 95-летию со дня рождения)

Валентин Карлович Мамутов – академик Национальной академии наук (НАН) Украины, академик Академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины. Будучи крупным украинским ученым, он хорошо известен юридической и экономической общественности России и многих других стран. Вся его жизнь, выдающийся талант, неиссякаемое творческое вдохновение были отданы служению юридической науке, повышению ее роли в решении наиболее сложной задачи – правового обеспечения экономики и бизнеса.

В. К. Мамутов родился 30 января 1928 г. в Одессе¹. Вскоре вся семья переехала в Свердловск. Там он окончил среднюю школу № 10 рабочей молодежи на отлично (аттестат от 21 июля 1944 г.). В сентябре 1945 г. поступил в Свердловский юридический институт, который блестяще окончил в 1949 г. Листая пожелтевшую от времени зачетную книжку студента Мамутова, нельзя не обратить внимание на два момента. Во-первых, это отличные оценки по большинству учебных дисциплин. Во-вторых, это фамилии преподавателей: по теории государства и права – С. А. Розмарин, ставший впоследствии Президентом Польской Академии наук; по римскому частному праву – профессор А. М. Винавер; по гражданскому праву – профессор Б. Б. Черепакхин; по уголовному процессу – Д. П. Прошляков; по гражданскому процессу – профессор К. С. Юдельсон. На одном курсе с Валентином Карловичем учились С. С. Алексеев, В. П. Воложанин, В. С. Якушев.

В материалах архивного дела имеется заявление студента Мамутова на имя директора Свердловского юридического института Д. Н. Исупова с просьбой зачислить его в число студентов по специальности «прокурор». Поэтому на 4-м курсе практику с 15 декабря 1948 г. по 23 февраля 1949 г. он прошел в прокуратуре Молотовского района² г. Свердловска. В послевоенные годы юридическое образование во многом было однобоким, строилось с учетом интересов правоохранительных

*Валентин Карлович
Мамутов*

органов – судов, прокуратуры, следствия, военной юстиции. На правовую работу в народное хозяйство направлялись единицы. Это диктовалось сложившейся в стране в тот период общей социально-экономической и политической обстановкой.

В феврале 1948 г. В. К. Мамутов вступил в КПСС. Избран вторым, а затем первым секретарем райкома ВЛКСМ Молотовского района г. Свердловска.

После окончания СЮИ был зачислен в аспирантуру по специальности «Гражданское право». В этой связи вызывает повышенный интерес текст отзыва о его научном реферате на тему «К вопросу о волевом характере гражданских правоотношений», представленном при поступлении в аспирантуру. Отзыв подписал профессор Б. Б. Черепакхин. В нем говорится: «Несмотря на имеющиеся расхождения с автором в части раскрытия содержания и доказательства основного тезиса сочинения, следует признать, что реферат обнаруживает пытливость ума и живой научный интерес автора. Написан реферат хорошим литературным языком. Автор, бесспорно, умеет сочетать краткость изложения с ясной и точной подачей своих рассуждений».

Затем были вступительные экзамены в аспирантуру. В составе комиссии по гражданскому праву: профессор Б. Б. Черепакхин, профессор К. С. Юдельсон, кандидат юридических наук И. З. Каплун. «Ответы

¹ Любопытное совпадение: доцент кафедры хозяйственного права Свердловского юридического института Владимир Иосифович Кофман тоже родился в Одессе, чем очень гордился.

² В настоящее время Верх-Исетский район Екатеринбурга.

тов. Мамутова В. К. комиссия признала заслуживающими оценки „отлично“. Экзамен по иностранному языку принимал сам О. С. Альстер.

Научным руководителем аспиранта В. К. Мамутова был назначен профессор Б. Б. Черепашин. В период работы в Свердловском юридическом институте у Б. Б. Черепашина было шесть аспирантов: С. С. Алексеев, М. Я. Кириллова, В. К. Мамутов, О. А. Красавчиков, В. П. Шахматов, Е. Д. Шешенин.

Первоначальная тема кандидатской диссертации – «Право личной собственности на жилой дом в СССР», однако в связи со сложившимися обстоятельствами¹ она была изменена. В феврале 1956 г. В. К. Мамутов защищает кандидатскую диссертацию «Вопросы ассортимента, качества и комплектности поставляемой продукции в советском праве» на юридическом факультете Ленинградского государственного университета.

Юридическая карьера В. К. Мамутова началась в Свердловске: в 1950–1956 гг. он работал консультантом, а затем государственным арбитром Госарбитража при Исполкоме Свердловского областного совета депутатов трудящихся. Работа в Госарбитраже предопределила сферу его научных интересов – решение правовых проблем экономики и совершенствования хозяйственного законодательства. Небольшое отступление: те ученые, которые пришли из практики либо, наоборот, пришли в нее, в своих научных исследованиях чаще всего используют богатейший опыт хозяйственной и судебной практики в сочетании с комплексным (межотраслевым) подходом).

В 1956 г. В. К. Мамутов вернулся на Украину, где работал в должности начальника юридических отделов республиканского Министерства строительства предприятий угольной промышленности (1956–1957 гг.), «советского суперконцерна» – Донецкого Совета народного хозяйства (1957–1965 гг.), а также Министерства угольной промышленности УССР (1965–1966 гг.).

Все эти годы В. К. Мамутов совмещал практическую работу с научной. В 1966 г. он стал заместителем директора Института экономики промышленности АН УССР (1966–1992 гг.). С 1992 г. В. К. Мамутов был директором Института экономико-правовых исследований Национальной академии наук Украины.

В 1965 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Регулирование компетенции хозяйственных органов промышленности СССР (в решении хозяйственных вопросов)». Защита состоялась в Харьковском

юридическом институте. Официальные оппоненты: профессор В. В. Лаптев, профессор В. М. Гордон, профессор Ю. М. Козлов (весьма интересное сочетание оппонентов). В 1976 г. (спустя десять лет) ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1972 г. В. К. Мамутов был избран членом корреспондентом (т. е. в 44 года), а в 1988 г. (в 60 лет) – действительным членом (академиком) Академии наук Украинской ССР (с 1994 г. Национальная академия наук Украины).

Валентин Карлович Мамутов – яркий представитель науки хозяйственного права. Вместе с академиком В. В. Лаптевым он является основателем третьей (послевоенной) теории в истории юридической науки школы хозяйственного права. Ее авторы – В. В. Лаптев, В. К. Мамутов, Г. М. Свердлов, В. С. Тадевосян и др. – пришли к выводу о существовании хозяйственного права как самостоятельной отрасли, имеющей свои предмет и особый метод правового регулирования единых хозяйственных отношений. Впервые в правовой науке была сформулирована модель правового регулирования социальных связей, возникающих на основе синтеза «горизонтальных», «вертикальных» и внутривозрастных отношений. Если горизонтальные отношения, по мнению представителей данной концепции, возникают между хозяйствующими субъектами, то вторые – между субъектами и органами государственной власти и местного самоуправления. Внутривозрастные отношения складываются между подразделениями предприятий.

Эта концепция сочетает элементы публичного и частного права, что давало ее авторам возможность обосновать расширение прав государственных предприятий в рамках обязательных для них плановых заданий. Сторонники «послевоенной теории хозяйственного права» внесли весомый вклад не только в исследование теоретических проблем хозяйственного права (что само по себе имеет важное значение), но и в разработку основополагающих хозяйственно-правовых актов, регулирующих в свое время (при проведении экономической реформы 1965 г.) те или иные вопросы в сфере хозяйствования. Поэтому вряд ли можно признать справедливыми оценки теории хозяйственного права тех представителей цивилистического типа правового регулирования экономики, которые рассматривают эту теорию исключительно в качестве продукта и защитника советской партийно-плановой системы².

¹ В 1952 г. профессор Б. Б. Черепашин переехал в Ленинград и возглавил кафедру гражданского права Ленинградского юридического института (с 1954 г. – Ленинградский государственный университет, юридический факультет).

² См. подробнее: Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: моногр. М., 2005. С. 4–17.

Данная теория, особенно в свете разработки проекта Хозяйственного кодекса СССР, вызвала настоящий переполох в среде ученых-цивилистов. Научное (и не только) противостояние между сторонниками и противниками концепции хозяйственного права продолжалось несколько десятилетий¹.

В научных исследованиях академика В. К. Мамутова достаточно четко и последовательно прослеживаются: во-первых, использование комплексного экономико-правового подхода к управлению производством, предприятием (объединением), регионом; во-вторых, сочетание различных методов публично-правовых и частноправовых начал в регулировании хозяйственной деятельности. Наиболее значительными его работами в этой новаторской сфере являются монографии «Компетенция государственных органов в решении хозяйственных вопросов промышленности» (1964 г.), «Предприятие и вышестоящий хозяйственный орган» (1969 г.), «Возмещение убытков от нарушений обязательств поставки продукции» (в соавт., 1970 г.), «Предприятие и материальная ответственность» (в соавт., 1971 г.), «Экономические санкции и дисциплина поставок» (в соавт., 1976 г.), «Совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности (методология, направления)» (1986 г.)².

Весьма интересными и полезными с точки зрения практикующих юристов являются его многочисленные публикации, посвященные проблеме организации правовой работы в народном хозяйстве, и комментарии: «Комментарий к Положению о социалистическом государственном производственном предприятии» (в соавт., 1968 г.), «Организация хозяйственно-правовой работы на предприятии» (в соавт., 1975 г.) и др.

В последнее десятилетие основными направлениями научных исследований В. К. Мамутова были методология совершенствования правового регулирования хозяйственной деятельности в условиях формирования национального хозяйственного законодательства, правовые аспекты смешанной экономики, систематизация и кодификация хозяйственного законодательства, становление и функционирование национально-го антимонопольно-конкурентного законодательства,

совершенствование государственного регулирования экономики в новых условиях, правовое обеспечение регионального управления, предупреждение «тенизации» и криминализации экономики.

Академик В. К. Мамутов и его команда принимали активное участие в нормотворческой деятельности: ими подготовлены десятки законодательных актов по различным аспектам правового обеспечения экономики. Однако бесспорное лидерство на этом важном участке заняла подготовка проекта Хозяйственного (Коммерческого) кодекса Украины, принятого Верховной Радой Украины 29 ноября 2001 г. Была проделана огромная организаторская и содержательная работа. Понятно, что основной удар здесь профессионально держал основатель Донецкой школы хозяйственного права В. К. Мамутов.

Валентин Карлович Мамутов – это целая эпоха. Он известен как первоклассный педагог. Среди его учеников около 30 докторов и кандидатов юридических наук. Под редакцией и с авторским участием В. К. Мамутова подготовлены учебники «Хозяйственное право зарубежных стран» (1996 г.) и «Хозяйственное право» (2002 г.). Всего же в его активе свыше 400 публикаций.

В. К. Мамутов удостоен высоких государственных наград СССР и Украины, в том числе Ордена Дружбы народов (1981 г.). В 2002 г. Донецкий городской совет присвоил ему звание «Почетный гражданин города Донецка».

Валентин Карлович Мамутов внес неоценимый вклад в развитие науки хозяйственного права, становление и развитие хозяйственного законодательства. Он много путешествовал, принимал участие в конференциях различного уровня, выступал с докладами и лекциями, писал статьи, книги об актуальных проблемах правового регулирования хозяйственной деятельности.

Умер В. К. Мамутов 15 марта 2018 г. в родном Донецке; ему исполнилось 90 лет³.

Вечная память нашему Учителю, великому Ученому, основателю Донецкой школы хозяйственного права, почетному гражданину г. Донецка.

Профессор В. С. Бельх

¹ Яркое эмоциональное по своему накалу статья с критикой теории хозяйственного права была написана О. С. Иоффе и О. А. Красавчиковым (см.: Иоффе О. С., Красавчиков О. А. О критике и научности критики // Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 742–758. (Сер. «Классика российской цивилистики)).

² См.: Мамутов В. К. Хозяйственное право. Избранные труды. Екатеринбург, 2008. 303 с. (Сер. Классика хозяйственно-правовой мысли).

³ В этом году Институт экономических исследований ДНР (отдел экономико-правовых исследований) совместно с кафедрами предпринимательского права МГУ им. М. В. Ломоносова, УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, кафедрой гражданского и предпринимательского права Донецкой академии управления и государственной службы провели Международную научно-практическую конференцию «Современные проблемы хозяйственного законодательства», посвященную 95-летию со дня рождения и 5-летию памяти основателя Донецкой школы хозяйственного права академика В. К. Мамутова.

*Виктор Николаевич
Симонов*

Памяти товарища

24 ноября 2023 г. скоропостижно, в возрасте 66 лет, скончался старший преподаватель кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева Виктор Николаевич Симонов. 28 ноября состоялось прощание с Виктором Николаевичем.

Виктор Николаевич родился 29 октября 1957 г. в г. Гуково Ростовской области. В 1958 г. семья переехала в Свердловск, где он в 1975 г. окончил среднюю школу № 1. Далее служба в рядах Советской Армии (1975–1977 гг.).

В 1985 г. Виктор Николаевич поступает в Свердловский юридический институт и успешно завершает обучение в 1990 г.

С 1991 по 1993 г. г. он работает в Екатеринбургском городском совете народных депутатов в должности главного специалиста по жилищным вопросам. В 1991 г. Виктора Николаевича принимают на работу в Администрацию г. Екатеринбурга, где он до 2000 г. занимал должность главного специалиста управления по жилищной политике. С 2000 г. по 2001 г. работает начальником отдела сначала в Главном управлении Министерства юстиции Свердловской области, затем в Федеральном управлении Минюста РФ по УрФО. Виктор

Николаевич – начальник отдела Уральского отделения Российской школы частного права.

Виктор Николаевич – высококвалифицированный специалист в области гражданского права. В Университете он преподавал такие курсы, как «Гражданское право», «Жилищное право», «Наследственное право». Его занятия всегда отличались практической направленностью, что вызывало особый интерес у студентов.

Виктор Николаевич охотно делился своим опытом, примером чему служит участие в семинарах и конференциях различного уровня. Им написаны комментарии (в соавторстве), в том числе к Жилищному кодексу РСФСР, Жилищному кодексу РФ, Законам РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», «Об основах федеральной жилищной политике» и др.

Виктор Николаевич был не только профессионалом высокого уровня, но и душой коллектива кафедры предпринимательского права, причем с большим чувством юмора. Таким он запомнился и останется в нашей памяти!

Коллектив кафедры предпринимательского права, журнала «Бизнес, менеджмент и право» выражает искреннее соболезнование родным и близким Виктора Николаевича Симонова.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО

научно-практический экономико-правовой журнал

12+

Выпускающие редакторы: *О. В. Вагина, Е. Ю. Гаевская.*
Редактор: *Н. Н. Степанова.* Верстка: *А. Ю. Тюменцева.* Переводчик: *Н. В. Садыкова*

Адрес редакции и издателя журнала: 620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54, оф. 303, тел./факс: +7 (343) 367-43-01,
web-сайт: bmpravo.usla.ru, e-mail: bmprjournal@gmail.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Ажур»:
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54, тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49,
web-сайт: azhur66.ru, e-mail: azhur.ek@mail.ru

Подписано в печать 25.09.2023 г. Формат 60×84/8. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,55.
Уч.-изд. л. 11,66. Тираж 100 экземпляров. Заказ № 29/12-23. Дата выхода в свет: 29.12.2023 г.

Цена свободная. Периодичность 4 раза в год

Подписка: Каталог Агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»: 18626. ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Номер Свидетельства ПИ № ФС77-64841 от 10 февраля 2016 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными. Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, менеджмент и право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ